

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

4. 2012

ИЮЛЬ-АВГУСТ

Коков Валерий Мухамедович

Первый Президент Кабардино-Балкарской Республики
(1941-2005)

Подписывая Договор между Российской Федерацией и Кабардино-Балкарской Республикой 1 июля 1994 года, Валерий Мухамедович Коков сказал: «...Более четырех веков назад народ Кабардино-Балкарии связал свою судьбу с судьбой Русского Государства, с судьбой великого русского народа. И данной клятве народ оказался верен до сегодняшних дней...»

В. М. Коков родился 18 декабря 1941 г. в Тырныаузе.

Окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет и аспирантуру ВНИИ экономики сельского хозяйства в Москве.

В разные годы работал главным агрономом колхоза, директором совхоза, в системе Министерства сельского хозяйства республики, а также руководителем Госкомитета КБАССР по материально-техническому снабжению сельского хозяйства. В. М. Коков прошел путь от секретаря райкома партии до первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В 1990 году он был избран Председателем Верховного Совета КБАССР. В 1992 году В. М. Коков избран Президентом Кабардино-Балкарской Республики.

Член Совета при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Кандидат экономических наук.

Почетный академик РАЕН и АМАН.

Награжден орденами и медалями СССР и РФ.

Канокв Арсен Баширович

Глава Администрации Кабардино-Балкарской Республики

Дорогие сограждане!

Существует множество письменных источников – исторических свидетельств эпохи становления русско-кабардинских (черкесских) и русско-балкарских отношений. Некоторые из этих материалов представляют собой довольно обширный необработанный пласт, с которым ученым еще предстоит работать, чтобы воссоздать достаточно отчетливую историческую картину.

В этом номере, посвященном 455-летию исторически обусловленного вхождения Кабарды и 185-летию Балкарии – в состав России, мы ссылаемся на материалы, ранее опубликованные в различных периодических изданиях, на труды ученых-историков, писателей, публицистов как отечественных, так и зарубежных.

Надо заметить, что существуют и некоторые разногласия среди ученых, исследующих русско-кабардинские отношения периода правления Ивана IV (Грозного); речь идет об использовании терминов: «присоединение», «вхождение» или «военный союз». Для понимания, какой термин более уместен, необходим ретроспективный анализ времени, когда молодая Россия вставала на ноги в постоянных и тяжелых внешних войнах, когда внутренние раздоры порождали болезненные кризисы в стране, когда государство боролось, стягивая со всех сторон силы, необходимые для выживания.

Кабардино-Балкария сегодня – это стремительно развивающийся субъект Российской Федерации. Республика демонстрирует положительную социально-

экономическую динамику, а по многим важным показателям занимает передовые позиции в Северо-Кавказском федеральном округе: Кабардино-Балкария исключена из списка высокодотационных регионов, успешно развиваются агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, другие отрасли экономики, в муниципальных районах и городах создаются новые производства, в том числе благодаря привлекаемым отечественным и зарубежным инвестициям, а, следовательно, создаются новые рабочие места. Планмерно идет реконструкция социально значимых объектов образования, здравоохранения, спорта, культуры и отдыха.

Вместе с тем, впереди еще предстоит напряженная работа по решению далеко не простых задач. Но я уверен в успехе, в том, что мы сумеем решить любые задачи, преодолеть любые трудности, потому что для этого сегодня имеются все необходимые условия. Прежде всего, это наш мудрый и трудолюбивый многонациональный народ, который превыше всего ценит мир и согласие.

Кабардино-Балкарская Республика издавна славится умелыми тружениками и организаторами производства, учителями и врачами, яркими представителями творческой интеллигенции, видными политиками, общественными и религиозными деятелями, выдающимися спортсменами, талантливой и незаурядной молодежью. Поэтому у нас, получивших в наследство бесценный дар – возможность жить и процветать на нашей благодатной земле, есть только один путь – к развитию и созиданию на благо родного края!

Друзья, нам есть, чем гордиться и к чему стремиться! Уверен, вместе мы преодолеем любые препятствия на пути к общему светлому будущему! Считаю нашим основным долгом сохранить и преумножить это поистине бесценное достояние, крепить единство и сплоченность, повышать потенциал народа Кабардино-Балкарии.

Прежде всего, для наших народов прошедшие десятилетия государственности Кабардино-Балкарии – это переход от патриархально-феодалного уклада к современному национально-государственному образованию в составе Российской Федерации, превращение аграрного края с кустарным способом производства в экономически развитый индустриально-аграрный регион. Это и восхождение от культуры, основанной преимущественно на фольклоре, до высокопрофессионального искусства, получившего всероссийское, да и всемирное признание. И, наконец, самое значимое, неопенимое достижение обоих этносов за эти годы – восхождение от сплошной неграмотности к высокому уровню образованности, явившейся прочной основой достижений во всех областях жизнедеятельности республики.

Учет интересов представителей всех национальностей, для которых Кабардино-Балкария стала родным домом, является высшим приоритетом в проведении современной государственной национальной политики. Мы и впредь будем бережно хранить созданный оптимальный климат в межнациональной среде. У наших народов хватило мудрости веками жить в добром мире, согласии и добрососедстве, и никому не будет позволено посягать на это бесценное историческое достояние.

Я не откажусь от моей амбициозной цели – вывести Кабардино-Балкарию в число процветающих регионов России, поэтому буду делать все, что в моих силах, чтобы цель была достигнута.

Уважаемые наши читатели!

Редакция журнала ставит вас в известность, что не располагает какими-либо новыми архивными материалами по вопросу русско-кабардинских, а затем и русско-балкарских отношений, которые могли бы дополнить сведения, имеющиеся на данный момент.

В связи с этим мы вынуждены использовать в этом номере материалы, ранее опубликованные на страницах нашего журнала, как и в других печатных органах, основанные на архивных материалах как Российского госархива, так и зарубежных, найденных в разное время нашими учеными-историками.

Наряду с историческими очерками, в конце номера мы поместили, как обычно, в рубрике «Наши юбиляры», материалы, приуроченные к 75-летию старейшего работника нашей редакции, известного писателя Магомета Кучинаева, а также произведения некоторых других авторов, не имеющие какого-либо отношения к тематике номера.

С XI по XIII век Киевское княжество терзала братоубийственная борьба, происходившая между потомками Владимира Мономаха и Олега Черниговского. В XIII столетии оно подверглось нашествию татар. В следующем, XIV столетии Киевское княжество оказалось под властью польско-литовских завоевателей.

В это бурное время один из наследников Мономаха – Юрий Долгорукий – стал во главе русских колонистов, искавших новые места после разорения. Он отправился на северо-восток через лесные пространства, отделявшие бассейны Днепра и Волги, и на своем пути покорял встречавшиеся мордовские и финно-угорские племена. В этой покоренной стране в 1147 году и была основана Москва. На первых порах новый город был лишь походным лагерем переселенцев. Татарское нашествие застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужим законам. Более двух веков после поражения русских на Калке (1224) страну давила тяжесть опустошительной азиатской стихии.

В конце XIV века, когда обнаружилось постепенное разложение монгольского царства, московские князья почувствовали достаточно сил для того, чтобы свергнуть с себя тяжелое иго. В то же время они начали стремиться присоединить к своим владениям соседние земли, и отдаленные и ближайшие, отпавшие от них части древней Руси. Так московские князья создали новую державу, а для Руси – новый центр. С 1478 года под их властью находился Новгород, а в скором времени также Тверь, Ростов, Ярославль. Иван III, справедливо названный Великим, присоединил новые области, лежащие за пределами древней Руси, и раздвинул границы своего государства на севере до Финляндии, Белого моря и Ледовитого океана, на востоке до Урала. Его сын Василий прибавил к этому на юге Рязань и Новгород-Северский.

При своем вступлении на престол в 1547 году Иван Грозный наследует уже значительные владения, но даже в географическом отношении они были лишены единства. Вокруг нового центра – Москвы – группировались области, которые постепенно расширялись. Большинство из них не имело установленных границ и даже приблизительных очертаний, в связи с чем при их указании приходилось пользоваться только топонимическими данными.

На северо-востоке находились земли, ставшие затем Архангельской губернией, Вологодской и Олонецкой; на северо-западе – Новгородской и Псковской; на западе и юго-западе Московскому государству принадлежала область Днепра со Смоленской губернией и западная часть Калужской губернии, часть Черниговской губернии и западные уезды Орловской и Курской губерний. На юге были степи совершенно без установленных южных границ и с северной границей, проходившей по 55 градусу северного параллельного круга, т. е. совпадала с северной границей земель, ставших потом губерниями: Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. На востоке владение Московского государства составлял бассейн Камы с ее притоками – Вяткой, Чусовой и Белой.

Здесь сосредоточились промышленность и торговля страны. Экономически новое государство жило этими областями и даже зависело от них. Промышленность была убога, а торговля шла более оживленно, но и она ограничивалась скромными размерами. Земледелием занимались мало, живя в основном ловлей рыбы.

При таких условиях лишь торговля привлекала значительную часть населения и служила для него главным источником существования. Товары направлялись от берегов Балтийского моря внутрь страны; по тем же путям в обратном направлении шли местные продукты. На всем пространстве страны насчитывалось только 14 городов. Причем большая часть из них представляла собой небольшие укрепленные пункты – острожки. На некоторых обширных территориях вовсе отсутствовала городская оседлость. Несмотря на это, в русских городах развивалась торговля и возникали тысячи лавок и контор. Но в документах тех времен отмечают одно явление, резко выступающее в русской жизни XVI века: городской торговый класс населения быстро уничтожается, его вытесняют и заменяют военные элементы.

Исчезновение торгово-промышленного класса было следствием насильственного присоединения областей московскими князьями. Новые пришлые были военными людьми, и в своем завоевательном движении и во внешнем росте самого города сохранен первоначальный характер – характер военной колонии в покоренной стране.

Новое государство, как и все области его, представляет как бы сплошное поле битвы. Границы его, с одной стороны, недостаточно установлены, с другой – являются предметом постоянных споров. Из крепостей, защищающих его с северо-запада, Смоленск был приобретен лишь в 1514 году, но все еще оставался номинальным центром литовско-польского воеводства. Что касается Великих Лук, то их скоро отнимет у царя Ивана Стефан Баторий. На северо-востоке колонизация продолжает распространяться вдоль берегов Белого моря, по реке Онега и от северной Двины

до Урала. Но и здесь, в так называемом Поморье, владения пришельцев ограничиваются морским и речными берегами. С экономической точки зрения главная роль принадлежит монастырям, являющимся не столько рассадниками благочестия, сколько центрами военной оккупации.

На востоке от Двины заселение только начиналось. Оно было рассеяно по бедным рыбацким поселкам. Единственным центром с полугодовой ярмаркой был небольшой городок на Мезени. А по ту сторону Мезени тянулись совершенно пустынные места. Москва сохраняла свой прежний характер временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта, хотя Кремль был обнесен зубчатой стеной с башнями, где находились только княжеские дворы, жилища некоторых бояр, несколько церквей и монастырей. А жизнь столицы шла вне этих стен, раскинутая далеко во все стороны от Кремля с его деревянными домами, лавками, рынками. Все это было широко разбросано вокруг и сливалось с окружающими полями, чередовалось со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговля продолжалась и в обширных слободах, настоящих уже селах, окруженных полями, садами, рощами. Виднелись в них золоченые купола монастырских церквей. Этот пестрый полугородской, полудеревенский вид уходил далеко и терялся с глаз у черты горизонта. Это была настоящая столица государства, которое только вступило на путь исторического развития. От постоянных набегов степняков, внутренних раздоров, московских завоеваний страну усеяли развалины. Далее за этой чертой тянулось пустынное незаселенное пространство, так называемое дикое поле, куда колонизаторское движение направилось лишь во второй половине XVI века.

Вот на этот период и приходится активизация русско-кабардинских отношений и ставшее судьбоносным решение вступить на путь дружбы и добрососедства.

Завоевания Ивана Грозного и его преемников произвели изменения в составе государства. Москва сгладила всякие следы племенных трений путем удаления либо поглощения чуждых элементов. Таким образом, в Московском государстве XVI века еще не существовало обособленных общественных групп, поэтому и термин «присоединение» лишен здесь своего смысла. Здесь можно с большей определенностью говорить о военном союзе, который закреплялся взаимными обязательствами (шертью). Отношения того периода аналогичны отношениям в феодальных государствах – между сюзереном и вассалом, сеньором и сельским населением.

Как бы то ни было, кабардинское (черкесское) влияние на Москву начинается в то время, когда жизнь Ивана IV проходит в постоянной борьбе, не только в завоеваниях других земель, но и в противостоянии с боярами. Кроме бояр были и другие аристократические группы, представленные потомками древних удельных князей. Одни из них происходили от Рюрика, первого русского князя, другие – от первого князя литовского Гедиминаса. Занимая первенствующее значение в областном управлении, они добивались господствующего положения. Так Москва выступила на историческую сцену, став центром национального притяжения и сплотив вокруг себя в ожесточенной борьбе все группировки общественных элементов, расширяясь за счет других княжеств и земель, не имея равных себе соперников среди соседних княжеств.

Молодая Россия росла, крепла при всех недостатках, пороках и ошибках царя. И мораль этой эпохи связана с именем Грозного; в основе же идеологии был культ материального величия и грубой силы. Конечная цель оправдывает все средства, все жертвы. Этот постулат возьмет на вооружение Петр I, вступив на историческую арену и продолжая дело, которым открывается история новой России.

Смерть помешала Ивану Грозному создать новый порядок, к которому он стремился, на разрушение старого у него просто не хватало времени.

В нашей краткой вступительной статье мы лишь хотели очертить круг вопросов и проблем, речь о которых пойдет далее. Путь длиною в 455 лет трудно осветить в рамках одного номера, как и историю многонационального Северного Кавказа. Серьезные затруднения для успешного написания общей истории народов, проживающих здесь, вызваны очевидным недостатком письменных источников. Такие документы начали появляться только с конца XVIII века, а полнее – лишь с первой половины XIX века.

Исследование истории кабардинского и балкарского народов, как и истории всякой нации, следует вести с глубокой древности. Без знания прошлого народа невозможно правильно понять законы общественного развития, классовую борьбу и множество явлений в материальной культуре, общественной жизни и в идеологии. Каждая нация, большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, что и является вкладом в общую сокровищницу мировой культуры.

Сделав попытку обрисовать основные этапы исторического развития Кабарды и других народов и выявить особенности их древних культур, мы убедимся, что их история очень поучительна. Она богата фактами и событиями, свидетельствующими о крупнейших культурных завоеваниях, достигнутых древним населением Кабарды и всего Северного Кавказа еще на заре человеческой цивилизации.

Это и многое другое представлено на страницах данного номера, вы также узнаете о султанах и царях в арабских странах – выходцах из Черкесии, представителях адыгских народов, о мамлюках-адыгах, о других соотечественниках, прославивших своим оружием, дипломатией, культурой и творчеством как свою, так и другие страны. Вам откроются интересные страницы из истории Балкарии, о людях, прославивших балкарский народ с исторических глубин до наших дней.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Историческая наука не знает (не должна знать) национальных перегородок, и ей безразлично, кто занимается изучением проблем прошлого. Важно одно: исследование должно быть свободно от субъективных подходов и оценок.

На территории Северного Кавказа в целом, и на территории КБР в частности, прослеживается деятельность человека с древних времен. В Баксанском ущелье обнаружены стоянки первобытных людей позднего палеолита (древнекаменный век) и мезолита (среднекаменный век). На Северо-Западном Кавказе, где жили предки кабардинцев, обнаружены орудия труда конца раннего палеолита.

Находки кремневых и обсидиановых орудий вблизи Нальчика, на реке Кенже в 1924 г., с явными следами обработки человеком, а также в гроте Кала-Тюбю, вблизи селения Верхний Чегем, доказывают, что первобытные общины продолжали жить на территории нынешней Кабардино-Балкарии в эпоху раннего неолита (новокаменный век). Хорошо изучены более поздние неолитические памятники: Агубековское и Долинское поселения вблизи Нальчика. Они свидетельствуют о том, что жизнь здесь продолжалась непрерывно и в последующие периоды – в эпоху позднего неолита, бронзы и железа.

Далекими предками адыгов (к адыгам относятся и кабардинцы) были хатты и хетты. По мнению ряда ученых ими создана в III тысячелетии сильная империя, которая соперничала с Египтом и Вавилоном, территория которой простиралась на весь Анатолийский полуостров, включала и Кавказ. После распада империи адыгские племена сосредоточились на Северо-Западном Кавказе. В их число в разные времена входили меоты, синды, керкеты, а позже зихи и касоги. Они впитали в себя по мнению тех же ученых, в VIII-I вв. до н. э. и позже проникавшие к ним киммерийские, скифские, греческие, сармато-аланские и другие этнические элементы. Однако у них сохранился древнекавказский национальный язык, относящийся к индоевропейской группе языков, со следами языковых влияний разных народов.

Основой хозяйства этих племен было скотоводство и довольно развитое для того времени земледелие, а по берегу морей (Черного и Азовского, которое древние называли «Меотским озером») – торговля и рыбная ловля. На высоком уровне развития находились металлургия и гончарное производство. В V-IV вв. до н. э. была широко развита торговля с греческими колониями Черноморского побережья. Основная статья экспорта – зерно.

Уже в V в. до н. э. у предков адыгов – синдов, происходил процесс образования государства. В этот период образовалось раннерабовладельческое государство Синдика – древнейшее и первое государственное образование на территории России. Синды жили в низовьях Кубани, на Таманском полуострове и на прилегающих территориях Черноморского побережья. Во 2-й половине V в. до н. э. в Синдике чеканились собствен-

ные металлические деньги, а на базе греческого алфавита была создана письменность. Это доказывают надписи на золотых и серебряных монетах государства Синдика того времени.

Но это небольшое государство просуществовало лишь около 100 лет. Достигнув расцвета, оно, будучи окружено более сильными и, видимо, агрессивными соседями, не смогло сохранить самостоятельность и было включено (1-я половина IV в. до н. э.) в состав эллинского Боспорского царства.

Религиозные воззрения меото-синдо-керкетских племен характеризуются наличием у них элементов первобытной религии (анимизм, тотемизм, магия и пр.). Наибольшее развитие получил земледельческий культ плодородия. Почитаемы были небесные светила, а также другие культы: охоты, ремесла, домашнего очага. Под влиянием греков происходит смешение местных и греческих культов.

В I в. н. э. из меотских племен выделяется племя зихов, занимавших территорию между нынешними городами Туапсе и Гагра. Во II в. вождь зихов – Стахемфак – объявляет себя подданным римского императора, что усиливает влияние зихов на соседние племена, и их территория значительно расширяется. Несмотря на нашествие гуннов в 375 г. и нашествие авар в VI в., оттеснивших меотские племена, в т. ч. и зихов, в ущелья левобережья Кубани, зихи становятся в VI-X вв. ядром вновь образующегося племени адыгов. Византийский император Константин Багрянородный писал в это время, что территория Зихии простирается на 300 миль.

Появившиеся на Северном Кавказе в I в. н. э. ираноязычные аланы проживали здесь более 1000 лет и оставили после себя многочисленные памятники. Судя по ним, центром Алании служили нынешние территории Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Вначале они входили, как и зихи, в состав Хазарского каганата, а после его распада (разгром Хазарии киевским князем Святославом Игоревичем в 965 г.) образуется государственное объединение – Алания, считавшееся в X-XIII вв. довольно сильным государством.

В этот же период, после распада в VII в. на три части тюркоязычной Великой Болгарии, занимавшей территорию Приазовья, часть племен уходит за Дунай (нынешняя Болгария), часть в верховья Волги (Черная Булгария), а часть во главе с Басиятом осела в предгорьях Центрального Кавказа, и, возможно, они дали название одному из коренных народов Кабардино-Балкарии – балкарцам.

С VI в. на Северный Кавказ из Византии начинает проникать христианство. Вначале оно было православного толка. И у алан (до 1366 г.), и у зихов (до 1398 г.) были свои епархии во главе с епископами.

Возможно, к этому времени (IV-VI в.) относятся связи зихов с восточными славянами – антами. К X-XI вв. эти связи расширились, так как на Таманском полуострове образуется русское княжество с центром в Тмутаракани. В 1022 г. Мстислав Удалой (младший сын киевского князя Владимира Красное Солнышко), получивший в удел это княжество, нападает на касогов (одно из зихских племен) и в результате единоборства с касожским князем Редедей побеждает его (источники пишут, что коварно, вытащив из-за голенища нож) и подчиняет касогов Тмутаракани. Касо-

жские полки вместе с Мстиславом участвуют в его войнах против своего брата Ярослава Мудрого за Киевский престол. Затем касоги разоряют Тмутаракань, и она как княжество с XI в. не существует. (Знаменитый русский адмирал Ушаков выводит свою родословную от Редеди. Взятые Мстиславом в плен двое малолетних сыновей Редеди были воспитаны при княжеском дворе и, дав потомство, образовали множество русских фамилий, в том числе и Ушаковых.)

К X в. из зихов и касогов складывается новый союз племен, члены которого сами себя называют «адыге» (адыгэ), а другие народы эти племена с XIII в. называют черкесами.

В 1-й четверти XIII в. началось опустошительное нашествие на Северный Кавказ монголо-татар, с которыми местные жители упорно боролись. Острые агрессии монголов в центральной части Предкавказья было направлено против алан, которые подверглись разгрому и к XIV в. прекратили свое существование. Остатки их укрылись в горах, смешались с местными племенами.

Как кочевые племена монголо-татары недолго оставались на Северном Кавказе, и, начиная с XIII в., в Центральное Предкавказье небольшими партиями переселяются адыги из Прикубанья. Некоторые, возможно, и раньше, так как у селения Этоко близ Пятигорска есть памятник – статуя Дука-Бека, датированный 1130 г. (некоторые ученые оспаривают эту дату и говорят, что памятник относится к V в.), на котором имеется надпись, написанная греческими буквами на адыгском языке. Массовое же переселение адыгов на восток происходит в XIV в. (такова официальная версия, принятая на сегодняшний день, дискуссии продолжаются), и с этого времени восточная ветвь адыгов в источниках начинает называться Кабардой.

Центром Кабарды была местность нынешнего Пятигорья, и в русских письменных источниках XVI в. кабардинцы именуется «пятигорскими Черкасами». Территориально владения Кабарды простирались до реки Сунжи, вплоть до ее впадения в Терек (территория нынешней Чеченской Республики).

Этот период (XV в.) знаменуется еще и тем, что родоначальник кабардинских князей Инал делает первую попытку объединения народа, с четко структурированной иерархической системой, укреплением центральной власти князя, ликвидацией междоусобиц. Но после его смерти не нашлось таких же умных, энергичных и решительных последователей его идей, и Кабарда вновь вверглась в омут междоусобиц.

В 1395 г. на территорию Северного Кавказа вторгается узбекский завоеватель Тамерлан (Тимур Хромой), который почти окончательно (вдобавок к Куликовской битве) разваливает Золотую Орду, и на ее остатках появляются новые феодальные государственные образования: Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Крымское и другие ханства.

В результате миграционных процессов из Черкесии, как, впрочем, и с территории всего Кавказа, в силу ряда причин стали вывозить людей, в особенности на Арабский Восток, где невольники становились воинами. Этот процесс порождает институт рабов-воинов, называемый «мамлюками». Мамлюки постепенно настолько усиливаются, что в 1250 г. свергают

династию султанов Айюбидов и основывают династию мамлюкских султанов, правивших Египтом и подчиненными ему странами (Сирия, Месопотамия, Ливия, Йемен и др.), вплоть до 1517 г., когда султан укрепляющейся Османской империи – Селим – разгромил войска мамлюков и захватил Египет. В 1711 г. мамлюкские эмиры черкесского происхождения возвращают себе власть и находятся во главе Египта до начала 19 века.

Именно во времена правления черкесских султанов были окончательно изгнаны с территории Ближнего Востока войска крестоносцев. Монголо-татары, несмотря на неоднократные попытки завоевать Египет, благодаря сопротивлению мамлюков этого сделать так и не смогли. Что интересно, в абсолютистской монархии этого периода не было династического наследования трона от отца к сыну, и все султаны избирались на высшем совете эмиров мамлюков, в зависимости от военных заслуг эмиров.

К XVI в. Кабарда господствует на равнинах Центрального Кавказа, контролируя северокавказские торговые пути. У кабардинцев окончательно формируются феодальные отношения. Борьба за торговые пути является причиной как внутренних распрей, так и бесконечных агрессий на Кабарду соседей-соперников. Она ведет упорную борьбу с Крымским ханством, калмыками, пришедшими сюда в это время из-за Волги, кумыкскими и тарковскими шамхалами (Дагестан). В этих условиях некоторые кабардинские князья ищут союза с московскими царями. Расширяющееся Русское государство (1552 г. – завоевание Казанского, а затем в 1556 г. и Астраханского ханств) ищет выход к богатым восточным и южным рынкам. А в результате русско-кабардинских контактов в 1557 г. обе стороны подписывают соглашение о военно-политических связях. Союз этот укрепляется женитьбой Ивана Грозного на кабардинской княжне Гошаней (в крещении Мария) – дочери верховного князя (валия) Кабарды Темрюка Идарова. Тем самым Темрюк Идаров, правнук Инала, делает еще одну попытку объединить Кабарду под единой властью, что, к сожалению, ему не удается, и Кабарда попадает в вассальную зависимость от России.

После смерти Темрюка в 1571 г. из-за борьбы между княжескими фамилиями за пост валия (верховного князя) Кабарда раскололась на Большую и Малую. Большой Кабардой, занимавшей левобережье Терека, правили четыре княжеские фамилии, а в Малой Кабарде, ушедшей на правобережье Терека, господствовали два княжеских рода. То есть в Кабарде все больше разрастается междоусобица.

В связи с внутренними неурядицами в России (Смутное время; становление и укрепление новой царской династии Романовых), ей было в конце XVI-XVII в. не до Кабарды, хотя кабардинские князья выезжают в Москву и служат России: один из претендентов на русский престол в 1613 г. потомок кабардинских князей; первый генералиссимус России – кабардинский князь Михаил Алегукович Черкасский, воспитатель царя, произведенный в это звание в 1696 г. Петром I.

С укреплением Российского государства вновь обостряется интерес к Кавказу (Азовские и Прикаспийские походы Петра I), но активная колонизация Кавказа начинается со 2-й половины XVIII в. Первый этап – покорение Кабарды как самого влиятельного на Кавказе государственного образования – начался со строительства на Кабардинской земле

крепости Моздок (Глухой лес), который в настоящее время является городом и находится на территории Северной Осетии. Постройка крепости резко ограничивает свободу передвижения кабардинцев: они не могут пасти скот на своих исконных пастбищах и ездить беспрепятственно за солью в Астраханские степи. Кабардинские крестьяне бегут от своих князей под крепость Моздок, принимают христианство и получают от русских властей наделы земли. Потомки этих кабардинцев-христиан (примерно 10 тысяч человек) сейчас проживают в Северной Осетии и Ставропольском крае и называются моздокскими кабардинцами.

Далее – строятся Кизляро-Моздокская, а затем Азово-Моздокская линии военных укреплений, впоследствии названные Кавказской военной линией; основываются казачьи станицы, клиньями разделяющие горские народы, в т. ч. и единый адыгский народ (Прохладная – 1765 г., Екатериноградская – 1777 г., Константиногорская (нынешний г. Пятигорск) – 1778 г., Владикавказская – 1784 г. и т.д.); переселяются на кабардинские земли из горных ущелий осетины и ингуши, принявшие подданство России и всегда страдавшие от безземелья, находясь в вассальной зависимости от кабардинских князей; учреждается в 1785 г. Кавказское наместничество во главе с П. С. Потемкиным. **Вот парадоксы истории: казаки, первооснову которых заложили адыги, теперь, подчинившись российскому правительству, воюют против адыгов – частью своих соотечественников.**

Кабардинские князья, не мирясь с таким положением, организуют набеги на крепости, направляют депутатов в Санкт-Петербург. Но все тщетно – российские власти не идут на уступки, направляют в Кабарду карательные экспедиции, которые накладывают на кабардинцев непосильные контрибуции, угоняют скот и сжигают их аулы. Особенно опустошительными эти экспедиции были в 1779 г. под командованием генерала Якоби и подполковника Савельева, в 1804-м – генерала Глазенапа, в 1810-м – генерала Булгакова, в 1822 г. – генерала Ермолова.

Несмотря на то, что Белградский договор в 1739 г. (после очередной войны между Российской и Османской империями) признавал Кабарду «вольной», Россия в 1769 г. назначает в Кабарду пристава, а в 1793 г. в Кабарде вместо традиционных судов вводятся «родовые суды и расправы», подчиненные Моздокскому коменданту и применяющие уже и российские законы вместо традиционного адыгэ хабзэ (адыгские обычаи) – норм поведения кабардинцев.

К 1825 г. Кабарда прекратила и сопротивление, и свое существование как свободное территориально-государственное образование. Из сотен тысяч кабардинцев остается в живых около 10 %. Остальные погибли в национально-освободительной войне.

Из миллионного населения адыгов на родной земле в 1865 г. осталось 35 тысяч кабардинцев и столько же из других адыгских народов. Остальные либо погибли, либо были депортированы со своей исторической родины. Это был жесточайший геноцид всего адыгского народа.

Прогрессивные люди Европы, как и России, осуждали царизм за его жестокость на Кавказе. Интеллигенция России не была услышана властями, но их произведения остались для потомков. Русская культура пришла в Кабарду и Балкарию через русскую интеллигенцию, в том числе через

тех декабристов, которые были разжалованы и сосланы в действующую армию на Кавказ – «в теплую Сибирь».

После вхождения Кабарды и Балкарии Россия постепенно внедряет свою администрацию и свои порядки на территориях вновь присоединенных земель. Во 2-й половине XIX в. Кабарда и Балкария утрачивают остатки старинно-патриархальной замкнутости, втягиваясь во всероссийский рынок. Это меняет структуру производства сельскохозяйственной продукции: вместо традиционного проса сеется пшеница и кукуруза, больше внимания уделяется выведению знаменитой «кабардинской лошади», поставляемой в российскую кавалерию, значительное внимание уделяется садоводству. Кабардинские и балкарские добровольцы, и уже не только из привилегированных классов, участвуют в войнах, которые ведет Россия: русско-турецкая война 1877-1878 гг., русско-японская война 1904-1905 гг., Первая мировая война.

Об адыгах того времени как нельзя лучше сказал К. Маркс: «... народы, учитесь у них, они показали, на что способны люди, желающие остаться свободными».

«...Кавказ был издавна ареной столкновений геополитических интересов сильных держав. Адыги, занимая стратегически выгодную центральную и северо-западную часть Кавказа, на протяжении веков были вынуждены вести непрерывную борьбу за независимость. Примерно с XI в. все больше свои взоры начинают обращать на Кавказ, в частности, на Черкесию, две сравнительно молодые, но крепнущие день ото дня державы – Русское государство и Османская империя. Симпатии черкесов были на стороне России. Более того, обе стороны были заинтересованы в сближении для координации совместных усилий против общих противников в лице Османской империи и Крымского ханства, и это привело к заключению в 1557 г. военно-политического союза между Россией и Кабардой. Этот союз сыграл свою положительную роль как в деле сохранения политической независимости всей Черкесии, так и в укреплении позиций молодого Российского государства на юге.

Черкесские князья, полководцы и политические деятели сыграли немаловажную роль в судьбах России в самые сложные периоды ее истории. Они были надежной опорой царям-реформаторам Ивану Грозному и Петру Великому, порою даже подменяя их у руля огромного государства; они внесли свою лепту в создание русской армии, в борьбу против разных внешних врагов России. Черкесские мастеровые ковали оружие для воинов Ивана Грозного, Дмитрия Пожарского, царя Алексея Михайловича.

Все это сейчас уместно сказать для того, чтобы мы помнили: черкесы вообще и кабардинцы в частности не были для России ни чужим неведомым народом, ни пресловутым туземным населением, состоящим из одних хищных головорезов, каковыми нас изображали некоторые российские историки. До поры до времени наши отношения были, как говорится, цивилизованными: черкесам было напрямую выгодно жить в мире и согласии со своим великим соседом, и Россия имела от этого только пользу.

...Исторические факты свидетельствуют, что Россия во все времена довольно отчетливо представляла, что от позиции, занимаемой Кабардой, во многом зависит политическая ситуация на Северном Кавказе. И в течение длительного времени она являлась тем связующим звеном, посредством которого многие народы Кавказа смогли вырваться из вражеского окружения, сблизиться и, в конечном итоге, окончательно связать свою судьбу с Россией, через нее установить связи с Западной Европой.

Продолжая славные традиции, народ Кабардино-Балкарии и его руководство делают все для стабилизации обстановки в регионе, поддержания мира и дружбы между всеми народами, населяющими его.

ИСТОКИ ДРУЖБЫ

Сохранение постоянных связей и добрых отношений с предками... очень важный вид человеческой деятельности, так как считается, что обитатели загробного мира способны воздействовать на благополучие и судьбу живых в гораздо большей степени, чем люди, с которыми они находятся в постоянном контакте на этом свете.

...Почитание предков, как культурный гуманистический комплекс или институт, является одним из ведущих в системе этической рационализации мира. ...Духи предков... выполняют роль своего рода социального контроля за поведением и образом жизни людей в этом мире, обеспечивая необходимую, в том числе и этически значимую, связь настоящего с прошлым.

Барсби Бгажноков

Исторические корни взаимоотношений и дружеских связей между предками кабардинцев с русским этносом уходят еще в эпоху бронзы, когда аборигенные племена Северного Кавказа установили контакты с племенами катакомбной культуры южнорусских степей.

Богатый археологический материал адыгских могильников IV-XII веков позволяет проследить элементы славянской культуры в инвентаре и обряде погребений и сделать вывод о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью.

Отечественные историки считают, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. Академик Б. А. Рыбаков на основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в Северо-Западной части Кавказа в середине 1 тысячелетия н. э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они

растворились среди адыгских (зихско-керкетских) племен и принесли в эту среду русский эпос. По мнению известного кавказоведа Л. И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях с глубокой древности адыгов и славян. И он полагает, что «из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги».

Первоначальные сведения русских летописей («Повесть временных лет») и памятников устного народного творчества («Слово о полку Игореве») характеризуют контакты и взаимоотношения касогов с Киевской Русью, а более конкретно – с Тмутараканским княжеством. К этому времени, т. е. к X в., предки современных адыгов (кабардинцев, адыгейцев и черкесов) – зихи и касоги – представляли собой мощные союзы племен, объединенные общностью территории и единым языком. Они имели широкие политические, торговые и этнокультурные связи с окружающим их внешним миром. Летописи сохранили любопытные эпизоды взаимоотношений касогов со славянами в период восточного похода Святослава (965 г.), княжения Мстислава Владимировича и Ростислава Владимировича в Тмутаракани (1020-1070 гг.) и т. д. Указанные отношения нельзя характеризовать однозначно: здесь бывали и походы друг против друга, и совместная борьба против общих врагов, и союзнические отношения. Исторический материал позволяет считать, что наличие с этого времени тесных культурных и экономических связей между предками адыгов и славян закладывали своего рода историческую традицию взаимоотношений двух этносов.

Во времена монголо-татарского нашествия адыго-русские связи были нарушены, но окончательно не прерывались. Но только с конца XV века, когда образовалось независимое Русское государство, они опять становятся систематическими.

В XV – первой половине XVI в. социально-экономическое и политическое развитие адыгского этноса протекало в сложных условиях феодальных междоусобиц и постоянных войн с внешними захватчиками – Османской Турцией и ее вассалом Крымским ханством. Особенно широкомасштабные наступления были предприняты против адыгов в первой половине XVI века. В своих действиях агрессоры преследовали не только грабительские, но и далеко идущие политические цели: обеспечить беспрепятственный проход турецко-крымских войск через Северный Кавказ в Закавказье и Среднюю Азию и поработить жившие здесь народы. В этот период и русское правительство было заинтересовано, в свою очередь, в укреплении юго-восточных границ государства и обеспечении твердых позиций на Дону и в устье Волги. Решению этой задачи служило завоевание Россией в 1550 годах Казанского и Астраханского ханств. Наряду с этим важную роль в ее политике могло играть установление контроля над крупными военно-стратегическими и торговыми путями, которые шли через Кабарду и другие северокавказские владения. Таким образом, внутреннее и внешнее положение адыгских народов,

интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе с турецко-крымской агрессией обусловили сближение адыгов с Московским государством к середине XVI века.

Если исходить из конкретного содержания дошедших до нас фактических материалов, взаимоотношения Кабарды и Московского государства к середине XVI в. (1557 г.) могут быть определены как заключение между ними своеобразного взаимовыгодного военно-политического союза. Этот союз не предусматривал включения территорий адыгов во владения Московского государства. Принятие кабардинской господствующей верхушкой и их подвластным населением русского подданства являлось определенной формой протектората. Согласно ей кабардинская феодальная знать сохраняла все свои местные права, то есть фактически они оставались независимыми, сохраняя внутреннюю самостоятельность, и были связаны с русским царем лишь обязательствами военной службы.

В 1561 г. союзнические отношения Кабарды с Русским государством были закреплены династическим браком царя Ивана IV (Грозного) с дочерью верховного кабардинского князя Темрюка Идарова. Указанные политические события прежде всего связывали царское правительство и кабардинскую феодальную знать, но они имели в последующем объективные последствия и положили начало процессу сближения двух народов.

Давая оценку политическому акту 1557 г. и отмеченному процессу, профессор Н. А. Смирнов писал: «Нет сомнения, что уже в то время русское правительство отдавало себе отчет в том, какое важное значение имеет Кабарда для поддержания добрососедских отношений России с народами Кавказа, с Ираном и для охраны южных пределов... Нельзя забывать, что устье Волги и Астрахань могли быть в безопасности только тогда, когда спокойно было в Кабарде.

С заключением военно-политического союза кабардинцы не избавились от турецко-крымских агрессий, но в своей борьбе они имели теперь сильного союзника в лице России.

По просьбе князя Темрюка Идарова и его сторонников на восточных рубежах русское правительство воздвигает Терскую крепость. Кабардинским князьям русской ориентации часто оказывается военная помощь против внутренних и внешних врагов. Кабардинские военные соединения регулярно участвуют в военных мероприятиях Русского государства в Ливонии, Польше и против Крымского ханства на юге. Благодаря союзу с Кабардой русское государство значительно укрепило свои позиции в Предкавказье.

С середины XVI в. начинается процесс выезда кабардинских князей на службу в Россию, который привел к складыванию здесь известных родов – Черкасских, Бековичей-Черкасских, Алеуковых, Мансуровых и др. Не будет преувеличением сказать, что род Черкасских сыграл одну из ведущих ролей в политической жизни Русского государства в XVI-XIX вв. Представители кабардинской феодальной аристократии игра-

ли важную посредническую роль и в налаживании дружественных отношений между Россией и другими северокавказскими народами.

В XVII в. кабардино-русские отношения развивались в сторону углубления и расширения. К 1620 г. относятся первые известия о балкарцах в Русском государстве. В 1650 г. из Москвы в Грузию отправилось русское посольство во главе со стольником Толочановым и дьяком Иевлевым. Их путь шел через Терский город, Кабарду и далее через «Болхары», то есть Черекское ущелье. В мае 1651 г. послов принимали балкарские старшины Алибек, Айдаболла и Чеполов. Благодаря развитию кабардино-русских и русско-грузинских отношений, это ущелье часто проезжали различные посольства. Все это постепенно способствовало интересу балкарской феодальной знати к России. Следствием этого явилось посещение Москвы сыном Айдаболлы Артутаем, совершившим поездку в свите кахетинского царя Таймураза в 1658 году.

В период правления Петра I русская политика по отношению к Кабарде была двойственной. С одной стороны, в ответ на союзнические отношения в противоборстве с Турцией и Крымом царское правительство давало обещания о принятии на выгодных условиях Кабарды в состав России на правах автономного отдельного княжества. С другой, оно брало обязательства перед Турцией и Крымом не вмешиваться в дела Кабарды и не искать с ней союза.

По условиям Белградского договора 1739 г. специальная статья затрагивала впервые за всю историю русско-турецких противоречий спорный вопрос о Кабарде. Она была провозглашена «вольной» и должна была служить «барьером» между Россией и Турцией. Такое решение не соответствовало интересам кабардинского народа и делало его беззащитным перед любой агрессией.

Но русское правительство во все времена хорошо осознавало важное стратегическое и политическое значение Кабарды на Северном Кавказе. В официальном решении 1841 г. подчеркивалось, что «...связями родственными с князьями и дворянами других кавказских племен, уважением к их происхождению и гордым характером кабардинцы и до сего времени удержали еще значительное влияние на других горцев... и потому то сохранение спокойствия в Кабарде весьма важно в настоящую эпоху для Кавказа». Однако история взаимоотношений с Россией не всегда была безоблачной. В результате русско-турецких войн и в соответствии с п. 6 Белградского мирного договора между Россией и Турцией в 1739 г. Кабарда была признана независимым государством. Но в 1774 г. по Кучук-Кайнарджийскому договору между Россией и Турцией Кабарда была включена в состав России. В результате Кавказской войны в XIX веке Кабарда потеряла свою независимость и 4/5 своего населения, которое вынуждено было переселиться в Турцию, Иорданию и Сирию в процессе, получившем название мухажирства. Так возникла и в этих странах черкесская диаспора, во много раз превышающая количество кабардинцев, живущих на своей исторической родине. В начале XX века

Кабарда и Балкария продолжали оставаться аграрной окраиной России.

Вторая половина XIX – начало XX в. – это период окончательной интеграции северокавказского региона в состав Российской империи. С постепенным вовлечением северокавказских народов в орбиту все-российского рынка перед ними открывались пути новых форм деятельности во всех сферах общественной жизни.

Сегодня, как и в позапрошлом веке, остаются актуальными слова великого русского поэта А. С. Грибоедова, который, разрабатывая пути сближения русского и кавказских народов, писал: «Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами, как преследование взаимных и общих выгод, как начертание законов, согласных с местными обычаями, при этом правительство должно равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации ни были».

Президент КБР В. М. Коков, подписывая Договор между Российской Федерацией и Кабардино-Балкарской Республикой 1 июля 1994 г., сказал: «...более четырех веков назад народ Кабардино-Балкарии связал свою судьбу с судьбой Русского государства, с судьбой великого русского народа. И данной клятве народ оказался верен до сегодняшних дней».

Народы, живущие в республике, надеются, что этот Договор послужит укреплению Кабардино-Балкарской Республики, развитию ее национальной государственности и процветанию кабардинского и балкарского народов в составе России.

***Из грамоты императрицы Екатерины II
кабардинским владельцам (9 августа 1771 г.)***

«Божиею милостию мы Екатерина Вторая – императрица и самодержица всероссийская и протчая, и протчая, и протчая.

Подданным нашим кабардинским владельцам, узденям и всему народу наша императорская милость.

Известно быть долженствует всем, общество кабардинское составляющим, коль из древних лет началось покровительству оному от нашей Всероссийской империи... Усердие и верность кабардинских владельцев, какия они к высоким нашим предкам при многих случаях оказали, не только приобрели им благоволение всероссийских великих государей, до нас царствовавших, но и безопасными навсегда учинили от властолюбивых покушений ханов крымских, на свободное обращение кабардинского народа многократно стремившихся. Самой избыток сего народа в способах удобной жизни есть следствие здешняго ж к нему снисхождения и милости, ибо единственно невозбранном распространением паствы своей по всему пространству степей, пришел в настоящее изобильное состояние...»

*Архив внешней политики России (АВПР).
Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/2. Д. 10. Л. 207, 208.*

***Из высказываний кабардинского мудреца
Луана Бжихатлова (XVII в.)***

«Те, кто не покинет своей земли, берегов Баксан-реки, те и составят население нашей земли. Поэтому не покидайте своей земли, берегов Баксан-реки, не уходите от русских».

Из речи выдающегося кабардинского общественно-политического деятеля конца XVIII – начала XIX в. Измаил-Бея Атажукина

«Благоразумие наших предков, которых память нам любезна и которых да сохранит бог над своею благодатью, советовали нам жить под защитой сего великого государства (России. – *Ред.*)».

Из книги «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова

«Память союза и дружества с русскими сохранилась по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит: тхаго Цар-Иван хоттуа, т. е. «присяга, которая пред царем Иваном».

По возвращении князей Темиргоко и Темрюка с победой и с обеспечением народа от притязания и хищничества иноплеменников. Но более всего народ был обрадован союзом и покровительством России...»

Дороги к Москве

Была середина бурного и кровавого шестнадцатого столетия... В незадолго до этого открытой Америке испанцы огнем и мечом утверждали свое владычество, разрушая древнюю культуру инков и ацтеков. Жестокие гражданские и религиозные войны и восстания крестьян сотрясали Европу. Всё новые государства Азии и Северной Африки попадали под иго османских захватчиков, в руках которых находилась и Юго-Восточная Европа. Притязания турецких султанов простирались все дальше на север и восток.

В этом беспокойном мире жила и Русь, стойко переносившая все войны и потрясения, выпадавшие на ее долю в то тревожное время. А на Северном Кавказе, за тысячи верст от Москвы, вели неравную борьбу за свободу черкесы и кабардинцы, называемые русскими издревле жителями страны «Черкас пятигорских». Много горя познали в своей многовековой истории эти народы: Батыево нашествие, монголо-татарское иго и разорительный набег среднеазиатского эмира Тимура, как смерч прошедшего по Кавказу и Югу России.

Не успели уйти в небытие одни завоеватели, претендовавшие на мировое господство, а земли адыгов уже топтал новый враг, облагая их непосильной данью, отбивая табуны лошадей и гурты скота, сжигая поселения, угоняя в рабство тысячи мужчин, женщин, детей.

Крымское ханство, зависимое от громадной и сильной Османской империи, раскинувшейся от Гибралтара до восточного Средиземноморья, с конца XV века стало постоянной угрозой для черкесов и кабардинцев. В это же время недалеко от их земель, в устье Дона, поднялась мощная турецкая крепость Азов, а на Таманском полуострове, тогда территории адыгов, захватчики воздвигли свои форпосты – Тамань и Темрюк, защищенные высокими каменными стенами с пушками.

Походы многотысячных турецко-крымских войск на Кабарду и Черкесию стали почти ежегодными. Русские летописи упоминают об их нашествиях на земли «пятигорских черкас» в 1545, 1547, 1552, 1553 годах. Но они сообщали только о крупных вторжениях, молва о которых докатывалась до Москвы. Тогда и сами завоеватели – турецкий султан и крымский хан спешили хвастливо уведомить союзников и соседей о своих победах, о тысячах взятых ими пленных и убитых, о богатствах, добытых в чужих землях. Набеги же многочисленных отрядов, возглавляемых ханскими наследниками, различными пашами и беями, были столь часты, что просто не поддавались никакому учету. Смерть, пепелища, горе и запустение оставляли они после себя в Кабарде и Черкесии.

Вначале турки и крымские ханы ограничивались лишь грабежом и взятием пленных. Потом их устремления пошли дальше: покорить адыгов и сделать послушным орудием в своей захватнической политике на Кавказе. Земли Черкесии и Кабарды, простиравшиеся от низовьев реки Кубани до реки Сунжи, впадающей в Терек, привлекали внимание чужеземцев не только своим богатством, но еще и тем, что

занимали важное стратегическое положение на Северном Кавказе. Именно это и стало к середине шестнадцатого столетия главным для Турции и Крыма.

Турецкие султаны Сулейман I, Селим II и крымский хан Девлет-Гирей, укрепляя связи со своим сторонником шамхалом Тарковским – владельцем Кумыкского ханства в Прикаспии, надеялись навсегда встать твердой пятой на Северном Кавказе. Это было им необходимо еще и потому, что с берегов Черного моря через Кабарду турки и крымцы направляли свои войска в восточное Закавказье, где то и дело возникали их войны с Персией – сильной и влиятельной соперницей в захватнической политике. И постоянной помехой в их планах было сопротивление, оказываемое кабардинцами и черкесами. Но, разобщенные на целый ряд зачастую враждовавших между собой княжеств, они не могли вести организованную, общую борьбу. Междоусобицы ослабляли Кабарду, силы народа растрчивались в братоубийственных кровопролитных войнах. «...Упадок народа и междоусобия князей, – писал в «Истории адыгейского народа» в сороковых годах XIX века первый историк и просветитель кабардинского народа Шора Бекмурзович Ногмов, – много способствовали успехам врагов наших. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам...»

Об этом же, более чем за двести лет до Ногмова, свидетельствовал католический монах итальянец д'Асколи, префект доминиканской миссии города Каффы в Крыму, хорошо осведомленный о событиях на Северном Кавказе: «...Хан отправляется туда... когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю... Чиркасия разделена между многими владельцами... они... склонны к междоусобицам... и постоянно воюют.

...Хан более чем охотно идет к позвавшему владельцу... Правду говорят, что когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов... тем более, что они очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы».

На черкесов и кабардинцев нападали турки и крымцы, шамхал Тарковский, мурзы Астраханского ханства и Малой Ногайской орды. Со всех сторон угрожал им враг, они задыхались в его окружении. Казалось, нет спасения и остается единственный выход – покориться Османской империи и Крыму. «Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самостоятельность Кабарды», – читаем в «Истории» Шоры Бекмурзовича Ногмова.

В непрерывных войнах гибли тысячи черкесов и кабардинцев. Все меньше оставалось у них сил для борьбы, все туже затягивалась вокруг них петля иноземного ига.

Но в Черкесии и Кабарде были люди, уже давно обратившие свой взор на север, туда, где лежала Русь – страна, способная не только противостоять Османской империи и Крыму, но и защитить от них другие

народы. И вот в 1552 году (как мы уже знаем и вынужденно будем повторять и в других материалах номера), в то время, когда войско, возглавляемое царем Иваном IV, двинулось в поход на Казанское ханство, в Москву отправилось первое посольство от черкесов и кабардинцев.

Русские летописи XVI века, сберегаемые в Государственном историческом музее, и посольские документы Центрального государственного архива древних актов донесли до нас сведения о связях России с Кабардой и Черкесией.

В Историческом музее хранится и Никоновская летопись, составленная более четырехсот лет назад. Откроем ее тяжелый, сделанный из досок и обшитый кожей переплет. Под ним листы, заполненные полууставом – почерком шестнадцатого столетия.

Листаем страницы... Годы, события, люди всплывают из глубины веков и проходят перед нами. На Руси в ту пору счет времени велся «от сотворения мира», как это было принято еще в Византии, поэтому летосчисление перевалило уже за семитысячную цифру.

Летописец аккуратно констатирует: 7038-й год (1530-й по нашему календарю) – рождение князя Ивана IV; 7055-й (1547) – народное восстание в Москве и поход турецко-крымских войск на Кабарду, 7061-й (1552) – взятие Казани и приезд в Москву первых послов с Северного Кавказа.

В октябре 1552 года колокольным звоном всех церквей и соборов Москва возвестила о взятии Казани, а менее месяца спустя белокаменная столица Руси встретила посланников из далекой «Черкасской земли». В те ноябрьские дни москвитяне впервые увидели на своих улицах людей страны «Черкас пятигорских».

Иван IV принимал гостей в Грановитой палате Кремля, служившей для приемов иностранных посланников, заседаний и торжественных обедов. По обычаю того времени, послы «черкасские», прежде чем сказать свое слово, преподнесли ему дары – кольчугу со шлемом, саблю, дорогое конское снаряжение, яркий восточный наряд из персидской парчовой ткани.

Царь и бояре вслушивались в чужой и незнакомый дотоле гортанный говор, вникали в смысл переводимых толмачами речей, всматривались в суровые и мужественные лица чужеземцев, проделавших путь в две тысячи верст.

Адыгские послы, представлявшие свои княжеские владения, говорили о том, что турки и крымцы разоряют их земли, опустошают поселения, убивают и угоняют в рабство юношей и мужчин, забирают в гаремы женщин и девушек. Князя «били челом», и старший из них Машуко Кануков обратился к царю Ивану Васильевичу с просьбой принять их земли со всем населением в подданство могущественной Руси и защитить от захватчиков.

В русских источниках середины XVI века нет описания того, как выглядели в глазах москвичей гости с Кавказа. Об этом мы можем судить по запискам итальянского путешественника конца XV века Джорджио Интериано, побывавшего тогда и у черкесов: «...Их верхняя одежда – плащ из войлока... носится на одном плече, оставляя на

свободе правую руку; на голове войлочная шапка, острая, будто голова сахара. Под плащом они носят кольчугу, опускающуюся от пояса складками на староримский лад; сапоги и штиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красив и халат с рукавами из холста. Ходят они в длинных усах и постоянно носят с собою огниво в красивой кожаной мошне, вышитой их женами, также бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб...

Татары и турки зовут их черкесами, а на их собственном наречии имя им адиге... [Черкесы] народ красивый и стройный...»

На Руси, в странах Европы, Кавказа и Востока издавна знали об отваге и удали кабардинских и черкесских воинов. Они славились мужеством, умением мастерски владеть саблей и меткостью в стрельбе из лука. «Каждый день они бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон, – писал Интериано. – Поэтому адыгские мужчины спят всегда с броней, либо кольчугой под головами, с оружием при себе, как бы внезапно им ни случилось подняться, первое их дело надеть панцирь... Горстка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов [татар], так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости».

Монах Доминиканского ордена итальянец Джиованни де Лукка, проехавший по Кавказу и узнавший жизнь его народов, в своем «Описании перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин...», составленном в начале XVII века, также отметил: «...Постоянное беспокойство, которое причиняют... [адыгам] татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Оружием для нападения, кроме лука, служат им копыя и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар...»

Рассказывая об адыгах, их воинском мастерстве и удали, Джорджи Интериано указывал в своих записках, что «в Каире между мамлюками и эмирами, которые большей частью набираются из них, попадают рослые люди».

Итальянец не случайно вспомнил мамлюков. С XI века так называлась отборная гвардия египетских султанов, формируемая из мальчиков-рабов («мамлюк» по-арабски – невольник), вывозимых первоначально из тюркских земель, а позже с Кавказа. В XIV-XVI веках их доставляли в основном из «Черкасской земли». Мамлюки стали лучшими воинами Северной Африки и Ближнего Востока. В 1382 году мамлюки черкесского происхождения, захватившие в Египте власть, основали свою династию Бурджи, правившую до начала шестнадцатого столетия. Ее султанам и эмирам пришлось вести тяжелую борьбу с турками, приступившими к завоеванию южного и восточного побережья Средиземного моря. Последний эмир этой династии Туман-бей пал в борьбе с ними.

Андрей Щепотьев побывал на берегах Кубани и Терека, Баксана и Малки, хорошо узнал людей Черкесии и Кабарды, их землю и, может быть, стал первым русским, научившимся говорить с адыгами на их

родном языке без помощи переводчиков – толмачей. И как жаль, что он не оставил нам описания своего путешествия по Северному Кавказу, того, что видел, кого встречал, ограничившись лишь официальным донесением в Посольский приказ. А ведь Андрей Федорович, первый русский посланник к черкесам и кабардинцам, мог бы рассказать о них многое, так же, как это сделали, к примеру, итальянец де Лукка и француз Тавернье в семнадцатом столетии.

«...Страна Черкесов тянется на 26 дней пути... Говорят они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше. Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно с другим деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары... не произвели на их сторону какого-нибудь набега...» – писал де Лукка, очевидец событий на Северном Кавказе.

Крупный французский коммерсант Жан Тавернье не был в адыгских землях, а рассказал о них в своей книге «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет...» по сведениям, собранным в странах Ближнего Востока, где хорошо знали о черкесах и кабардинцах:

«...Черкесия представляет собой красивую и хорошую страну с очень разнообразными видами. В ней встречаются равнины, леса, холмы и горы, откуда берут свое начало множество источников... В этой стране встречаются всевозможные цветы и в особенности прекрасные тюльпаны... Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно созревают в изобилии, не требуя особого труда; у них нет других садов, кроме полей, покрытых дикими вишнями, яблонями, орешником, грушевыми и другими фруктовыми деревьями. Их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими. Они имеют, кроме того, большое количество коз и овец, шерсть которых так же хороша, как и получаемая в Испании...»

Эти народы обладают здоровой кровью, в особенности женщины, которые чрезвычайно красивы, очень хорошо сложены и имеют свежий вид до 45–50 лет... Они делают много вышивок золотом и серебром для украшения лошадиных седел, колчанов луков, стрел, своих легких башмаков...»

За время пребывания на Северном Кавказе посол Щепотьев познал и оценил дружбу тех кабардинцев и черкесов, которые с надеждой смотрели на Москву. В те дни не раз его ратникам приходилось совместно с ними вступать в схватки с крымцами, нападавшими на поселения, отбивать у них пленных и стада скота. Огнестрельное оружие – пищали – русских «воинских людей» заставляло тогда многих любителей грабежа и разбоя обходить стороной посольский отряд и места, где он останавливался.

Дьяк Щепотьев вернулся в Москву в августе 1555 года. С ним прибыла группа черкесских и кабардинских князей во главе с Сибоко Кансауковым. И вновь в Грановитой палате Кремля зазвучала речь адыгов. Андрей Федорович сам переводил Ивану IV слова своих кавказских

сотоварищей, так радушно принимавших его в Кабарде и Черкесии. Они заявили, что вместе со своими женами и детьми готовы «во веки» служить России и бороться с ее врагами. Тогда, подтверждая их слова, дьяк Посольского приказа рассказал царю и членам Боярской думы, как много людей в «Черкассах пятигорских дали правду всей землею» быть верными союзу с Русью и как они надеются на это в своей борьбе с иноземными захватчиками...

Русское правительство придавало большое значение новым кавказским союзникам. Отправляя вскоре своего посла к польскому королю Сигизмунду II Августу, поддерживавшему дружеские отношения с Крымом, оно предписало ему сообщить полякам о приезде в Москву «черкасских князей пятигорских», изъявивших желание принять подданство России и давших обязательство выделять в год по одной тысяче отборных коней-армаков, а в случае войны являться на службу с двадцатитысячным войском. Цифры эти, конечно, были завышены, но такое преувеличение вызывалось дипломатической необходимостью в тех сложных отношениях между государствами, когда сила и мощь решали все.

Князь Темрюк, решительный и дальновидный политик, искусный военачальник, был старшим сыном Идара, праправнуком родоначальника кабардинских и черкесских князей – Инала, который, согласно легенде, бытовавшей в княжеско-дворянской среде адыгов, пришел на Северный Кавказ из Египта. Судя по поколенной росписи кабардинских князей, это произошло в пятнадцатом столетии. Вполне возможно, что князь Инал мог быть одним из храбрых мамлюков, вернувшимся на родину после долгих лет пребывания на чужбине. Имя же его люди могли ассоциировать с другим Иналом – «султаном египетским». И подтверждением для данного предположения может служить документ, составленный в начале XIX века в Архиве Министерства иностранных дел России и ныне хранящийся в Центральном историческом архиве Москвы. «...В третьей части Родословной книги под названием «Историческое и генеалогическое показание о магометанских и языческих владетельных домах с самого их происхождения по нынешние времена, с возможною подробностью начертанное и нужными доказательствами снабженное чрез Иоганна Людвига Левина Гебгарда, профессора при Королевской Рыцарской Академии в Люнебурге, 1731 года» о египетском султানে Инале и о его сыне преемнике престола в оной книге на 61-й таблице, изображающей вторую династию египетских султанов из мамелюков черкасских, которые Борджитскими прозваны, написано:

62. Инал из Черкасской земли сделался султаном под названием Меле Ал Ашраф Абульназия...: 857-го (в марте 1453) помогал Якову королю Кипрскому против сестры его Шарлотты... умер 80-ти лет 865 года (от Рождества Христова 1460).

63. Мелек Муайед Шегабеддин Абулфатал Ахмет в султаны избран был незадолго пред кончиною своего родителя (Инала), лишен был престола от злобных мамелюков за благоверие 665 года (1460)».

И далее в этом документе, вышедшем из Архива Министерства иностранных дел России, приводится родословная кабардинских кня-

зей от «египетского султана Инала», согласно которой князь Темрюк является его праправнуком...

Поддерживаемый родными братьями Ельбузду, Желеготом, Камбулатом и двоюродным братом Ельбуздуко, Темрюк стал в начале пятидесятых годов XVI века главным князем Кабарды. Он использовал свое влияние, а часто и силу, усмиряя непокорных феодалов, чтобы противостоять врагам и добиться сближения с Россией. Конечно, не без его участия посылались в Москву и первые посольства адыгов.

Имя Темрюка и его авторитет в то время были широко известны не только среди кабардинцев и черкесов, но и за пределами Северного Кавказа. Сближения и дружбы с ним искали владетельные фамилии других народов – он состоял в родстве с союзниками Москвы астраханским царевичем Бекбулатом и сыном князя Большой Ногайской орды Тинехматом, за которых выдал замуж своих дочерей.

В сознании и памяти кабардинского народа имя Темрюка вот уже несколько веков овеяно легендами и сказаниями. «Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгского народа... – рассказывается о нем в одном из сказаний, записанных Шорой Бекмурзовичем Ногмовым. – Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки [певцы-сказители – *Ред.*] сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюк Идаров не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: «Иду на вас».

В эти времена варварства гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа».

В народных песнях и преданиях кабардинцев жива память о той далекой эпохе. Ее дыхание ощущается и в поговорке: «Тхаго царь-Иван хоттуа» – «Присяга, которая дана перед царем Иваном». А мудрые старики донесли до нас песни и легенды о князе Темрюке, направившем посольство в Москву, чтобы защитить Кабардинскую землю от иноземных завоевателей. В одной из них сказано:

*...Семь месяцев трудных сидел ты в седле,
Доспехи надев боевые.
Ты благо принес Кабардинской земле,
Открыл нам просторы России.
Хуара-скакун ускоряет свой бег,
А всадник отважен и строен,
Горячие стрелы ты сыплешь, как снег,
Темрюк – предводитель и воин.*

Кабарда вошла в состав Руси на правах союзника. Отныне кабардинцам вместе с русским и другими народами, населявшими страну, предстояло вести совместную борьбу с общим врагом, участвовать в

походах, радоваться победам и переживать неудачи. И обретали полный смысл и подлинное значение слова клятвы, данной сынами адыгской земли в Москве: «...служити государю до конца своей жизни, куда их государь пошлет на службу, туда им ходити».

Специальные книги Разрядного приказа, ведавшего военными делами России, летописные источники, составленные во второй половине XVI века и позже, дают нам немало сведений об участии кабардинцев и черкесов в походах русской армии. Вот, например, одна из документальных записей за январь 1558 года, свидетельствующая о воинской службе посла Темрюка – Канукова: «...Того же месяца царь и великий князь отпустил на крымские улусы князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, да с ним черкасского мурзу кабардинского Канкльча Канукова государь отпустил в Кабарду в Черкасы, а велел им [кабардинцам], собрався, итти всем к князю Дмитрию же на помощь. А отпущены в Черкасы на Казань да на Астрахань судном, а из Черкас им итти ратью [к Вишневецкому] мимо Азова».

При дворе Ивана Грозного

1558-й год (7067-й «от сотворения мира»). Октябрь... «Того же месяца приехали из Черкас к царю и великому князю [Ивану] Темрюковы князь дети большого князя из Кабарды Темрюка Булгерук-мурза да Салнук [Салтан]-мурза бити челом, чтобы государь их жаловал, своих подданных, и оборонил от шамхальского государя...

И царь и великий князь Салтану-мурзе по их челобитию велел жити у себя на дворе и крестить его велел, и нарекли ему имя князь Михаиле, и велел государь его грамоте учить...»

Это самое первое упоминание в летописи об известном в русской истории князе Михаиле Темрюковиче Черкасском. Приехав в Москву вместе со старшим братом Булгайруком, он по просьбе своего отца Темрюка был крещен в православную веру и навсегда остался в России, вскоре оказавшись в самой гуще событий, происходивших в царствование Ивана IV. Булгайрук же, получив в Москве обещание о присылке в Кабарду военной помощи, вскоре отбыл на родину.

В семидесятых годах XVI века в Москве по велению царя Ивана Грозного была составлена история Руси – Лицевой летописный свод. Многотомная летопись, дошедшая до наших дней, написана четким полууставом на отличной королевской бумаге, привезенной из Франции. На ее страницах помещено несколько тысяч цветных миниатюр-иллюстраций, отображающих историю страны, жизнь и быт всех слоев общества того времени. Двадцать одна из них рассказывает о связях России с Кабардой и Черкесией – о приезде в Москву их послов, об оказании им военной помощи.

В числе миниатюр Лицевого свода есть и одна, посвященная сыну Темрюка – Салтану. Выполненная, как и все, в характерной для русского средневековья иконописной манере, она весьма интересна для нас,

ведь на ней дается одно из двух известных нам изображений Темрюковича.

Композиционно миниатюра состоит из трех частей. Первая показывает приезд Салтана с братом в Москву и их встречу с царем Иваном IV. Сын Темрюка предстает перед нами довольно маленького, по сравнению с окружающими его людьми, роста. Вероятно, так художник хотел подчеркнуть его молодость, хотя, судя по всему, Салтану тогда должно было быть уже не менее восемнадцати лет. Рядом с ним, за его спиной, мы видим другого сына Темрюка – Булгайрука, который, как видно, значительно старше своего брата.

Затем следует сцена крещения. Полураздетый Салтан стоит в реке на фоне кремлевских стен. На берегу священник с раскрытой церковной книгой в руках, нарекающий молодого кабардинца его новым христианским именем – Михаил. Рядом со священнослужителем художник тщательно вырисовал бородатых мужчин: ведь в допетровской Руси бороду носили все – молодые и старые, она являлась гордостью каждого уважающего себя человека и сбривать ее категорически запрещалось.

Третья часть миниатюры, конечно, самая примечательная, она о том, как «велел государь его грамоте учить». Грамотей-монах передает Михаилу лист бумаги с начертанными на нем буквами русской азбуки А, Б, В, Г – аз, буки, веди, глаголь.

Михаил Темрюкович стал первым человеком из Кабарды, получившим образование в Москве. И кто знает, быть может, ему посчастливилось бывать и в знаменитой «Либерее» – богатейшей библиотеке Ивана IV, привезенной в Россию его бабкой, племянницей последнего византийского императора принцессой Софьей Палеолог. В библиотеке хранилось восемьсот редчайших фолиантов в золотых переплетах, написанных авторами Древнего Рима и Древней Греции, Персии и Египта. О «Либерее» знали в странах Европы и Востока, так как в то время редко уже где оставалось такое богатейшее собрание книг и манускриптов. Но доступ в хранилище имел лишь очень ограниченный круг лиц, те, кому Иван особенно доверял. Он знал, что этим уникальным рукописям нет цены ни в золоте, ни в бриллиантах. К сожалению, после смерти царя вся библиотека бесследно исчезла. Поиски ее, продолжающиеся более двухсот лет, вплоть до наших дней, пока не дали никаких результатов.

7 августа 1560 года скончалась жена царя Ивана IV Анастасия Романовна. Женившись в семнадцать лет, он в тридцать стал вдовцом. Без матери остались двое сыновей: шестилетний Иван и трехлетний Федор. Кончину своей жены, тяжело болевшей около десяти месяцев, царь, которого уже в эту пору начинает преследовать мания заговоров, связывал с ее отравлением и «злым чародейством», исходящими от приближенных бояр и дворян. На их головы обрушились первые

репрессии, ссылки, казни. И долго еще потом, спустя годы, Иван будет пользоваться этим и подобными ему предложениями – смертью своих жен – для уничтожения людей, необоснованно обвиненных в изменах и заговорах.

На похоронах Анастасии царь плакал, как ребенок, а потом, тяжело переживая утрату, отказывался от пищи, проводил дни и ночи в изнурительных молениях. Через неделю, боясь как бы он не лишился рассудка, к нему пришли бояре во главе с митрополитом Макарием. Видя, как безутешен в горе Иван, они просили его оставить скорбь о покойной царице и подумать о новой женитьбе.

Поначалу царь и слышать об этом не хотел и не сразу внял уговорам своих вельмож. Через два дня, 16 августа, в присутствии высшего духовенства и Боярской думы он заявил, что никак не думал сейчас о женитьбе и только обращение к нему митрополита да забота о своем государстве и малолетних детях заставляют его согласиться на новый брак. Но невесту ему должны теперь найти не на Руси, а «в иных землях». Это значило, что новую женитьбу царь связывал прежде всего с политическими целями.

В конце августа Иван IV отправил посольство в Польшу к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу. Король, став союзником и покровителем Ливонского ордена, теперь тоже находился в состоянии войны с Россией. Царь решил свататься за одну из его сестер – старшую Анну или младшую Екатерину, на усмотрение посла окольничего Федора Ивановича Сукина. «Идучи дорогой и до Вильны, – напутствовал его Иван, – распытывать для себя накрепко про сестер короля, про королевен, скольких лет меньшая Екатерина и скольких лет другая, Анна, и каковы ростом, и сколь которая в теле, и какова обычаем [характером]... Которая будет лучше, о той говорить от имени царя... А будет большая королевна хоть и добра в ту же пору, как меньшая, и больше будет двадцати пяти лет и ему о ней не говорить, а говорить о меньшей. А разведывать того накрепко, чтобы была не больна и не суха телом...» Как видно из всего этого, хоть дело было и в политическом расчете, а в новом браке царь все же хотел иметь жену юную, красивую и пригожую.

Второе посольство направилось в Швецию к королю Густаву, третье – в Кабарду. Послам Федору Васильевичу Вокшерину и подьячему Семену Мякинину было велено, как указывает летописец, «у черкасских князей дочерей смотрети и привезти их к Москве».

Сватовство в Польше окончилось неудачей. Король запросил за свою младшую сестру красавицу Екатерину (на нее пал выбор царского окольничего, и портрет ее он привез в Москву царю) слишком большую цену – древние русские города Новгород, Смоленск, Псков и Черниговскую область. Об этом, конечно, не могло быть и речи.

Из Швеции послы тоже вернулись ни с чем. Они принесли весть о том, что король Густав скончался, в стране траур и наследник престола Эрик в такой обстановке о сватовстве вести переговоры отказался. Но главное и здесь было в том, что Швеция, захватившая ряд

Приезд кабардинских послов в Москву (художник Х. Савкуев)

городов Ливонского ордена – бывшие русские территории, фактически находилась в состоянии войны с Россией и уступать ей новые земли не собиралась.

А о судьбе посольства Вокшерина, направленного в Кабарду, все еще не было никаких известий. И тогда в феврале 1561 года царь Иван посылает посла Бориса Сукина «смотреть» дочерей князя Василия Сибобо, к тому времени вернувшегося из России на родину, а также дочерей и у других западочеркесских князей. Но добраться до них царскому посланнику не удалось – в том краю уже утвердились турки и крымцы, воспользовавшиеся тем, что русские, занятые затянувшейся войной с Ливонским орденом, не смогли оказать черкесам помощи. С тех пор их связи с Москвой надолго обрываются...

Прошло долгих десять месяцев с того времени, как отбыли в Кабарду с деликатным поручением царя Федор Вокшерин и Семен Мякинин. И вот, наконец, в середине июня пятьсот шестьдесят первого года послы торжественно появились в Москве с невестой для государя всея Руси Ивана IV.

«...Того же лета [1561 года] июня в 15-й день, в воскресенье, приехала к Москве из Пятигорских черкас кабардинского князя Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей... А с княжною же приехали к царю и великому князю брат ее Темрюков же княжий сын Доманукмурза да Бекбулат-царевич... а за Бекбулатом Темрюкова же княжия дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саин-царевичем, приехали государю служить. А встречал княжну на Волге Иван Андреевич Бутурлин и к Москве с нею приехал... и поставили княжну в городе старом у Ризположенских ворот на Игнатъеве дворе Вишнякова...»

Да, так все и было в тот летний июньский день 7069 года «от сотворения мира». Сопровождаемая воеводой Бутурлиным, послами Вокшериным и Мякининым, старшим братом Домонуко, астраханскими царевичами Бекбулатом и юным Саин-Булатом – зятем и внуком Темрюка, в Москву приехала его дочь княжна Гуашаней, известная по

русским летописям как Кученей. В свиту ее входило около полутора тысяч кабардинских всадников, астраханских татар, ногайцев и казаков.

Пути-дороги, начавшиеся с берегов Терека в Кабарде, первоначально привели Кученей в Астрахань. Оттуда, вверх по Волге, отплыла она с целым караваном стругов на Казань, а через Нижний Новгород и Владимир проследовала в русскую столицу.

Необычайный кортеж въехал в Москву. Величественно вышагивали нагруженные дарами верблюды, горделиво изгибали шеи горячие кабардинские скакуны, с трудом сдерживаемые своими всадниками, нетерпеливо рвались вперед породистые жеребцы-аргамаки – полсотни их Темрюк послал в подарок царю. Строгие костюмы горцев-кабардинцев, пестрое одеяние степняков-татар и ногайцев, тусклый блеск кольчуг и щитов, золоченые шлемы военачальников и их белые бунчуки, красной кожи колчаны и налучники – все это проплывало перед глазами изумленных москвитян, вышедших на улицы и площади города взглянуть на приехавших чужеземцев. А впереди всего шествия в окружении русских послов, воеводы, брата и астраханских царевичей следовала Кученей, находившаяся в восточном шатровом паланкине, установленном на верблюде. С удивлением вглядывалась она из-за тяжелых бархатных занавесок в громадный и загадочный город.

Уставшей от долгого и утомительного пути княжне, ее брату и их близким людям воевода Бутурлин отвел хоромы стольника Вишнякова вблизи Кремля.

С братьями Михаилом, уже жившим в Москве около трех лет, и Домонуко Кученей удалось еще несколько раз побывать на улицах Москвы. Все поражало ее в этом громадном городе: грозный Кремль с его уходящими в небо башнями и девятиглавый красавец храм Покрова на рву – собор Василия Блаженного, поставленный в честь взятия Казани, громадные часы на Фроловской башне и солидные бородатые бояре, одетые, несмотря на летнее тепло, в высокие собольи шапки и длиннополые парадные меховые шубы, терема сказочной красоты и множество высоких каменных церквей, выделявшихся на фоне деревянных зданий. Необычным казалось ей и многолюдье русской столицы.

Прошло несколько дней, и Иван IV «княжне черкасской велел быти на своем дворе» в Кремле. Смотрины проходили в верхних палатах царского дворца. С небольшой группой приближенных царь вошел в зал, где находилась девушка, привезенная из Кабарды. Он еще не видел ее и не знал, станет ли она его невестой.

Кученей предстала перед ним в национальном кабардинском наряде: в платье из темно-красного шелка, украшенном нагрудником с золотыми застежками, широкими расшитыми нарукавниками и поясом из галунной тесьмы с массивными позолоченными пряжками филигранной работы. Голову ее венчала коронообразная шапочка с меховой оторочкой. Она казалась выше ростом, оттого что была в особой обуви на деревянных подставках, носимой знатными кабардинками в торжественных случаях.

Робая и прикрывая в смущении платком лицо, стояла юная княжна под цепким и любопытным взглядом царя Ивана. Конечно, она чувствовала себя тогда стесненно и неуверенно на глазах у этого высокого, широкоплечего, бородатого человека, в дорогом бархатном кафтане с оплечьем из драгоценных камней.

Рост его достигал более ста восьмидесяти сантиметров, он имел хорошее сложение, отлично развитую мускулатуру и обладал большой физической силой – ведь с юношеских лет занимался охотой и сам, один на один, ходил с рогатиной на медведя, любил тяготы и трудности военных походов, отлично владел саблей и луком.

Густые темно-каштановые волосы обрамляли мужественное лицо царя. В свои тридцать один год, когда его впервые увидела Кученей, Иван был интересным и привлекательным мужчиной.

Современник царя англичанин Джером Горсей отмечал: «Он был хорош собой, стройно сложен, с высоким лбом, пронзительным голосом... остроумен». С этим описанием перекликается свидетельство другого иностранца – Даниила Принца: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное, силен... большие глаза его постоянно бегают и все наблюдают самым тщательным образом. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая».

...Иван Васильевич долго и внимательно рассматривал девушку. Вначале суровые и настороженные его глаза заискрились, а потом он широко и по-доброму улыбнулся. И Кученей уже не боялась этого большого и сильного человека, для встречи с которым ее и привезли в Москву.

Он всматривался в прекрасное лицо дочери Темрюка и все больше убеждался в верности слов, сказанных ему старыми боярскими вдовами – бабками и мамками, приставленными к княжне. Осмотрев ее всю, как того требовал давний обычай, они доложили, что Кученей «государю будет пригожа красотой, здоровьем и чистотой».

Она была не похожа на русоволосых с голубыми и серыми глазами, чуть вздернутыми носами дочерей России. Черные волосы, ниспадавшие двумя толстыми косами на грудь, смугловатое с нежной кожей и тонким овалом лицо, темно-карие, с прекрасным восточным разрезом глаза, прямой нос – ведь как раз таких женщин и видел царь на миниатюрах старинных восточных книг в своей библиотеке – «Либерее».

Царь вслушивался в ее голос, пытаясь понять смысл и значение слов на незнакомом языке, а решение уже пришло – ему приглянулась юная дочь Темрюка. Он «смотрел ее и полюбил» – так запишет летописец, повествуя об этих царских смотринах.

В воскресенье, 6 июля, в дворцовом Благовещенском соборе протопоп Андрей Благовещенский объявил перед собравшимися боярами и духовенством, что Кученей готовится «ко крещению» и ей дается имя Мария, «во имя святой Марии Магдалины». В тот же день царь «нарек» ее своей невестой и по старинному русскому ритуалу вручил нареченной суженой кольцо и платок, униженный жемчугом. Кученей Темрюковна официально стала царской невестой...

Какой же была эта юная княжна, младшая дочь Темрюка, волей судьбы заброшенная далеко от родных мест в загадочную и чужую для нее страну Московию, язык и нравы которой ей предстояло отныне познать? К сожалению, летописи – сухие и официальные источники – весьма скудно сообщают о ней.

Говоря о женитьбе Ивана IV на Марии Темрюковне, знаменитый российский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин писал в «Истории государства Российского», вышедшей в начале XIX века: «Тогда Иоанн, уже решительно оставив мнение быть Сигизмундовым зятем, искал себе другой невесты в землях Азиатских... Ему сказали, что один из знатнейших Черкесских владетелей Темрюк имеет прелестную дочь; царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить закону».

Откроем широко известную в дореволюционное время «Историю России с древнейших времен» академика Сергея Михайловича Соловьева и прочтем в ней о том же событии следующее: «...Мы видим, что по смерти Анастасии Иоанн... обратился в сторону, противоположную [Европе] на Восток, и в 1561 году женился на дочери черкесского князя Темрюка, которой при крещении в Москве дали имя Мария. Выгода жениться не на русской, особенно при тогдашних обстоятельствах, и красота черкешенки могли прельстить Иоанна...»

У Алексея Николаевича Толстого в драматической повести «Иван Грозный», законченной в 1943 году, первая ее часть «Орел и орлица» посвящена Ивану IV и Марии Темрюковне. Здесь писателем дана довольно интересная литературная трактовка образа царской невесты и ее первой встречи с царем, во время которой между ними происходит очень серьезный разговор. Главный его смысл в том, что царь сразу же оценивает ум своей невесты, ее кругозор, понимание государственных дел и видит в ней достойную себе жену и царицу всея Руси.

«...Иван. Ты – умна... Смела... А я думал – дикая черкешенка.

Марья (с гордой усмешкой). Я в Мцхете в монастыре училась книжному искусству и многим рукоделиям. В Тбилиси при дворе грузинского царя мне подол платья целовали... А тебя мне слушать скучно.

Иван. Это хорошо. Это удача. (Встает и ходит кошачьей походкой. Берет подсвечник и переставляет его, освещая лицо черкешенки.) Добро, добро, что не хочешь со мной шутить. Послушай другие речи. К твоему отцу Темрюку послал я сватов не за твоей красотой.

Марья. За черкесскими саблями послал. Свои-то, видно, тупые.

Иван. Московские сабли острые, Марья Темрюковна. Добро, добро, дразни меня, я мужик задорный. На Москве – в обычае на кулаках биться, а в большом споре и на саблях. А с такой красивой девкой – выйти на поле – уж не знаю, чем и биться. Слушай, Марья...»

И тут царь посвящает дочь Темрюка в свои сокровенные мысли о государственных делах и планах сделать Русь могущественной, чтобы осуществить идею: «быть третьему Риму в Москве», ведь «русская земля непомерна».

«...Марья (с изумлением). Царь, зачем говоришь мне тайные мысли? Разве я тебе друг?..

Иван. Верю в твою красоту, Марья. Не хочу обнять на свадебной постели бездушную плоть твою. Как жену любезную хочу. Царицей прекраснейшей в свете вижу тебя... Исповедницей будь моим мыслям, они в ночной тишине знобят, и кажется, и руки и ноги становятся велики, и весь я – широк и просторен, и уже вместил в себя и землю и небо. Оторвав лицо от груди твоей, привстану и скажу: дано мне свершить великие дела.

Марья. Дано...»

Иван IV, умный и широко образованный для своего времени человек, знакомый с историей и литературой, не мог не слышать и не знать о красоте девушек и женщин из страны «Черкас пятигорских». Во времена средневековья они высоко ценились на невольничьих рынках Азии и Востока, поступая отсюда в гаремы турецких султанов, крымских ханов, персидских шахов и их феодалов. А те, кому доводилось бывать в Черкесии и Кабарде, приезжая в Москву, привозили сюда рассказы об этих землях, их обитателях и, конечно же, о женщинах.

Вот, к примеру, как описывали их в своих сочинениях люди разных эпох и национальностей, поделившиеся своими наблюдениями с современниками.

Еще в X веке арабский географ и путешественник Абу-аль-Хасан Али аль-Массуди, побывав на Кавказе и восторгаясь красотой черкешенок, писал в своей книге «Луга золота и рудники драгоценных камней»: «Из описанных нами племен нет ни одного в этих странах народа, в котором можно было бы встретить тип с более светлой кожей и светлым цветом лица и более красивых... женщин. Ни у одного народа нет стана более стройного, талии более тонкой, бедер и таза более выдающихся и форм более красивых, чем у этого народа. Женщины их славятся мягкостью своего обращения. Они носят белые одежды, румскую парчу, пурпур и иные виды шелковых материй, затканых золотом».

Географа и историка эпохи итальянского Возрождения Джорджио Интериано, побывавшего в этом крае пять столетий спустя, восхитил вид купавшихся в реке девушек: среди них «можно видеть большое число красивых, снежной белизны созданий».

«Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки, волосы черные, как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытым лицом. Они... общительны и любезны», – отмечал в тридцатых годах XVII столетия немецкий ученый, магистр философии и дипломат Адам Олеарий.

«У женщин... белоснежная кожа и красивые, как бы покрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться, – вторит ему голландский путешественник и дипломат Ян Стрейс, познакомившийся с кабардинцами в шестидесятых годах того же столетия. – Они большей частью хорошо сложены. Их брови и волосы черные, как уголь... Они ходят с непокрытыми лицами, на голове носят красивые двойные черные шапочки, обшитые красным полотном, что весьма к ним идет...»

Венгерский ученый Янош Бессе, предпринявший большое путешествие по Кавказу, Крыму, Грузии, Армении и Малой Азии, в 1829 году побывал в Нальчике. В его книге, вышедшей позже в Париже, мы находим такие строки, посвященные «черкешенкам»: «Они красивы, у них легкие и тонкие фигуры, красивейшие глаза, брови красивого рисунка и длинные ресницы».

...И вот летом 1561 года вся Москва узнала, что в Кремле находится кабардинская княжна, ставшая царской невестой. В старину рано выдавали девушек замуж. В четырнадцать-пятнадцать лет они уже становились невестами и женами. Так было в России, в странах Европы и тем более на Кавказе и Востоке, где девушки формировались раньше, чем в северных краях. А это значит, что княжна в ту пору, когда ее «смотрел и полюбил» царь Иван, имела от роду не более пятнадцати-шестнадцати лет. Иначе красавицу Кученей, дочь князя Темрюка, уже выдавшего замуж двух своих дочерей в другие земли, обязательно бы сосватали за жениха в Кабарде или за ее пределами.

В воскресный день, 20 июля, Кученей крестили в кремлевском Успенском соборе – с времен Ивана IV место коронации всех русских царей. Крестил ее сам митрополит всероссийский Макарий. В то же время совсем рядом, в Архангельском соборе, где покоится прах великих князей – предков царя, в его присутствии служили торжественный молебен. После завершения обряда крещения Иван Васильевич, по обычаю, преподнес Марии золотой крест-складень, а царевичи Иван и Федор вручили своей будущей юной мачехе кресты из золота, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

21 августа москвичи проснулись от переливчатого звона всех пяти тысяч колоколов многочисленных церквей и соборов столицы. Перезвон стоял такой, что, как писали иностранные современники, «люди не могли в разговоре слышать друг друга».

«Того же лета, – сказано в летописи, – августа в 21 день... в четверг, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси женился вторым браком, а взял за себя кабардинского из Черкас Темрюка-князя Айдаровича дочь, нареченную во святом крещении царевну Марию, а венчал его в соборной и апостольской церкви Успения... преосвященный Макарий, митрополит всея Руси. На радости же его тогда были брат его князь Юрий Васильевич да князь Володимер Ондреевич и бояре и вельможи многие».

В Государственной Оружейной палате Московского Кремля среди многих ее сокровищ есть вещь, связанная с событием, о котором ведется рассказ. Это золотое блюдо, подаренное царем Иваном Марии в день их свадьбы. Украшенное растительным орнаментом и двуглавым византийским орлом – гербом Руси, оно имеет по кругу надпись: «В лето семь тысяч шестьдесят девятого божию милостию благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси зделано блюдо благоверная царице и великой княгине Марье».

Трехкилограммовое золотое свадебное блюдо Марии Темрюковны считается одним из шедевров, сделанных русскими мастерами золото-

го дела. В старинном свадебном ритуале на Руси блюда-подносы играли определенную роль: на них обычно жених преподносил невесте головной убор – кичу, а потом во время торжественного застолья они служили для подачи молодым особых кушаний...

Описания самой свадьбы ни русские летописи, ни современники до нас не донесли. Известен рассказ свидетеля тех дней. Антоний Дженкинсон, английский купец и мореплаватель, летом 1561 года приплыл к берегам Белого моря для налаживания торговых связей с Россией. «...Я выехал... к Москве, куда прибыл 20 же августа, – пишет он в своих записках. – Я немедленно известил секретаря его царского величества о моем приезде с письмом королевского высочества к царю, и тот доложил об этом царю. Однако его величество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец – посланник или иной – не появлялся перед ним в течение некоторого времени, с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут праздновать торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением приближенных царя) не выходил из своего двора во время празднеств... Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной.

6-го следующего месяца сентября царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы, выдающиеся по занимаемому положению и имеющие дела с правительством; я был в числе приглашенных».

Оказавшись в Москве через десять лет после этих событий, другой англичанин – купец Джером Горсей, пользуясь лишь дошедшими до него рассказами, прошедшими через десятки уст и, видимо, настолько фантастическими, что он сам в них не верил, указывал в своем сочинении: «...Иоанн женился на одной черкесской княжне... Празднование этой свадьбы было дотоле странное и отзывалось язычеством, что трудно поверить, чтобы оно совершалось на самом деле».

Всенародных, массовых торжеств по случаю свадьбы, как это делалось издавна, в Москве не устраивалось. Царь уже в то время все больше начинает страшиться заговоров и чародейства. Патологическая мнительность и безмерная подозрительность обостряются в нем с каждым годом. Вскоре ему будут постоянно не давать покоя мысли об изменах, замышляемых против него. Все чаще стали приходиться к царю приступы необузданного гнева, в порыве которого он мог собственными руками убить человека. В недалеком будущем все это вызовет смерть многих тысяч людей, наветы, аресты, ссылки и все то, что даст русскому народу право прибавить к имени Ивана прозвище Грозный.

Отрицательные и страшные качества в этом великом и столь противоречивом в своих делах и поступках человеке сочетались с недюжинным умом государственного деятеля и политика, талантливого публициста и крупного военачальника.

Итак, в августе 1561 года совершилась женитьба царя Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова. Это знаменательное

событие нашло отражение как в официальной московской летописи, со сведениями которой мы уже знакомы, так и в целом ряде других летописей и документов, созданных за пределами столицы в различных монастырях и городах России.

Окончилась свадьба, в другие страны разъезжались присутствовавшие на торжествах русские послы. В Посольском приказе им всем было дано указание: там, за границей, на вопрос о второй женитьбе Ивана отвечать, что, когда умерла Анастасия и царь искал себе новую жену, «сказали ему – у большого князя Черкасского, у Темрюка, дочь, что его государскому обычаю пригожа. И царь и великий князь посылал по ней и смотрел ее. И она его государскому обычаю пригодилась, и государь взял ее за себя, а Темрюка князя и землю Черкасскую пожаловал – велел им служить себе».

Все это означало, что отныне связи России с Кабардой еще более укрепятся, и на Кавказе возрастут значение и роль Кабардинской земли и ее главного князя Темрюка – тестя могущественного русского царя.

Антоний Дженкинсон, будучи вскоре после свадьбы проездом в Персию в Шемахе, встретился там с посланником грузинского царя, рассказавшим ему о бедствиях своей страны, опустошаемой турками и персами. Англичанин тогда не только поддержал стремление грузин послать послов в Москву и просить там помощи, но и указал им путь туда – «через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился».

...1 сентября в России наступил новый – 7070 год. Вплоть до введения Петром I европейского календаря русские люди жили и отсчитывали время по византийскому летосчислению. Новый год по нему начинался с сентября, со времени окончания полевых работ.

Еще в Кремле продолжались новогодние празднества и свадебные приемы для именитых гостей, а в Кабарду уже отправилось царское посольство, с которым отбыл на родину и брат Марии князь Домонук. Послы Иван Борисович Федцов и Никита Григорьевич Казаринов везли Темрюку и его жене специальную грамоту с золотой государевой печатью, бережно уложенную в золотой ларец, помещенный в небольшой деревянный сундук. Так полагалось издавна на Руси перевозить важные дипломатические документы. В грамоте говорилось о том, что царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич шлет им «свою радость... что... дочь их взял за себя». А вместе с этим посланием он передавал Темрюку и всему его семейству подарки – шубы куньих и собольих мехов, наряды из персидского и венецианского бархата, золотые и серебряные кубки, азиатские ковры и оружие.

Судя по всему, Иван радовался тогда счастливым переменам в своей жизни и хотел, чтобы эту радость разделили с ним и родные его новой жены, жившие далеко от Москвы, на Кавказе.

О дальнейшей жизни Марии летописцы сообщают очень мало. В основном это сведения о ее частых выездах на богомолье в подмосковные и владимирские монастыри, что было обычным и обязательным явлением в ту пору. Они обычно совершались с царем летом в

рыдванах – каретах, а зимой в возках. Во время этих поездок Марии Темрюковне удавалось повидать новые места, побывать в других городах и обителях.

В обязательном порядке имя Марии Темрюковны указывалось в «целовальных записях», в которых фиксировались сведения о принятии присяги Ивану IV – целованием креста русскими воеводами и царедворцами при назначении их на должности. Каждый из таких документов в его начале содержал традиционную форму написания: «Запись целовальная, как целовали крест царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, и его царице и великой княгине Марье, и его детям царевичу Ивану, и царевичу Федору...»

Конечно, поначалу Марии приходилось очень трудно без знания русского языка, нравов и обычаев новой для нее страны и новых людей, с которыми ей приходилось теперь общаться и жить. Все здесь для нее было совершенно иное, чем там, в Кабардинской земле, в доме отца, где прошло ее детство и наступила юность, так круто изменившая судьбу девушки.

...Женитьба царя на женщине с Кавказа, который для простого русского человека являлся далеким Востоком, оставила след в народных песнях России. В разных ее концах – от Архангельска до Ростова-на-Дону и от Смоленска до Сибири – еще в XIX веке бытовали прошедшие через столетия песни-сказания. В них нашли отражение и события времен Ивана Грозного, в частности его второй брак.

К этому времени в памяти народа уже не сохранилось сведений о том, что задолго до Ивана IV древнерусские князья брали себе жен не только в странах Европы, но и у соседних половецких ханов. А летописцы XII-XIII веков свидетельствуют, что сыновья великих князей киевского Владимира Мономаха и суздальского Юрия Долгорукого – Ярополк и Всеволод Большое Гнездо, как и князь черниговский Мстислав, были женаты на кавказских «яских княжнах».

Все это было уже забыто, прошло ведь столько веков и столько событий. Поэтому, когда дед Грозного Иван III женился на чужеземке – племяннице византийского императора Софье Палеолог, этот его шаг вызвал всевозможные толки. Тем более теперь, когда через год после смерти первой жены Ивана IV Анастасии в Москву привезена была новая невеста, на этот раз даже другой веры – молодая «босурманка, купавна татарская», в народе возникло множество всевозможных предположений и домыслов. Говорили, что царь Иван Васильевич потому так быстро забыл свою некогда горячо любимую супругу, что его околдовала и очаровала своей невиданной красотой Мария

Царица просит мужа не жениться после ее смерти на чужеземке «в той Литве», что в ту пору на Руси, наравне с татарскими Золотой Ордой и Крымом, означало чужие земли и все иноземное. Но, несмотря на это, песни не настроены враждебно или же как-то неуважительно к Марии. Все их безымянные авторы величали ее «царицей благоверною» и подчеркивали ее красоту, называя «купавной» или «супавной», «белой лебедушкой». И конечно же, говорится далее в песнях, Иван, увидев

княжну, зачарованный, сразу же забывает о просьбе своей покойной супруги и женится на Марии Темрюковне:

*Берет он, царь-государь, не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь, в той Золотой Орде.
У того Темрюка-царя, Темрюка Степановича,
Он Марию Темрюковну, сестру Мазрюкову,
Купаву крымскую, царицу благоверную...
Он здравствует, царь-государь, у себя в каменной Москве,
В палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей, –
Пир навеселе, повел столы на радостях,
И все князи, бояри, могучие богатыри
И гости званые, пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают...*

А в другой песне о «царской» женитьбе говорилось так:

*Изволил наш царь-государь, царь Иван да Васильевич,
Он изволил жениться, да он, свет, обручиться.
Не у нас, на святой Руси, не у нас, в каменной Москве, –
Во земли во Литовския, да во той в Черкасския,
На премладой черкашеньки, а на Марье Демрюковне...*

Мария Темрюковна стала женой Ивана IV. И так случится, что именно в шестидесятые годы, годы их совместной жизни, усилятся его жестокие наклонности, граничащие с садизмом, в стране начнутся поистине невиданные до того массовые репрессии, организатором и вдохновителем которых был сам царь. В связи с этим некоторые современники из кругов, враждебных Ивану, и поэтому явно злонамеренные по отношению к нему и его близким, распускали в народе слухи о том, что во всех этих страшных бедах, обрушившихся на Русь, есть большая вина второй царской жены, оказавшей «злое» влияние на Грозного, что нашло отражение и в ряде русских источников XVI и XVII веков. Так, в хронографе «О браках царя Иоанна Васильевича» сказано: «В лето 7069 августа 21 обрачился царь вторично на Марии Федоровне Черкасской Горской... туги нравные и зело лютые...» – (крутой нравом и очень злой).

Разбираясь сейчас, спустя более четырех столетий, во всем этом, надо обязательно учитывать то обстоятельство, что на Марию Темрюковну падала зловещая тень Ивана Грозного и всего зла, им творимого, в связи с чем в сознании многих людей того времени могло создаться и определенное отрицательное представление о его жене, которая, по их мнению, разделяла и несла на себе ответственность за все то несправедное, что происходило на Руси...

Вслед за тенденциозными источниками и записками современников, где говорилось, что Мария «на злые дела падушая», о ее отрицательном влиянии на Ивана IV стали писать русские историки Карамзин и Соловьев, немец Гельмольт в «Истории человечества», да и другие исследователи, вплоть до наших дней, рассказывающие о России XVI столетия.

Но все дело в ином. Известный русский психиатр, ректор Варшавского и профессор Казанского университетов Павел Иванович Ковалевский в своей книге «Иоанн Грозный и его душевное состояние», вышедшей в дореволюционное время, пришел к определенному выводу, что после тридцати лет Иван IV заболевает тяжелой формой психического расстройства – паранойей. Результатом этого и стали у него почти постоянными навязчивые мысли о мнимых заговорах и преследованиях врагами. Современники писали, что в тоскливых взорах бояр царю виделось предательство, в их молчании ему чудились угрозы и укоры. Царя преследовал страх быть отравленным. Пищу и вино он принимал только из рук своих приближенных Афанасия Вяземского и Федора Басманова, которых потом обвинит в колдовстве и казнит.

Мания величия, ставшая одним из проявлений болезни, привела к тому, что, борясь с подлинными и мнимыми врагами – «изменами и крамолой», Грозный обрушился на русский народ с необузданной и невиданной жестокостью, подавляя любое, часто кажущееся ему, несогласие с его мнением. Казня князей, воевод и бояр, царь расправлялся не только с ними и их семьями, но и с тысячами принадлежавших им крестьян и дворовых людей.

Ровно через год после свадьбы в Москву вернулось посольство, отправленное Иваном IV в Кабарду с известием о его женитьбе на Гушаней – Марии. Донести эту весть и дары царя до Темрюка довелось одному Казаринову, так как Федцов во время плавания по Волге тяжело заболел и остался в Астрахани. Грозный в то время как раз готовил очередной поход на Литву и находился с войском в Можайске. Туда и прибыл 8 сентября 1562 года с докладом о поездке Никита Григорьевич Казаринов. Он привез известие, что Темрюк с великой радостью воспринял женитьбу Ивана на его дочери и клятвенно подтвердил свое неизменное решение – до конца жизни быть верным союзу с Россией. Молва же о том, что московский царь стал зятем главного князя Кабарды, произвела там очень сильное впечатление, и под воздействием этого некоторые князья – сторонники Крыма – прекратили междуособную борьбу.

Полмесяца спустя из Москвы уехал на Северный Кавказ посол Григорий Семенович Плещеев. Ему надлежало собрать в Казани и Астрахани пятьсот стрельцов, отправиться с ними к Темрюку, жить в его владениях, оберегать от врагов и ходить с ним в походы против его противников.

3 ноября 1562 года отряд доплыл по Волге до Астраханской крепости, где посланник Грозного неожиданно встретился с Темрюком и его сыном Домонуко. Выяснилось, что они как раз и приехали сюда к

воеводе за помощью против «своих недругов» – местных князей, снова поднявших среди кабардинцев смуту и раздор.

Присоединив к стрельцам казаков, пополнив запасы пороха и пуль для пищалей, Плещеев и стрелецкий голова Григорий Вражский спешно повели рать в Кабарду. 6 декабря Темрюк Идаров пришел с союзниками в свои владения и выступил с ними на крымского сторонника князя Пшеапшоко Кайтукина, земли которого лежали по Малке и Баксану.

Одиннадцать дней понадобилось объединенным силам князя Темрюка и Плещеева для умирения опасного противника, грабившего вместе с крымцами Кабарду.

Московская летопись, сообщая об этом факте, дает на своих страницах и отдельную миниатюру. Все в той же иконописной манере на ней показан царь, отправляющий Плещеева в Кабарду. В следующих ее частях мы видим Темрюка с сыном у воеводы астраханского, а затем на фоне кавказских гор – русских ратников с развевающимся стягом, пришедших на помощь кабардинцам. Во главе их одетый в доспехи Григорий Плещеев, обнимающий Темрюка Идарова.

Женившись на Марии, Грозный приблизил к себе ее брата – своего шурина князя Михаила Темрюковича, жившего в Москве с 1558 года. На следующий год он уже был «в деле» с крымцами на южных границах Руси. И, как доносил царю воевода Вишневецкий, князь со своими воинами «истребил конский отряд».

В ноябре 1562 года Иван повел свое войско на штурм мощной польско-литовской крепости Полоцк, за которой открывался путь к столице Литвы – Вильно. В походе принимал участие и Михаил, находясь в это время в составе почетной царской стражи – рынд. Обычно в торжественных случаях каждый из стражников нес определенную часть вооружения царя. Брату его жены доверялся «большой государевый саадак» – налучник и колчан со стрелами.

15 февраля 1563 года, после двадцатидневного штурма, Полоцк пал. В Москву с известием об этой важной победе спешно был послан гонец. Царь «отпустил тогда к Москве с вестью к... Макарию митрополиту всея Руси и к царице и великой княгине Марии и к детям своим к царевичу Ивану и к царевичу Феодору, и к брату своему к князю Юрию Васильевичу князя Михаила Темрюковича Черкасского». В битве за Полоцк молодой князь показал себя отважным воином. И направление его в Москву с вестью о победе было, конечно, наградой за ратную удачу. Грозный в честь успешного взятия «града Полтеска» поручил Михаилу передать от него «поминки» – подарки митрополиту Макарию, брату Юрию, сыновьям и жене Марии, которой предназначались золотой крест в окладе с яхонтами и жемчугом, ларец с драгоценностями, «да науз серебрен» – талисман, оберег от «дурного глаза».

В Москву Михаил прибыл с переданными ему царем «списком» речи, которую от лица Ивана IV он сказал митрополиту. В ней говорилось о взятии Полоцка и большой значимости этого события для всея Руси и «града Москвы», руки которой, как образно говорилось в царском слове, отныне легли «на плечи врага его». В завершение встречи

с митрополитом Макарием князь Михаил Темрюкович просил его «от государя», чтобы глава русской православной церкви в честь важной победы над противником велел служить благодарственные молебны по всем церквам и монастырям России.

Падение Полоцка крайне обеспокоило польского короля, и он предложил царю временно прекратить боевые действия. В конце февраля, заключив с Польшей и Литвой перемирие на шесть месяцев, Иван IV направился в Москву. По пути, в селе Торонтовом, его встретили бояре, ехавшие к нему с поздравлениями от Марии и сыновей: «А от царицы его и великой княгини Марии приезжал ко государю князь Иван Большой Гагин и здоровал ему, государю, от царицы его и великой княгини потому же, что ему, государю, вотчину его город Полтеск бог в руки поручил».

Князь Великогагин передал государю и письмо от Марии Темрюковны, на котором стояла личная печать царицы. Ею она пользовалась при особо важных сообщениях мужу во время его частых отъездов. Оттиск печати дошел до наших дней. На золотом перстне был выгравирован русский герб – двуглавый орел и вокруг него надпись: «Царицы и великой княгини Марьи печать».

А в яркое воскресное весеннее утро 21 марта, уже подъезжая к столице, увидел Иван Васильевич боярина Василия Траханиотова, спешившего к нему с радостной вестью – «с тем, что царю и великому князю родился сын царевич Василий, сей первый царевич от царицы и великой княгини Марии Черкасской». Сын, названный Василием, родился 2 марта.

В полдень 21 марта 1563 года Грозный прибыл в Москву. Как героя взятия Полоцка его торжественно встречали на Арбате бояре, духовенство и ликующие москвичи. Царь спешил и до самого Кремля шел пешком.

Радостным поднялся он в покои к Марии, троекратно церемонно расцеловал ее, крепко обнял. Мамки, приставленные кормить новорожденного, тут же поднесли и показали ему младенца – сына Василия, закутанного во множество шелковых пеленок и бархатных одеялец.

Совсем недолго довелось Марии быть матерью. Вскоре мальчик заболел. Не помогли ни лекари, ни знахарки. 6 мая, спустя два месяца после рождения, внук Темрюка скончался. Его похоронили в царской усыпальнице – Архангельском соборе.

Судя по известным источникам, это единственный ребенок, родившийся у Ивана Васильевича и Марии Темрюковны за все годы их совместной жизни.

Через четыре дня после смерти сына Грозный уехал из Москвы «в объезд» по своим дворовым селам и монастырям. 26 мая он вернулся в Кремль и в тот же день выехал в Троице-Сергиев монастырь, куда за день до этого отправилась на моление опечаленная потерей ребенка Мария. До начала июля царь с женой и сыном Иваном находился в Александровой слободе на отцовской Даче недалеко от Владимира, куда часто выезжал и раньше для «своих утех государевых» – на пиры

и охоту. Затем они побывали в Суздале, Ростове Великом, снова вернулись в Троице-Сергиеву лавру, а 20 июля были уже в Москве...

Ведя военные действия против Ливонского ордена, русское правительство не забывало и о Кабарде: туда по-прежнему направлялись послы с отрядами стрельцов, везя Темрюку «государево жалование», оказывая ему постоянную поддержку в борьбе с врагами.

В те годы в Москве проживало уже много кабардинцев и черкесов, вовлеченных в события, происходившие в России. Немец Генрих Штаден, хорошо знавший обстановку того времени, писал в своих записках о Московии: «...Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы... Иноземец – кем бы он ни был – волен в своей вере...» В воспоминаниях итальянца Джиованни Тедальди об этом же сказано: «...В Московии есть люди, умеющие говорить по-черкасски, а черкасский язык – особенный, своеобразный».

А англичанин Джером Горсей, имея в виду кабардинцев и черкесов, находившихся на службе у Грозного, отдавал должное их широко известным воинским достоинствам: «...Иоанн усилился не только завоеванием царств Казанского и Астраханского, не только пленением могучих государей и военачальников, но и его второй брак доставил ему непреодолимую силу татар, отважных воинов...»

В марте 1640 года царь Мегрелии Леван II Дадияни «послал... в Кабарду к Алегуке-мурзе посла своего азнаура..., а имя ему Тавей, просить за сына своего за большого за Александра дочь», – говорится в статейном списке русского посла в Грузию Федота Елчина. В мае Азнаур Тавей вернулся из Кабарды в Зугдиди, где находилась царская резиденция, с доверенным лицом от князя Алегуко Шеганукова (двоюродного брата Джамбулата Казыева – деда Бековичей) для окончательной договоренности о женитьбе. После состоявшихся переговоров брачный союз между мегрельским царем и кабардинским князем был скреплен. Леван II, беря «...у Алегуки за сына своего дочь», отсылал в Кабарду в дар Шеганукову «сто душ ясырю, да сто серебряных сосудов, да сто золотых платой, да сто кобылиц, сто быков, сто пищалей, на том у них договор и стал».

Установил «союз царского грузинского дома с кабардинскими владельцами» и картлийский царь Вахтанг VI, женившийся на княжне из малокабардинского рода Гиляхстановых. Ее родные братья Адильгирей, «находящийся в Тартупе», и Канчоко, живший неподалеку от него, как видно из материалов Коллегии иностранных дел за 1743 год, «...покойному грузинскому царю Вахтангу – шурья ины, а Казы их родственник; живут при горах в Малой Кабарде и чрез их владение лежит тракт в Грузию».

Вахтанг женился на княжне Гиляхстановой в самом конце XVII столетия.

Кабардинка княжна Гиляхстанова, названная при крещении Русудан, стала женой наследника картлийского престола, а потом и царицей Картли.

Угроза персидского и турецкого порабощения заставляла грузин искать помощи у России. Но слишком далеко находилась эта страна,

и не могли россияне тогда еще оказать им помощи в борьбе за свободу. Брак же Вахтанга на кабардинской княжне из рода Гиляхстановых, через владения которых «лежит тракт в Грузию» и которые по сути дела прикрывали его от врагов, служил укреплению давних связей с Кабардой, а через нее и с Российским государством...

В начале августа 1724 года полковник Лицкин получил долгожданную весть от Адильгирея Гиляхстанова о том, что грузины перешли Кавказский хребет и находятся на пути в Кабарду. Военская команда тут же выступила навстречу Вахтангу и встретила его в одном из ущелий, идущих от Главного Кавказского хребта.

Картлийский царь вступил на территорию Кабарды. Как свидетельствуют современные грузинские историки, Вахтанг VI был одной из ярких фигур в истории Грузии, – прогрессивный государственный деятель, видный ученый и талантливый поэт.

Из Грузии вместе с семьей картлийского царя выехали представители духовенства, князья, дворяне – все те, кто решил не покориться персидским и османским завоевателям и уйти с ним в Россию. «Между ими, из грузинской и имеретинской нации были: князь Дмитрий Орбелов [Орбелиани], свояк царю Вахтангу, родственник царю имеретинскому и в Кабарде имеющий знатных и первых князей свойственников...», – указывал в своем сочинении Петр Григорьевич Бутков. Всего из Грузии ушло тогда около 3000 человек.

Кабардинцы торжественно встречали своего зятя. Как сообщал грузинский историк царевич Вахушти, побочный сын Вахтанга VI, родившийся еще до его женитьбы на княжне Гиляхстановой, в Кабарде царя Картли «встретили с почетом и проводили до русских владений»...

В двадцатых числах августа 1724 года Вахтанг был уже на берегу Каспийского моря под охраной русского гарнизона. Со своей командой вернулся к месту службы «при крепости Святой Крест» и Эльмурза Черкасский.

Пройдут многие годы после перехода картлийского царя из Закавказья через Кабарду в Россию, но в официальных документах Коллегии иностранных дел останется свидетельство того, как: «...прошлого 1724 года по указу... Петра Великого он, Адилгирей, со всеми узденями своими препровождал из Грузии грузинского царя Вахтанга чрез горы».

В декабре 1724 года Вахтанг с семьей и свитой выехал из Астрахани, направляясь в Петербург для встречи с Петром I. Но им не довелось свидеться. В пути, уже в наступившем новом 1725 году, грузины узнали опечалившую их весть – 28 января скончался Петр Великий. На престол взошла его жена Екатерина. Она и приняла по приезду в Петербург Вахтанга VI и его супругу. Отныне им, как и их близким и сподвижникам, предстояло до конца дней своих оставаться в России...

У Вахтанга и Русудан было трое сыновей и две дочери. Старший из них – царевич Бакар, родился в 1699 году. В России он дослужился до звания генерал-поручика артиллерии. На четыре года младше его был Георгий, начавший службу в Преображенском полку и окончивший ее в чине генерал-аншефа.

Царевич Бакар, «родоначальник старшей ветви нынешних князей Грузинских», как писал о нем в «Российской родословной книге» в 1855 году Петр Владимирович Долгоруков, имел двоих сыновей. «Царевич Александр Бакарович, российской гвардии капитан», был женат на Дарье Александровне Меншиковой, внучке сподвижника Петра I генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова. Их дочь княжна Дарья Грузинская вышла замуж за князя Петра Трубецкого. 29 августа 1790 года у них родился сын Сергей, являвшийся по материнской линии праправнуком грузинского царя Вахтанга VI и кабардинской княжны Гиляхстановой – царицы Русудан. И как тут не сказать об удивительных переплетениях судеб человеческих и напластований, отложенных веками на родственные связи!

По отцовской линии прапрабабкой Сергея Петровича Трубецкого была Елена Григорьевна Черкасская, дочь князя Григория Сунчалеевича (правнука родного брата Темрюка Желегота), выехавшего из Терской крепости на службу в Россию. Он имел боярский сан, был известным воеводой при царе Алексее Михайловиче.

Елена Черкасская в 1692 году выйдет замуж за деятеля петровской эпохи князя Юрия Юрьевича Трубецкого.

Яркой и драматичной оказалась судьба праправнука двух кабардинок – царицы Русудан и Елены Григорьевны Черкасской – полковника гвардии князя Сергея Петровича Трубецкого, участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии против войск Наполеона.

В «Формулярном списке полковника лейб-гвардии Преображенского полка князя Трубецкого, составленном в начале 1825 года и ныне хранящимся в Центральном государственном военно-историческом архиве, о его боевом пути – «где и когда был в сражениях», сказано:

«1812 года во время ретирады от города Вильно до села Бородино, где августа 26-го был в действительном сражении; октября 6-го – при разбитии неприятельского корпуса при селе Тарутине; 11-го – под малым Ярославцем; 1813 года – по вступлении Российской армии в Прусские владения; при переходе через реки: Неман, Вислу, Одер и Эльбу; апреля 20-го – в генеральном сражении Саксонского владения при городе Люцине; в действительном – мая 8-го и 9-го при Бауцене, за что награжден орденом св. Анны 4-го класса; при вступлении Российских войск в Богемию и при переходе через дефеле Гизчубель и Голенберг в Саксонии; августа 16-го – при городе Пирно в действительном сражении; августа 17-го – при удержании неприятельского генерала Вандома под Кульмом и 18-го – при разбитии оного корпуса в действительном сражении, за что и награжден орденами св. Владимира 4-й степени с бантом, прусским «За заслуги» и знаком Железного креста (пруским); октября 4-го – при городе Лейпциге [в «Битве народов»], где и ранен в ногу. А 1823 года декабря 12-го дня за отличную службу и труды награжден орденом св. Анны 2-й степени.

Имеет серебряную медаль в память войны 1812 года».

Сергей Петрович Трубецкой стал одним из создателей и руководителей Северного общества декабристов.

После подавления восстания 14 декабря 1825 года, Трубецкой будет лишен «чинов и дворянства» и приговорен «к смертной казни отсечением головы», замененной двадцатилетней каторгой в Сибири. В последующем, до конца 1856 года, он жил на поселении под Иркутском.

По амнистии, объявленной декабристам царем Александром II, в начале 1857 года приедет из Сибири в Москву, оттуда переедет в Киев к дочери, где и будет жить.

Сергей Петрович Трубецкой умер в Москве 22 ноября 1860 года и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря.

* * *

Осенью 1741 года в Кабарде стало известно о смерти калмыцкого хана Дондук-Омбо, который, пользуясь правами кабардинского родственника, смело вмешивался в междоусобицы на земле Кабарды и, обладая влиянием как на своего шурина Магомета Кургокина, так и на давнего знакомого Асланбека Кайтукина, не раз предотвращал готовую вновь вспыхнуть между ними рознь.

В Калмыкии после смерти Дондук-Омбо началась ожесточенная борьба за власть. Претендентом на ханский престол выступила и его жена, урожденная княжна Кургокина из рода Атажукиных, кабардинка Джанет, именуемая в русских документах «ханшей Джан».

Властная и энергичная, к тому же и красивая женщина, она пользовалась довольно большими правами и влиянием при жизни Дондук-Омбо. Вначале ее муж правил своим улусом Богу-Цохур, а в середине тридцатых годов стал наместником всей Калмыкии. Соответственно с этим возрастали среди калмыцких тайшей и зайсангов значение и роль Джанет, все больше входившей во вкус власти и того почитания, которым она пользовалась среди подданных Дондук-Омбо.

С его смертью все рушилось и ей была уготована незаметная роль ханской вдовы. Джанет предстояло уйти в тень и всю последующую жизнь посвятить воспитанию своих четверых сыновей. Но не такой оказалась ханша Джан, чтобы расстаться с властью, к которой она уже привыкла, чтобы смириться с почетным, но ничего не значащим положением вдовы калмыцкого наместника. Вначале она попыталась провозгласить ханом одного из своих сыновей и обратилась к астраханскому губернатору, знаменитому русскому историку, географу и государственному деятелю, автору первой «Истории Российской...» Василию Никитичу Татищеву с прошением ходатайствовать об этом перед правительством России. Но события развивались не так, как хотелось властолюбивой женщине.

Татищев уже известил Петербург о смерти хана Дондук-Омбо и о том, что большинство калмыцких зайсангов провозгласили наместником его брата Дондук-Даши, известного своей верностью России, имевшего опыт в военных и государственных делах. А ханше Джан от имени императрицы ответил, что дети ее «...Арандул, Додбий и Асарай

ныне к доброму калмыцкого народа правлению, за малолетством их, не в состоянии». Получив отказ, она решает сама занять ханский престол и стать правительницей Калмыкии, пользуясь поддержкой верных ей зайсангов Бодонга и Арала.

Пока новый наместник Дондук-Даши находился в Астрахани у губернатора Татищева, ханша по совету Бодонга и Арала отдает приказ устранить своих главных противников и соперников в борьбе за власть – «трех владельцев калмыцких... которые ее, яко не их нации и закона, до той власти допустить не хотели».

Татищев немедленно донес о случившемся в Петербург. А в это время Джанет, пытаясь упрочить свое положение в калмыцких улусах, обращается за поддержкой к Персии, которая вновь начинает проявлять повышенный интерес к Северному Кавказу и Кабарде, засылает туда свою агентуру и пытается найти себе приверженцев. Скорее всего, Джанет подтолкнул на этот шаг кто-то из шахских сторонников, а вполне возможно, что эта идея исходила от зайсангов Бодонга и Арала.

Когда в Петербурге из сообщения астраханского губернатора узнали о том, что ханша Джан приказала «побить до смерти» калмыцких князей, там решили, что «хотя она за то по всесветским правам достойна была жестокого гнева», но, учитывая верную службу России ее покойного мужа Дондук-Омбо и ее братьев – кабардинцев, вдову простить и оставить с детьми «при собственном мужа ее хана Дондук-Омбы улусе» и всю жизнь «давать ей, другим не в образец, жалованья... денег по 500 рублей, муки по 1000 четвертей на год».

Получив такой указ, Татищев отправил с известием об этом гонцов к Джанет. Посланцев губернатора она приняла холодно и высокомерно. Слишком малым показалось ей то, что предлагали из Петербурга.

В начале 1742 года, когда губернатор Василий Татищев и наместник Дондук-Даши направились из Астрахани в калмыцкие улусы, Джанет бежала с Волги на юг, в сторону Кавказских гор. С ней находились сыновья, зайсанги Бодонг и Арал с несколькими сотнями калмыков. О бегстве ханши астраханский губернатор спешно уведомил Петербург. Вначале предполагали, что вдова Дондук-Омбо попытается искать прибежище на Кубани у сераскира. Но через несколько месяцев Татищеву стало известно, что она – в Кабарде.

Ханша Джан в это время действительно находилась в Большой Кабарде у своего брата Магомета Кургокина. Она попыталась вовлечь в борьбу за власть в Калмыкии кабардинских князей, но те наотрез отказались участвовать в опасной и ненужной им аванюре, предпринятой их властолюбивой сестрой. Когда же Джанет хотела послать из Кабарды своих людей к персам, Кургокин и все его родственники сразу пресекли ее намерения – «...в бытность ее в Кабарде от них, владельцев, до того она не допущена», – отмечалось в русском правительственном документе.

Понимая, что ханша может предпринять новые шаги, могущие вызвать всевозможные осложнения, губернатор Астрахани обратился с призывом к ее брату Магомету Кургокину – не выпускать вдову и

бывших с ней людей из Большой Кабарды до прибытия его представителя. Для переговоров с «Дондук-Омбиной ханшей Джан» он спешно направил своего сына секунд-майора Евграфа Татищева с драгунской командой.

Совместными усилиями посланца губернатора и Кургокина удалось убедить Джанет согласиться на возвращение в калмыцкие улусы. Секунд-майор Татищев вновь заверил ее от имени российского правительства, что «все ее вины забыты». Вернуться в Калмыкию ханше необходимо было еще и для того, чтобы сохранить за сыновьями право на улус Богу-Цохур, который мог быть передан родственникам ее покойного мужа.

Джанет с детьми, зайсангом Бодонгом и всеми калмыками, сопровождаемая воинской командой секунд-майора Евграфа Татищева и узденями Магомета Кургокина, направилась к Кизляру, через который лежал путь на Астрахань. Однако она все еще не утратила надежду на помощь со стороны Персии и оставила в Кабарде Арала со своим письмом к шаху Надиру. Зайсанг должен был переправить его на персидскую территорию.

В то время обстановка на Северном Кавказе, особенно в его восточной части, становится все более тревожной в связи с сосредоточением персидских войск в Прикаспии и угрозой их вторжения в этот край. Шах Надир, усилив свои позиции в Закавказье, уже обращал взоры на территории севернее Терека и на Кабарду. Его люди проводили усиленную агитацию среди горцев, подбивая их на выступление против России и переход на сторону Персии. Любой такой повод шах мог использовать для того, чтобы бросить войска на Северный Кавказ. Российские власти предпринимали все меры, чтобы пресечь и ослабить действия шахских агентов. В Кабарде они сразу же получили отпор – им заявили, что кабардинцам не по пути с Персией.

Тогда же из Петербурга в Кизляр приехал «для политических сношений с горцами и кабардинцами» грузинский царевич, генерал-поручик Бакар Вахтангович, племянник кабардинских князей Канчоко и Адильгирея Гиляхстановых. С полковником Эльмурзой Черкасским и группой русских офицеров, выделенных для сопровождения именитого гостя, он побывал тогда в Большой и Малой Кабарде, где вел переговоры с представителями всех владетельных фамилий, заявивших о своей верности России и о том, что «к шаху в подданство» они никогда не пойдут.

Татищев собирался уже отправить ханшу из Астрахани в улус Богу-Цохур, как вдруг из Кизляра прибыл офицер с важным сообщением от коменданта – перехвачен персидский лазутчик, шедший из Кабарды и при нем обнаружено письмо Джан к шаху Надиру. Курьер передал губернатору послание ханши в Персию с призывом прислать к ней войско для борьбы за власть в Калмыкии.

Конечно, сама Джанет не осознавала в полной мере, на что шла она в своем стремлении захватить власть в Калмыкии, и, конечно, не предвидела всех последствий, к которым могло бы привести ее обращение

к шаху Надиру. В Петербурге же это хорошо понимали, как и то, что во всей этой истории замешана женщина, к тому же кабардинка, сестра сторонников России. «...Оная ханша Джан, – заявил послу Кабарды Магомету Атажукину в конце 1742 года вице-канцлер Бестужев-Рюмин, – неоднократно посылала к персидскому шаху нарочных, прося его о принятии ее в подданство и о присылке к ней войск, чем оная от легкомыслия своего намерена была, как между Российской империей и Персидским государством, так и их кабардинскому и калмыцкому народам немалой вред приключить...»

В декабре 1742 года последовал правительственный указ «по делу» ханши Джан. «По вышенаписанным обстоятельствам... оная ханша Джан уже никакой милости не достойна, – говорилось в нем, – однако... в рассуждение верной службы хана Дондук-Омбы и их, кабардинских владельцев, то все ей отпустить...» Что же касается дальнейшей судьбы и местопребывания ханши, то велено было ей выехать в Москву, где «оная до времени... будет содержана во всяком покое и удовольствии».

В конце 1743 года ханша с детьми препровождается в Петербург, где она «приняла святое крещение». Отныне кабардинка Джанет получила новое имя, став княгиней Верой Дондуковой, родоначальницей известной в истории России фамилии Дондуковых-Корсаковых. Сыновья ее после крещения были названы Алексеем, Ионей, Петром и Филиппом. Княгиня Вера поселилась на Фонтанке в особняке, подаренном ей императрицей Елизаветой Петровной. Вскоре, видимо, не выдержав сырого северного климата, скончались один за другим два младших сына Джанет. Сама же она прожила в Петербурге около двадцати лет.

В самом начале своего царствования Екатерина II «возвратила улус и титул хана» Алексею Дондуковичу – самому старшему из сыновей Дондук-Омбо и ханши Джан. В 1762 году он приехал в Поволжье и на протяжении двадцати лет вплоть до своей кончины правил улусом Богу-Цохур. Ионе уже не довелось стать калмыцким ханом...

«Князь Иона Дондукович женат был на Марии Васильевне Корсаковой, – говорит «Российская родословная книга», – и имел одну дочь – княжну Веру Ионишну, вышедшую за полковника Никиту Ивановича Корсакова, который по указу императора Александра I от 15 марта 1802 года принял титул и фамилию князя Дондукова-Корсакова. Единственная дочь их княжна Мария Никитична вышла за полковника Михаила Александровича Корсакова, который по указу... от 10 октября 1820 года принял титул и фамилию князя Дондукова-Корсакова».

В этой семье удивительным образом переплелись судьбы людские и перемешалась кровь русских, кабардинцев, калмыков, что нашло свое отражение в гербе князей Дондуковых-Корсаковых, помещенном в «Общем Российском гербовнике». Здесь мы видим российскую дворянскую корону – над ней серебряный полумесяц «рогами вверх и над ним золотой крест», что означало происхождение кабардинки княгини Джанет из мусульман и ее крещение в православную веру. Гербовый

щиток держат – с правой стороны русский воин с копьем, с левой калмык с саблей и луком со стрелами. Как и в гербе Кабардинской земли, здесь на голубом поле помещены три серебряные шестиконечные звезды, а вместо крестообразно положенных двух стрел остриями вверх Дондуковым-Корсаковым были даны «крестообразно положенные две серебряные сабли, остриями вниз».

Супруги Михаил и Мария Дондуковы-Корсаковы водили знакомство со многими замечательными людьми русского общества того времени. Знали они хорошо и Александра Сергеевича Пушкина. В Московском музее Пушкина, в коллекции картин и рисунков, где запечатлены знакомые и современники великого поэта, хранится и портрет Марии Никитичны Дондуковой-Корсаковой – правнучки кабардинки Джанет и калмыка Дондук-Омбо.

У Дондуковых-Корсаковых было несколько сыновей и дочерей. Самым известным из них в истории России стал Александр Михайлович, родившийся в сентябре 1820 года. После окончания юридического факультета Петербургского университета он поступил на военную службу. С 1844 года находился в Тифлисе, став вскоре адъютантом наместника и главнокомандующего русскими войсками на Кавказе Воронцова. Исполняя многие его дипломатические и военные поручения, изъездил весь Кавказский край от северных областей до персидской и турецкой границ, бывал в Персии. Многократно посещал он и Кабарду – родину своей прапрабабки Джанет Кургокиной и даже отыскал здесь своих родственников. На кабардинской земле, где родственные связи всегда высоко ценились и сохранялись на протяжении веков, еще помнили, что княжна Джанет из рода Атажукиных была замужем за калмыцким ханом, а после его смерти жила со своими детьми в России. Ее праправнука, офицера российской армии Александра Дондукова-Корсакова встречали в Кабарде с почетом и уважением.

Заслуги Дондукова-Корсакова «вызывали и быстрое повышение его по ступеням военной иерархии, – читаем в книге «История 44-го драгунского Нижегородского полка». – На восьмом году своей службы он был уже полковником лейб-гвардии Гусарского полка, имел золотую шашку, Владимира в петлице и Анну на шее». С осени 1852 года главнокомандующий переводит Александра Михайловича в Нижегородский драгунский полк «с тем, чтобы заблаговременно, – как он писал военному министру, – подготовить его к командованию этим славным полком». Эта воинская часть была одной из самых известных среди кавалерийских полков русской армии. В полку за время его пребывания на Кавказе (с начала XIX столетия) служили многие известные люди и среди них полковник Александр Чавчавадзе, грузинский поэт, ставший тестем Грибоедова, декабристы, отправленные в Закавказье под пули персов и турок, прапорщик Михаил Лермонтов, майор Султан Казы-Гирей, первый адыгский писатель, автор путевых заметок «Долина Ажитугай» и рассказа «Персидский анекдот», которые Пушкин опубликовал в первом и втором номерах журнала «Современник».

В начале 1854 года, когда уже шла Крымская война, полковник Дондуков-Корсаков после годичного отсутствия, побывав во Франции и Алжире, вновь прибыл в Закавказье и поспешил к своему полку.

24 июля нижегородцы участвовали в Кюрюк-Даринском сражении под Карсом, решившем в пользу русских войск исход кампании 1854 года. Турки потерпели сокрушительный разгром. «В этом сражении, – по свидетельству «Советской Военной Энциклопедии», – в составе русских войск участвовали азербайджанские, грузинские и кабардинские конные иррегулярные войска общей численностью до 3600 человек».

За мужество в сражении у Кюрюк-Дара полковник Нижегородско-го драгунского полка Дондуков-Корсаков был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени – ордена, стоявшего на особо почетном месте среди всех российских наград. «...Князь Дондуков-Корсаков, – говорится в представлении, – воодушевляя подчиненных примером личной неустрашимости, несколько раз возобновлял атаки с двумя дивизионами Нижегородского драгунского полка и, наконец, опрокинув неприятеля, вырвал из среды его захваченные им наши два орудия, причем был ранен тяжело в руку».

С лета 1855 года он уже командовал Нижегородским драгунским полком, а в ноябре вел его на штурм Карса, за отличие при взятии которого получил чин генерал-майора...

Состоя в должности командира армейского корпуса, Дондуков-Корсаков принял активное участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. После ее окончания, в звании генерала от кавалерии, он назначается верховным русским комиссаром в Болгарии, проведя здесь, как говорится в «Советской Военной Энциклопедии», большую работу по административному, судебному, финансовому и военному устройству страны, освобожденной русскими войсками от османского ига. «При участии Дондукова-Корсакова был разработан первоначальный проект органического устава, который лег в основу первой болгарской, так называемой Тырновской конституции, ставшей в период ее принятия одной из наиболее демократических конституций того времени...»

С 1882-го по 1890 год он вновь находился на Кавказе, но теперь уже в должности главноначальствующего гражданской частью и командующего войсками Кавказского военного округа. По его инициативе в Тифлисе учреждается военно-исторический музей, где показывалась и роль российской армии в борьбе с Турцией и Персией на кавказском театре военных действий. По возвращении в Петербург семидесятилетний Александр Михайлович назначается членом Государственного совета России.

Праправнук Джанет, генерал от кавалерии князь Дондуков-Корсаков скончался в апреле 1893 года в своем имении Полонное, находившемся недалеко от Пскова...

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

(и служение князей Черкасских)

Во времена царствования Ивана IV всякий выходец с Кавказа звался на Руси черкасом. И черкасы-мурзы из богатых и знатных семей, поступившие на службу к российским государям, стали носить имя русских князей Черкасских. В основном, это были кабардинцы, сведения о которых сохранились во многих письменных источниках, в том числе и в книге, составленной и изданной в 1732 году под названием «Записка о кабардинском народе и поколенная роспись князей и мурз кабардинских».

Говорится в ней, конечно, и о русской царице, второй супруге Ивана Грозного, дочери кабардинского князя Темрюка Идарова. Кученей Темрюковна была на диво хороша собою: тонкий стан, огненные очи, легкая поступь. Кабардинскую княжну окрестили в православную веру, и она сделалась после крещения Марией Темрюковной Черкасской.

Родной брат царицы Михаил Темрюкович стал приближенным Ивана Грозного. Командуя крупным отрядом опричников, носил с позволения царя черкеску – однобортный суконный кафтан в талию с оборками, в память родных гор.

Князь Яков Куденетович Черкасский, видный полководец, получил боярский чин и фактически возглавил русское правительство в 1648 году. В честь его дочери Марии названа в Москве Марьяна Роща. Сын его владел подмосковным Архангельским, а внук стал сибирским губернатором при Петре Великом. Боярами были еще двое из князей Черкасских – Василий Карданукович и Иван Борисович. Алексей Михайлович Черкасский был министром иностранных дел России при Анне Иоанновне и Иване VI. Известен в русской истории и Михаил Алегукович Черкасский, которому Петр доверил правление Москвой после смерти Лефорта.

Князь Владимир Александрович Черкасский по поручению императора Александра II готовил реформу об освобождении крестьян в 1861 году.

* * *

В 1696 году под ударами русских войск пала турецкая крепость Азов. Царю Петру сообщили, что при взятии крепости освободили нескольких кабардинцев, взятых в плен турками во время одного из их набегов на Кавказе. Среди этих освобожденных оказался мальчик лет десяти от роду, о котором было известно только, что он происходил от одного из княжеских родов Кабарды. Мальчик этот знал русский язык и даже был грамотен, разбирая в книге по складам. Ребенка привели к государю. Петр долго говорил с юным кабардинцем, дивился его понятливости и, узнав, что родители мальчика погибли во время турецкого набега, взял того с собою в Москву, куда прибыл 30 сентября.

В Москве мальчика-кабардинца Петр препоручил заботам князя Бориса Алексеевича Голицына, бывшего у самого царя обер-гофмейстером. В начале 1697 года, перед своим отъездом за границу, Петр в качестве крестного отца присутствовал при обряде крещения в православную веру азовского пленника в церкви села Преображенского. К тому времени, по повелению государя, стараниями князей Черкасских, бывших на русской службе, было проведено родословие его и узнано имя, данное ему при рождении. Вот это имя, донесенное историей: Жансох Девлет-Кизден-Мурза.

Новое, русское, имя мальчику дал царь. Окрещен тот был Александром, ибо государь видел в нем будущего воина и полководца. Отчество – по крестному отцу, а это значит, Александр Петрович. Конечно же, князь Черкасский, поскольку крестник – кабардинец и знатного рода. Но ведь князей Черкасских уже немало, и они многие годы служат России. А этот, Петров крестник, – единственный, и его непременно надобно отличить от других. *Бек* в тюркских языках – это *властитель, господин*, синоним арабского слова *эмир*. И к фамилии «Черкасский» присоединяется тогда добавление – Бекович. Так словно бы заново родился в Москве этот будущий славный сподвижник Петра Великого, русский князь Александр Петрович Бекович-Черкасский.

Проникшись необычной судьбою крестника Петра и желая оставить Бековичу некоторое состояние в новом отечестве, княгиня Анна Васильевна Черкаская передала юному князю по завещанию принадлежащие ей подмосковные села – Юдино и соседнее с Юдином Перхушково. Случайно или неслучайно, но ближайшим соседом Бековича по его подмосковной оказался князь Борис Алексеевич Голицын, определенный опекуном к юному князю велением Петра. Воспитатель самого государя, человек приветливый и высокообразованный, представитель знатнейших русских дворянских родов, князь Голицын был пожалован здешним имением Большие Вяземы из дворцового ведомства в знак особого расположения к нему царя Петра.

С 1702 года князь Бекович начинает посещать занятия в московской Навигационной и Математической школе, переведенной в Сухареву башню и названной школою Адмиралтейской. В декабре следующего года, после первых побед над шведами и основания Санкт-Петербурга, Петр приезжает в Москву и среди многих иных дел вспоминает о своем крестнике. Царь лично экзаменует семнадцатилетнего князя, остается очень доволен его успехами и велит продолжать занятия, делая упор на астрономию, морские науки и изучение голландского языка. Царь первым узнает о чувстве кабардинца к юной княжне Марфе Голицыной и обещает Бековичу быть сватом в этом добром деле перед боярином князем Борисом Алексеевичем. В 1706 году крестник Петра посватался к младшей дочери князя, – царь сдержал обещание и выступил в качестве свата. Сыграли свадьбу, и юная княжна Марфа Борисовна Голицына стала княгиней Бекович-Черкасской. На следующий год родился первенец, которого мать назвала в честь мужа Александром.

Однако вскоре, летом 1707 года, Петр повелел ехать Бековичу в Голландию и там обучаться навигации. Тихий Амстердам был од-

нажды взбудоражен до основания, когда в летние дни 1697 года на его верфях трудился простым плотником московский царь. Толпы людей, и не только одни горожане, а приехавшие сюда со всех Генеральных голландских штатов, заполняли улицы и набережные каналов, чтобы хоть на миг увидеть удивительного москвитяка. А он жил в простом жилище, трудился на верфи и сидел в кофейне с моряками, покуривая глиняную трубку. Он сам покупал продукты и готовил себе пищу, латал одежду и, вставая спозаранку, смешивался с простыми матросами и рабочим людом.

9 марта 1707 года Бековичу вручили послание от государя, всего несколько строк, наспех писанных. Указывалось князю немедленно собираться в дорогу, в город Амстердам, где определиться в работы обыкновенным матросом на верфи в числе молодых людей знатных российских фамилий, уже в Голландии находившихся. При том прилагались проездной лист (*passee-port*) и червонцы на расходы. Государь наставлял своего крестника на доброе прилежание к труду и учению и повелевал возвратиться в Россию непременно водою на новом российском корабле.

Вместе с Бековичем работают на верфях в Голландии и обучаются морскому делу и двоюродные братья Петра I Иван и Александр Нарышкины, и выходец из Кабарды князь Александр Андреевич Черкасский, и многие другие юноши из России. Бекович вернулся в Россию уже после Полтавской победы и, как указал ему Петр, на корабле. Царь-победитель принял его в Петербурге, где занимался гражданскими делами, в ноябре 1709 года. Экзамен перед государем Бекович выдержал с честью и был произведен в поручики лейб-гвардии Преображенского полка, что соответствовало армейскому чину подполковника. Честь высочайшая: ведь сам государь прошел в этом своем «потешном» полку, созданном некогда в селе Преображенском близ Москвы, все чины от барабанщика и сержанта до полковника. Преображенский полк с тех пор был личной гвардией русского царя. Поручик гвардии Бекович присутствовал при закладке царем Петром 54-пушечного корабля «Полтава» и вместе с государем поехал в Москву.

Несмотря на трудное военное положение в стране, царь не берет Бековича с собой к театру военных действий. Петр ценит знания, приобретенные его подданным, видимо, бережет его и употребляет к делам не менее важным.

Поручик гвардии определен царем к обучению наукам молодых учеников в той самой Навигационной и Математической школе, в которой недавно учился сам. Здесь он увиделся, наконец, с оставленной им более двух лет назад своей семьей. Через год у Бековичей-Черкасских родился второй сын. И вновь, по решительному настоянию матери, он получит имя Александр. «Если судьбе будет угодно отнять у меня одного, то пусть другой останется с дорогим для меня именем моего мужа», – так объяснила она свое решение. Впрочем, и Александр-большой, и Александр-меньшой росли на радость родителям здоровыми и способными детьми.

Свидание с семьей и с Москвой будет недолгим. Уже в мае 1710 года мы видим поручика гвардии Бековича в составе Преображенского полка, после успешной осады вошедшего в город Выборг. Полк этот вел в Выборг сам Петр (*яко полковник оного*, говорит летописец), и сам расставил караулы. Рота поручика Бековича несет караул в Выборгском замке.

После Полтавской битвы шведский король убежал в Турцию, где начал свои происки. И Петр во главе армии отправляется в Прутский поход. Теперь царю особенно нужны талантливые дипломаты. Князя Бековича посылает он на Кавказ. Там турки и крымский хан не устают склонять горские народы к принятию их подданства. Бекович увидел родные горы, двуглавый Эльбрус. Здесь проявились его выдающиеся дипломатические способности. Он приехал вначале на реку Сулак, в Ахочинскую слободу (Нижняя Кабарда), где жили 300 семей, а старшиной над ними был родной брат Бековича Эль-мирза. С Эль-мирзой встретится, кстати, и сам Петр во время своего Кавказского похода в 1722 году, когда царь на реке Сулак заложил крепость Святого Креста. Вместе с братом объехал Бекович предгорья Кавказа, укрепил горцев в их давней симпатии к России. С подробным докладом явился он перед царем. Петр благодарил Бековича и тогда же задумал дать ему новое поручение – составить проект присоединения Северного Кавказа к России.

Работать над проектом князь Александр Петрович уезжает в свое село Юдино. Жена с детьми находится рядом, в Вяземах, под родительской опекой боярыни княгини Марьи Федоровны Голицыной. Голицынская библиотека много помогает новому российскому дипломату в его трудах. Вскоре подробно разработанный проект и присоединенная к нему опись расходов были готовы, с них составлен список и представлен государю. Труд Бековича и по сей день являет собою несомненный интерес.

Григорий Силыч Карелин – русский путешественник, ученый-натуралист, мореплаватель и картограф, живший спустя 100 лет после описываемых событий, пишет: «В 1713 году черкасский князь Александр Бекович представил императору знатного туркменца Хаджи-Нефеса, который донес, что река Амударья, протекающая по золото-содержащему дну, впадала прежде в Каспийское море, но перекопана плотиною и отведена в Аральское море хивинцами, которые утрашили близкого соседства мужавшей России. Премудрый монарх, сообразив бесчисленные выгоды, от сего произойти могущие, тотчас послал князя Бековича исследовать, до каком степени заслуживает вероятия показание туркменца. Бекович, возвратившийся в 1716 году, обрадовал государя подтверждением слов Хаджи-Нефеса и донесением, что он нашел прежние устья Амударьи...»

Только Бекович соединяет в себе воинский талант с дипломатическими способностями; он прекрасный навигатор, картограф и гидрограф. Указ Петра Сенату об отправлении экспедиции под начальством поручика гвардии Преображенского полка князя Бековича состоялся в мае 1714 года: *«для прииску устья Дарьи реки»*. Второй указ подписан

царем 19 мая того же года: «*Послать в Хиву... а потом ехать в Бухару к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее проведать про реку Иркеть*». Ведение войн требовало огромных затрат, и золотой песок Амударьи мог оказаться очень кстати. Перед отправлением начальник экспедиции не раз и не два беседует с Хаджи-Нефесом. Затем – уже в августе 1714 года – прибывает в Казань. Здесь снаряжает он экспедицию. С ним отправились 1800 человек (из них 1500 солдат) на двух шхунах, 27 стругах, с 19 пушками. 7 ноября из Астрахани пошли к Гурьеву, но буря на море заставила вернуться. Бекович пополняет зимой экспедицию 20 судами и 25 апреля 1715 года вновь выходит в море, достигает Гурьева и идет вдоль восточного берега Каспийского моря к заливу Тюб-Караган. Начальник экспедиции проводит картографирование берегов Каспия.

Вернулся он с сообщением, что найдены прежние устья Амударьи. Также князь сообщил, что Порта и крымский хан всеми силами стараются преклонить горские народы Кавказа и другие племена от Черного моря до Персии себе в подданство. Петр горячо благодарил Бековича за отраженную на картах географию берегов и гидрографию заливов Каспия и пожаловал его чином капитана гвардии Преображенского полка. Это был очень высокий чин, равный армейскому генералу.

14 февраля 1716 года капитан лейб-гвардии Преображенского полка князь Александр Петрович Бекович-Черкасский получает собственноручно написанную государем инструкцию из 13 пунктов. Инструкция эта хранится в «Материалах военно-учетного архива Главного штаба» (*СПб., 1871. Ч. 1. С. 213–215*). Вкратце инструкция содержит четыре главных указания: 1) направить Аму-Дарью в старое русло, чтобы она впадала, как ранее, в Каспийское море; 2) подчинить Хиву России и попытаться сделать то же в отношении Бухары; 3) исследовать, есть ли золото у города Эркели; 4) установить торговлю с Индией.

В своей инструкции, а также в устном наставлении князю Бековичу царь Петр особо указывает «не допускать газардъ», то есть избегать опасностей, не рисковать.

Сенат назначил для участия и экспедиции 6100 человек. Прибыв в Астрахань, Бекович собирает под своим знаменем около 5000. Под его начальством отправились три пехотных полка: Астраханский под командой полковника Кушникова – 1373 человека; Казачий пехотный во главе с полковником Хрущевым – 1244 человека, и Азовский с полковником фон дер Виденном – 1100 человек. Кроме этих полков в отряд Бековича вошли два казачьих полка – Яицкий во главе с походным атаманом Бородиным и Гребенской под командой Басманова. Отряд имел 22 пушки разных калибров и 26 артиллеристов при них. Морскую команду составили 217 матросов, капитан Лебедев, поручики Рентель и Кожин, подпоручик Давыдов, штурман Брант, 2 шкипера, 4 ученика геометрии, навигатор и ученик математики.

Кроме того, с экспедицией отправились инженер с 2 учениками для строительства крепости, 20 астраханских дворян, 5 подьячих, переводчики и аптекари. Для перевозки через Каспийское море было

построено и нанято 69 судов разного типа. Затраты к осени 1716 года составили немалую сумму в 218081 рубль.

Корабли вышли в плавание, благополучно пересекли бурное в это время море и 9 октября 1716 года вошли в залив Тюб-Караган на восточном берегу Каспия. Здесь капитана гвардии встретил Хаджи-Нефес. Вместе с инициативой Бековича каждый пункт инструкции Петра обретает еще большую ясность и силу. Бекович решает на берегу залива оставить полк Хрущёва для строительства крепости. Из строящейся крепости начальник экспедиции отправил своих послов к хивинскому и бухарскому ханам.

Выше уже говорилось, что Петр I прикомандировал к экспедиции и поручика Кожина, строго наказав тому во всем слушаться приказов капитана гвардии. Князь Бекович посылает Кожина в Персию для поиска морского пути в Индию, а сам идет морем до залива Красные Воды. По пути Бекович наносит на карту новый залив, который назовет своим именем – Александр-Байский, а на его берегу построит крепость, оставив в ней три роты. К заливу Красные Воды он прибыл 3 ноября. На месте нынешнего города Красноводска Азовский пехотный полк полковника фон дер Виденна получает задание строить третью крепость. Здесь, совсем близко, – внутренний залив, именуемый Балханским, где находится старое устье реки Амударьи.

Между тем поручик Кожин неожиданно возвратился и заявил, что его не пропустили через Персию. Эта ложь Кожина откроется лишь через несколько месяцев. Три посланца Бековича к хану хивинскому с предуведомлением об экспедиции и требованиями помощи так и не возвратились в Красноводскую крепость.

Начальник экспедиции берет с собою Кожина и в декабре с остальным отрядом идет на судах морем в Астрахань за пополнением, дорожно инспектируя и укомплектовывая людьми и продовольствием отстроенные крепости. Он прибыл в Астрахань в феврале 1717 года.

Сойдя на пристань, совершенно неожиданно для себя Александр Бекович узнает, что в Астрахань приехала его супруга с детьми. Здесь с немыслимой силой проявилась в русской женщине любовь и преданность однажды и навеки избранному супругу. Старшему сыну едва исполнилось десять лет, младшей дочери – четыре года. Далекий и трудный путь из Москвы, мать заклинала не ехать, пожалеть себя и детей, но красавица княгиня Марфа Борисовна поехала. Пока князь набирал пополнение, он жил с семьей в гостеприимном доме коменданта Чирикова, хорошо помнившего то время, когда тесть Бековича был астраханским губернатором.

Капитан гвардии князь Александр Петрович Бекович-Черкасский набирает пополнение, чтобы обеспечить предстоящую ему дипломатическую миссию и безопасный переход к Хиве. Теперь с ним вновь набранный батальон драгун. Яицкий казачий полк, две роты солдат с пушками и запасами, отряд купцов – русских и татар. Эскадрон шведских пленников (500 драгун из Пензы) командует по распоряжению Бековича храбрый майор Франкенберг, ставший вскоре его ближай-

шим помощником. Место сбора – Гурьев. Капитан гвардии простился с семьей в Астрахани, твердо веря, что Бог приведет им ещё свидеться. В конце весны он пошел с отрядом из Гурьева на Хиву и через 8 дней достиг реки Эмбы. Кожин вопреки приказу остался в Астрахани, а затем поехал самовольно в Петербург, к Петру I и Меншикову. Царь отдал Кожина под суд за ослушание.

Надо сказать, что царь среди множества забот постоянно пишет князю Бековичу, интересуясь всеми деталями экспедиции, указывает ему посылать купцов через Персию в Индию. Бекович шлет в Петербург все необычное и диковинное, что встречается в пути.

За Эмбой через 2 дня пути было урочище Богату, где начиналась большая дорога на Хиву. Ещё через 5 дней Бекович и его отряд увидели Иркетские горы. И перед ними засинело Аральское море. Здесь вдруг сбежали все проводники, чтобы предупредить хивинского хана о приближении русских. Проводником остался Хаджи-Нефес.

Бекович тщательно картографирует берег Арала, вдоль которого долго идет отряд, вымеряет глубину прибрежных вод. У реки Аккул, вытекающей из Аму-Дарьи, натолкнулись на посла от хана Ширгази с подарками. 15 августа достигли урочища Карагач в 4 днях от Хивы. Здесь решили строить крепость. Читаем далее «Историю Петра» А. С. Пушкина. Исследователями давно отмечено, что при всей конспективности подготовительных текстов в иных местах «Истории» мы видим готовый текст, написанный со всею пушкинской динамичностью и выразительностью. Таков рассказ гениального поэта о походе капитана гвардии: *«Бекович достигнул Хивы. Его окружили 24000 войска под начальством самого хивинского хана Ширгази.*

Три дня продолжались безуспешные их нападения. Бекович шел все вперед. Жители уже выбирались из Хивы...»

Итак, у Бековича 2200 человек войска. У хана Ширгази – 24000. Отряд окружен. Но отвага и храбрость русских были, как всегда, выдающимися. Бекович велит строить вал и ров. Он хладнокровен и решителен. Он сам участвует в бою. Хивинцы были разгромлены, несмотря на их огромное численное превосходство, и отступили на две версты. Хан делает вид, что идет на переговоры, а сам опять коварно нападает. И вновь – победа русских во главе с князем Александром. Несомненно, Бекович выполнил бы в точности все указания Петра, причем в самое ближайшее время. Но посмотрим, что же происходит теперь в Астрахани и в Петербурге.

Проводив мужа в Гурьев, княгиня Марфа Борисовна стала собираться в обратный путь, в Москву. Был конец весны, и Волга у Астрахани разлилась так широко, что тот берег был едва виден. Решили переправляться в большой лодке. Одновременно из города на противоположный берег уходил корабль. Капитан предложил матери с четырьмя ее детьми свои услуги. Но день был погожий, и Марфа Борисовна решила отправиться в лодке. Только два мальчика, два Александра, упросили мать разрешить им плыть с капитаном на его красивом судне с высокими мачтами. Корабль пересек реку и стал у причала на другом берегу в ожидании лодки. И не дождался ее...

Находящийся под судом в Петербурге Кожин в свое оправдание заявил, будто стока Амударьи в Каспийское море нет и никогда не было. Из любопытства Петр останавливает суд и посылает Кожина с поручиком князем Урусовым исследовать это на месте.

Кожин, узнав по дороге в Астрахани о трагической гибели княгини с дочерьми, устроил так, чтобы это известие дошло до Бековича. А такая информация была абсолютно недопустима в самый ответственный момент всего предприятия. Причем начальник экспедиции узнает о гибели жены и всех детей. Возможно, узнай он о том, что живы сыновья, он не потерял бы рассудок. Ибо идти на переговоры в лагерь Ширгази было безусловным безумием. Уже зарублен хивинцами посланный для переговоров с ними князь Саманов. Бекович стоит со своим отрядом у озера Порсу, близ Хивы.

Вновь читаем Пушкина: «...Ширгази меж тем прибегнул к хитрости. Он успел заманить к себе Бековича будто бы на переговоры... Все россияне были захвачены или умерщвлены. Бекович и Франкенберг погибли... Комиссия была разрушена. Крепости опустели. Гарнизоны оных приехали в Астрахань, кроме нескольких сот солдат из Красноводска, которые потонули».

Что было сделано за 185 лет, прошедших со времени этой экспедиции. У России не хватило сил и средств, чтобы завершить начатое Бековичем. Он провел все расчеты, но эти расчеты просто лежат на полках Санкт-Петербургского архива Российской Академии наук, а также в каменной пирамиде, сооруженной казаками Карелина в 1836 году на вершине горы Диргем-Даг в Балханских горах (нынешняя Туркмения). В Советском Союзе стали прокладывать Каракумский канал от истоков Амударьи, лишив эту могучую реку ее полноводности. В 1980 году залив Карабугаз перекрыли глухой дамбой. Цель – прекратить сток каспийской воды в залив и предотвратить обмеление Каспия. Результат – высыхание Карабугаза с его ценнейшими сырьевыми ресурсами, высыхание Аральского моря и, по расчетам ученых, его исчезновение к 2015 году.

В архиве МИД России хранятся грамоты хивинских ханов за 1721-1743 годы, в которых они просят простить им смерть Бековича, и ответные российские грамоты. Заботу об осиротевших детях князя взяла на себя теща боярыня княгиня Марья Федоровна, ее сын князь Сергей Борисович и дочь, княгиня Анна Борисовна. Известно, что по разделу в 30-х годах XVIII века, село Перхушково досталось Александру-большому и было у него до 1756 года, а Юдино – Александру-меньшому, владевшему им до 1757 года. Род отважного капитана гвардии продолжался в России до начала XX века.

Младший сын Бековича умер в конце царствования Екатерины II в чине бригадира. Правнук Бековича, генерал-майор князь Федор Александрович Бекович-Черкасский участвовал и геройски погиб в Кавказской войне. Он командовал бригадой 21-й пехотной дивизии, а в 1828 году получил чин генерал-майора. В 1829 году князя Федора Александровича повстречал на Кавказе А. С. Пушкин. 27 июня поэт слушал доклад генерала Бековича-Черкасского главнокомандующему

графу Паскевичу о переговорах с сераскиром о сдаче Арзрума. Об этом Пушкин напишет в своем «Путешествии в Арзрум».

7 июля 1929 года А. С. Пушкин и Ф. А. Бекович-Черкасский присутствовали на обеде, устроенном графом Паскевичем в честь взятия Арзрума. И здесь поэт, всегда интересовавшийся историей эпохи Петра, мог расспросить генерала Бековича о его героическом прадеде.

Княжна Дарья Федоровна Щербатова, внучка старшего сына капитана гвардии князя Александра Бековича, вышла замуж за графа А. М. Дмитриева-Мамонова, фаворита Екатерины II. В этом браке родился граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, праправнук Бековича. В 20 лет от роду Матвей Александрович был уже обер-прокурором Сената, а с началом Отечественной войны в 1812 году образовал и экипировал за свои деньги целый гусарский полк, получивший название «Бессмертный». В 23 года он стал шефом этого полка и генерал-майором. Праправнук Бековича проявлял решительность и отвагу во всех главных сражениях войны с Наполеоном, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Преображенская церковь в селе Юдино на Царской дороге – памятник подвигу князя Бековича. Подмосковная усадьба Марфино к северу от Москвы – памятник светлому и милому образу его жены княгини Марфы Борисовны.

А. С. Пушкин в «Истории Петра» напишет: «Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича».

Высказывания европейских авторов...

Черкесы вообще не понимают, как кто-либо может предъявлять исключительные права на землю. Для них все общее – земля и воздух, огонь и вода.

Дж. А. Лонгворт

Крайнюю любовь черкесов к независимости, воинственности никто и ничто не может укротить. Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, к пользованию оружием и управлению лошадью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем.

Ж.-В.-Э. Тэбу де Мариньи

Предметом роскоши у черкесов считается прекрасное оружие, за которым они следят с величайшим тщанием. Одежда у них легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов.

Ж.-Ш. Бесс

Удобный и изящный костюм, приспособленный к образу жизни адыгов, широко распространился за пределами Черкесии. Они были

не только наиболее высокими по стадии общественного развития народа, но и по образцам в области бытового уклада, обычаев, одежды. Черкесский тип костюма получил столь широкое распространение не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье... и казаки заимствовали из Черкесии форму одежды, вооружение, посадку на коне и внимательно следят за всеми изменениями черкесской моды.

Е. Н. Студенецкая

В день сражения черкесы одеваются в самые лучшие одежды, которые представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид.

Черкесы превзошли многие народы в одежде и оружии. Мужская одежда у них красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже в Европе.

Хан-Гирей

Как мужчины, так и женщины Черкесии приветливы, доброго нрава и целомудренны.

Н. Витсен

Черкесы высоко ценят щедрость и охотно отдают все, чем обладают, исключая, впрочем, жену, коней и оружие.

Д. Интериано

Черкесов можно назвать красивой нацией. Они красивые и хорошо сложенные люди. Мужчины сильны телом, мускулистые, смуглы, общительны, честолюбивы. Их плечи и грудь широки, таз узкий.

Г. Клапрот

Как много мы обязаны той черкешенке, которая, желая сохранить свою красоту или красоту своих дочерей, первая в мире решилась привить себе оспу! Сколько детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его благодарность.

К. Гельвеций

Нет в мире добрее, радушнее черкесов, принимающих гостей. В употреблении напитков черкесы умеренны. Пьют, по случаю, бузу. Этот напиток охмеляет так же сильно, как вино. Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству.

Дж. Лука

Черкесы были христианами греческого вероисповедания, а так как они очень мало разбирались в своей религии и не имели никакого общения с другими христианами, с тех пор вера у них почти угасла и взамен ее водворилось магометанство.

И. Г. Гербер

КАБАРДИНСКИЕ КНЯЗЬЯ – ПЕРВОПРОХОДЦЫ К СОЮЗНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Инал Нэху (Светлый)

(конец XIV – первая половина XV вв.)

Родоначальник кабардинских, бесланеевских, темиргоевских, хагукаевских и части хегакских княжеских фамилий.

К Иналу возводила себя и известная осетинская фамилия Хетагуровых. Основатель Черкесского феодального государства в первой половине XV века. По преданию, происходил из черкесских мамлюков, был султаном Египта и Сирии, откуда вернулся на Кавказ и сумел объединить адыгские народы. Верховный князь Кабарды Темрюк Идаров – праправнук Инала Светлого. Инал считался идеальным правителем. Был удачлив в войнах, проводил активную внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению Черкесией, введение института 40 судей и др. способствовали политической консолидации адыгов. Инал объединил адыгов и часть родственных им абхазов и абазин. Место его резиденции — Таманский полуостров. Могила Инала Светлого (Инал-кьубэ) сохранилась в верховьях реки Бзызь, впадающей в Черное море в районе Пицунды.

Верховный князь Кабарды Темрюк (Кемиргоко) Идаров (1502-1571)

Старший сын Идара Инармасовича, праправнук Инала – родоначальника адыгских князей. С середины 50-х гг. XVI в. до 1571 г. правил Кабардой. Инициатор заключения военно-политического союза между Кабардой и Россией (1557). Отважный воин, проповедовавший справедливость и законы рыцарской чести родного народа. Связи Темрюка Идарова с русским правительством стали еще прочнее после женитьбы Ивана Грозного на его дочери Гуашэнэ (Марии) 21 августа 1561 г. В 1566 г. в союзе с бесланеевцами разгромил войска Буда-шамхала. Построил в месте слияния Сунжи и Терека первое адыгско-русское военное укрепление. В 1570 г. кабардинское войско пришло на помощь западным адыгам, которые подверглись нашествию крымского царевича Алды-Гирея. В решающем сражении на реке Афипс Темрюк был ранен, а два его сына, Мамстрюк и Домануко, попали в плен. Темрюк скончался от полученных ран через несколько месяцев. Его потомки, выезжавшие на русскую службу в Москву, проявили себя ярко на политическом, военном и дипломатическом поприще.

**Верховный князь Кабарды
Камбулат Идаров**
(1508-1589)

Младший брат Темрюка Идарова. Правил Кабардой 12 лет (1577-1589). Продолжил политику союзничества с Россией. Возглавил кабардинское посольство в Москву в 1578 г. В результате получил от Ивана Грозного жалованную грамоту, в которой оговаривались условия вступления Идаровых под покровительство России. Камбулат Идаров – организатор обороны южных рубежей Российского государства.

**Бесланеевский князь
Машуко Каноков**
(1512-1561)

Верховный князь Бесланея. Возглавил посольство западных адыгов в ноябре 1552 г., прибывшее в Москву к Ивану Грозному с просьбой о покровительстве. В 1557 г. окончательно выезжает в столицу России, принимает крещение под именем Ивана. Командир Передового полка в Ливонской войне (1558 -1559). Вместе с воеводой Дмитрием Вишневецким и жанеевским князем Сибoko направлен в Черкессию для участия в боевых действиях против турок и крымских татар (1560-1561), в ходе которых, видимо, и погиб.

**Видный военный деятель
России и Кабарды
Мамстрюк Черкасский**
(1524-1601)

Старший сын верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. Брат русской царицы Марии Темрюковны. Витязь огромного роста и недюжинной физической силы. В кабардинских песнях и русских сказаниях его часто именуют любимым царским шурином. В 1583 г., командуя объединенными силами кабардинцев и гребенских казаков, разбил турецкого полководца Осман-пашу. Дипломат. По поручению Московского правительства вел переговоры в Дагестане и Грузии. Получил жалованную грамоту на княжение в Кабарде, но реализовать свои притязания не смог. Погиб вместе с братом Домануко от рук вассала Крымского ханства Кази Пшеапшокова.

ДОЧЕРИ КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ – ЦАРИЦЫ РАЗНЫХ СТРАН И ЗЕМЕЛЬ

Касимовская ханша, кабардинская княжна Алтынчач Идарова (1525-1583)

Старшая дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова, родная сестра Марии (Гуашэнэ) – супруги Ивана Грозного. Жена Астраханского царевича Бекбулата, чьи земли вплотную подступали к Кабарде. После присоединения Астраханского ханства к России Бекбулат и Алтынчач утверждены Иваном IV на ханский престол в Касимовском ханстве. Их сын Саин-Булат (в крещении Симеон Бекбулатович) был вызван в Москву Иваном Грозным и посажен на русский престол в период второго этапа опричнины (1574-1576).

Ханша Большой Ногайской Орды, кабардинская княжна Малхуруб Идарова (1528-1597)

Средняя дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. Жена Тинахмета – сына правителя Большой Ногайской Орды. После смерти отца Измаила (1563) Орду возглавил Тинахмет. Династический союз между Кабардой, Большой Ногайской Ордой и Россией стал мощным объединением для борьбы с Крымским ханством и Блистательной Портой. С 1590 г. Большой Ногайской Ордой правил Иштерек, сын кабардинской княжны Малхуруб и хана Тинахмета, продолживший политику укрепления русско-кабардино-ногайских отношений.

Русская царица, кабардинская княжна, жена Ивана Грозного Мария Темрюковна Идарова (1544-1569)

Родилась в Малой Кабарде. Младшая дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. В девичестве – Гуашэнэ, приняла крещение и была названа Марией. 21 августа 1561 г. русский царь сочетался с ней вторым браком. Этим браком был закреплен военно-политический союз Российского государства и Кабарды. У Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича родился сын Василий (1563), который умер в младенчестве.

**Грузинская царица,
малокабардинская княжна
Русудан Татарханова**
(1688-1756)

Дочь князя Малой Кабарды Гилахстана Татарханова, супруга царя Картли Вахтанга VI (1675-1737). Молодая княжна Данизат после крещения (1705) приняла имя Русудан. 19 лет правили Картли Вахтанг VI и кабардинская княжна.

У них были три сына и две дочери. После падения Картлийского царства от иранских захватчиков Вахтанг VI вместе с семьей эмигрировал в Россию. Старший сын Бакар дослужился до звания генерал-поручика, младший Георгий стал генерал-аншефом, дочь Тамара вышла замуж за царя Кахетии Теймураза II.

**ЧЕРКАССКИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЕ В РОССИИ**

Потомки кабардинского князя Идарова (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) с середины XVI в. составили ядро княжеской группировки, которая ориентировалась на Москву. С этого периода многие представители названных родов стали выезжать на службу в Россию и стали известны здесь как Черкасские. Они в ранге служилых князей сразу вошли в существующую иерархию званий и должностей и заняли высшее положение в России. Черкасские активно участвовали в политической жизни русского общества, занимали высокое положение в аппарате управления, являлись крупными землевладельцами. Среди них были руководители приказов и коллегий, видные военные и государственные деятели в ранге генералиссимуса и великого канцлера, губернаторов и командующих армиями. Около 12 представителей рода Черкасских в разное время входили в состав Боярской думы – высшего государственного органа, исполнявшего законодательные, судебные и военно-административные функции в течение определенного периода русской истории.

Черкасские с момента выезда из Кабарды вплоть до угасания рода по своим родственным связям с правящим домом и крупными русскими княжескими родами, своим устойчивым положением в социально-экономической и политической структуре государства во многом обеспечили стабильность кабардино-русским взаимоотношениям.

**Глава Правительства
Российского государства
Иван Черкасский**
(1579-1642)

Князь. Боярин. Видный государственный и военный деятель. Сын Бориса Камбулатовича, двоюродный брат основателя новой царской династии Романовых – Михаила Федоровича (1613-1645). Командуя Большим полком, разбил на подступах к Москве претендента на русский престол польского королевича Владислава. Возглавлял Стрелецкий, Иноземный приказы, Казенный двор и Большую казну. Создатель Аптекарского приказа. Председатель Правительства (с 1633 г.). В 1638 г. назначается главным воеводой русской армии. Один из образованнейших людей своего времени.

**Видный российский военный
и государственный деятель
Дмитрий (Каншао) Черкасский**
(1586-1651)

Князь. Стольник. Боярин (1619). Внук Темрюка Идарова, сын князя Мамстрюка. В 1613 г. воевода Каншао Мамстрюкович освободил от польско-литовских войск Вязьму и Дорогобуж, крепость Белую. Через пять лет разбил орды польского королевича Владислава под Можайском. Возглавлял приказ Казанского дворца, ведавшего всеми восточными землями России. При освобождении Москвы от поляков в 1612 г. был ближайшим сподвижником Дмитрия Пожарского. Выдвигался на царский престол как родственник Ивана Грозного, но в пользу Михаила Романова отказался выставить свою кандидатуру.

**Великий канцлер России
Яков (Урускан) Куденетович
Черкасский**

(1604-1666)

Сын верховного князя Кабарды Куденета Камбулатовича Черкасского. В 1624 г. уехал в Россию. Его крестным отцом стал родной дядя царя Иван Никитович Романов. Первый в Золотой палате среди стольников. Талантливый полководец, внесший заметный вклад в укрепление и расширение Русского государства. Разбил армию гетмана Великого княжества Литовского Радзивилла (1654), гетмана Речи Посполитой Гансевского (1654), нанес поражение королю Польши Яну Казимиру (1663). Возглавлял при царе Алексее Михайловиче Правительство России, Стрелецкий приказ (вооруженные силы), Иноземный приказ (иностранные дела).

**Известный российский и кабардинский военный деятель, дипломат
Касбулат Черкасский**

(? - 1681)

Князь. Старший сын Муцала Сунчалеевича. В 1661 г. получил от царя Алексея Михайловича грамоту на княжение в Терском городке. Освободил от разинцев Астрахань (1670). Командовал гребенскими казаками и кабардинцами при штурме османской крепости Азов (1674). Участник похода в Крым через Гнилое море (Сиваш), руководитель соединения в Русско-турецкой войне 1676 -1681 гг. В результате его дипломатических усилий был заключен мирный договор между Османской империей и Россией (1681).

**Первый российский генералиссимус
Михаил (Алей) Алегукович
Черкасский**

(1645-1721)

Родился в Кабарде. Князь. Старший стольник, боярин. Новгородский и Московский воевода. Предводительствуя русским войском (1679), удержал османов и крымцев от вторжения на Украину и нанес им значительный урон под Киевом. Доверенное лицо и ближайший сподвижник Петра Великого. Главнокомандующий сухопутными войсками России. 14 декабря 1695 г. стал первым российским генералиссимусом.

**Посол Петра Великого,
известный картограф
Александр (Долетгерий)
Бекович-Черкасский**
(1671-1717)

Из кабардинского княжеского рода Бекмурзиных. В 1690 г. уехал на службу в Россию. В числе молодых офицеров Петр I отправил его за границу для изучения военно-морского дела. В 1711 г. едет с дипломатической миссией на Северный Кавказ. Позже возглавил экспедицию в Среднюю Азию (1714). Составитель первой подробной карты Каспийского моря. Через три года Петр I отправил Бековича-Черкасского в Хиву, где лейб-гвардии капитан Преображенского полка погиб в результате предательства хана Ширгази.

**Великий канцлер России
Алексей Михайлович Черкасский**
(1680-1742)

Князь. Губернатор Сибири (1719-1725). Будучи сенатором, награжден орденами св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского. В 1740 г. назначен великим канцлером России. Действительный тайный советник.

Им были подписаны трактаты о союзе с Пруссией (1740), Великобританией (1741), конвенция с Данией (1741) и мн. др. документы. Честность, неподкупность и стойкость в защите интересов государства признавали за ним даже его враги. Был богатейшим человеком в России.

**Адмирал флота, потомок князя
Редеди
Федор Ушаков**
(1745-1817)

Потомок касоужского (адыгского) князя Редеди. Великий русский флотоводец, адмирал (1799). Командующий Черноморским флотом (1790). Разработал и применил маневренную тактику, одержав ряд крупных побед над турецким флотом в Керченском морском сражении, у Тендры (1790) и Калиакрии (1791). Во время войны против Франции (1798-1800) успешно провел Средиземноморский поход русского флота. В 38 морских сражениях одержал 38 побед. Канонизирован Русской православной церковью 5 августа 2001 г. как святой праведный воин, адмирал Флота Российского.

Герой взятия крепости Измаил Измаил-Бей Атажукин

(1750-1812)

Князь. Полковник русской армии. Прототип героя поэмы Михаила Лермонтова «Измаил-Бей» (1832). Видный общественно-политический деятель Кабарды. Учился в Крыму и России. Герой взятия Очакова (1788) и Измаила (1790). Награжден орденом св. Георгия IV степени и бриллиантовой медалью. Участник переговоров по заключению Ясского мирного договора с Османской империей (1792). Посол императора Александра I на Кавказе. Автор работ «Краткое описание жителей горских черкас», «Записка о жителях Кавказа» и др. Ратовал за мирную интеграцию кавказских народов в Российскую империю.

Первый адыгский писатель, генерал-майор Российской армии Султан Казы-Гирей

(1807-1863)

Князь. Участник Русско-персидской войны (1826-1828). Служил в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне. Генерал-майор (1858). Командовал полками, корпусом. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Был знаком с А. С. Пушкиным, который высоко оценил литературные способности адыгского писателя.

Его произведения «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» напечатаны в первых двух номерах журнала «Современник» (1836). В. Г. Белинский в рецензии на публикации нового издания отмечал, что «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов».

**Адыгский просветитель,
этнограф, историк
Султан Хан-Гирей**
(1808-1842)

Участник Русско-персидской войны (1826-1828). Служил в лейб-гвардии Черноморском эскадроне. Командир Кавказско-горского полускадрона в Санкт-Петербурге. Флигель-адъютант. Автор крупного историко-этнографического труда «Записки о Черкесии». Император Николай I назвал его «черкесским Карамзиным». Перу талантливого исследователя принадлежат работы «Черкесские предания», «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов», «Князь Канбулат», «Бесльный Абат» и др. Хан-Гирей был уверен, что в составе России адыги получают «новую, изящную жизнь посредством образования». Исторические и этнографические работы великого черкесского просветителя внесли заметный вклад в российскую и мировую науку.

**Кабардинский просветитель, выпускник МГУ, поэт
Лукман Мухамедович Кодзоков**
(1818-1893)

Государственный и общественный деятель. Талантливый историк, философ и публицист. Вырос в семье известного деятеля России А. С. Хомякова. В крещении Дмитрий Степанович. Окончил Павловский пансион и Московский университет. Будучи студентом МГУ, издал сборник под названием «Стихотворения молодого черкеса» (1837).

С 1839 г. жил в Пятигорске, служил в Закавказье (1844-1863). В 1863 г. назначается председателем сословно-поземельной комиссии Терской области. Ратовал за введение образовательных учреждений в Кабарде, открыл начальную школу в родном ауле Абуково. Организатор кабардинского конного рассадника.

**Писатель, просветитель,
генерал-майор Российской армии
Султан Адыль-Гирей**

(1820-1876)

Общественный, политический и военный деятель. Родной брат С. Хан-Гирея. Автор рассказов и этюдов «Жена черкеса», «Сулейман-эфенди», «Рассказ аварца», «Поход в Дарго», «Очерки горских народов» и др. Один из зачинателей адыгской национальной литературы, этнографии и историографии. На российской военной службе с 18 лет. Командовал полками, дивизией. Комендант Варшавы (60-е гг.). В 70-х гг. состоял в свите императора Александра II. В чине генерал-майора служил в Тифлисе.

**Писатель, издатель, дипломат
Казибек Ахметуков**

(1870-1929)

Родился в Турции. Рано лишившись родителей, переехал на Кавказ, усыновлен четой Эттингеров. Жил в Тбилиси и Одессе. Печатался в журналах «Вокруг света», «Звезда», «Живописное обозрение», «Нива», «Природа и люди», во многих газетах. В 1896-1903 гг. издает в Москве, Одессе и Бобруйске книги «Черкесские рассказы», «Повести сердца», «Тяжелый долг», «Современная Турция» и др. Главный редактор и издатель журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства» (1908-1912). Российский и советский разведчик.

АДЫГСКИЕ ПРАВИТЕЛИ, ПРОСВЕТИТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ, БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ЕВРОПЫ

Султан Египта и Сирии Захир Бейбарс I

(1226-1277)

Родился в Черкесии. Прошел курсы военного искусства в Дамаске. Талантливый полководец. Нанес несколько серьезных поражений крестоносцам. Правил Египтом и Сирией 17 лет. Победоносные походы сделали его популярным среди грозных мамлюков бахритской династии. При Бейбарсе I произошло перераспределение земельных владений, Каир и Александрия превратились в города-посредники в широкой торговле Востока с Западом. Запретил курение гашиша, закрыл все питейные заведения и публичные дома. Издал закон (1264), запрещающий женщинам носить чалму и мужскую одежду. Во время голода в Каире обязал феодалов кормить за свой счет бедняков «вечного города». Жизнь и деятельности черкесского правителя посвящены арабский народный роман «Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса» (XIV в.) и «Повести красных и черных песков» русского писателя Мориса Семашко (XX в.)

Султан Египта и Сирии Захир Беркук

(1327-1399)

Первый султан черкесской (бурджитской) династии. Был правителем Египта и Сирии дважды – в 1382-1389 и 1390-1399 гг. В войнах с османами значительно укрепил границы государства, улучшил экономическое благосостояние страны. К эпохе Беркука восходит зарождение геральдики; развиваются архитектура, гончарное производство и обработка металлов.

**Султан Египта и Сирии,
поэт, музыкант, зодчий
Сейфеддин Муаед (Кармоко)**

(1371-1421)

Родился в Кабарде. Был пажем. Зять султана Беркука. Увлекался гуманитарными науками. Градоначальник Дамаска. Будучи правителем страны (1412-1421), продолжал сочинять музыкальные произведения, писать стихи. Занимался благотворительностью, провел в Египте и Сирии денежную реформу. За девять мирных лет Сейфеддин Муаед преумножил богатства государства, укрепил его границы.

«До сих пор стоят почти все построенные черкесскими мамлюками великие памятники, – пишет в документальной книге «Каир» английский писатель, лауреат Ленинской премии Джеймс Олдридж. – Их много, но два памятника (в том числе и мечеть Муаеда) являются образцом их изощренного, декадентского и в то же время замечательного и чарующего вкуса в архитектуре».

**Султан Египта и Сирии,
Сейфеддин Каит-Бей**

(годы правления 1468-1496)

**Султан Египта и Сирии,
Джамболат Ашраф**

(годы правления 1500-1501)

**Султан Египта и Сирии
Каншао Гур**

(1431-1516)

Занял трон в 1501 году. Один из знаменитых султанов черкесской династии. Человек сильной воли. Несмотря на то, что ему в наследство досталась страна, пережившая тяжелый кризис, сумел за короткий срок упрочить безопасность Египта и Сирии; ликвидировал анархию и улучшил финансовое положение государства.

За 15 лет правления мудрый мелик проложил в Каире и Дамаске множество каналов, построил цитадели на побережье Средиземного моря, училище-мечеть (1503) и школу. В ар-Рамиле воздвиг великолепную библиотеку, в Старом городе – мельницы.

Славился щедростью к стихотворцам и музыкантам.

Из Черкесии в Египет попал в зрелом возрасте, поэтому сохранил свое настоящее кабардинское имя – Каншао.

**Известный египетский
ученый и писатель
Ал-Макдиси Абу-Халид**

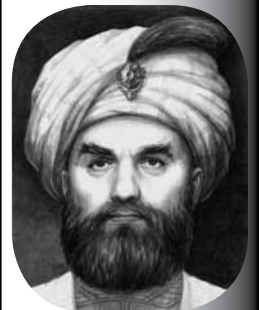
(1416-1483)

**Известный арабский историк
Мухамед ибн Ййас**

(1448-1524)

**Султан Египта
Али-бек ал Кабир**

(1728-1773)

**Классик французской литературы
Шарлотта-Элизабет Аниссе**

(1694-1733)

Родилась на Кавказе. Куплена в малолетнем возрасте французским дипломатом графом де Ферриолем на Стамбульском невольничьем рынке. Из черкесского княжеского рода.

В Париже получила светское образование, общалась со многими незаурядными деятелями своего времени, в том числе с великим просветителем Вольтером, писательницей де Тансен и др. В своих знаменитых «Письмах к госпоже Каландрины» с необычайным мастерством рассказывает о своей любви, переживаниях и страданиях, о близких, знакомых, нравах французского общества XVIII века.

Вольтер посвятил Аниссе мадригал, крупнейший критик Ш. О. Сент-Бев создал ее литературный портрет. Многие известные прозаики Европы не обошли вниманием достойную жизнь Аниссе, написав о ней рассказы, повести, романы и драмы.

**Маршал Турции
Фуад Дели-паша**

(1835-1931)

**Султан Турции
Талат Хердин-паша**

(1819-1890)

Классик турецкой литературы Ахмед Мидхат (Хагур)

(1844-1913)

Родился в Стамбуле. Один из основоположников новотурецкой литературы. Издатель, публицист, прозаик, драматург. За оппозиционные статьи сослан на остров Родос (1873-1876).

Автор 800 романов, пьес, рассказов, работ по вопросам истории, религии, философии, географии. Известность принесли ему романы «Янычары», «Второе рождение», «Танцовщица», «Адмирал Винт», «Девушка с дипломатом», «Младотурок», «Кавказ», пьесы «Черкесские дворяне», «Грузинская девушка», рассказы «Гордость Кавказа», «Смерть в руках Всевышнего», «Второе рождение» и мн. др. Основатель Черкесского благотворительного общества в Стамбуле (1908), национальной школы при Хасэ.

Маршал Турции Бэрэдж Зеки-паша

(1861-1922)

Классик мировой литературы Омер Сейфеддин (Хатко)

(1884-1920)

Родился в турецком городе Гёнен. Окончил высшее военное училище. Преподавал в жандармской академии. Воевал на Балканах, попал в плен. С 1912 года уходит из армии и целиком посвящает себя литературной деятельности. Основатель жанра новеллы в современной турецкой литературе. Его книги изданы во многих странах. Когда разговор заходит о турецкой сатире, первым называют имя Омера Сейфеддина. Соединял в себе талант разностороннего прозаика и глубокого мыслителя.

Гениальными творениями великого черкеса считаются новеллы «Взятка», «Коллекция», «Жена фон Садриштайна», «Колода», «Ночь свободы», «Чин», «Дурак», повесть «Эфрузбей» и мн. др.

**Неоклассик арабской поэзии,
премьер министр Египта
Махмуд Сами-аль-Баруди
(1838-1904)**

Из знатной черкесской семьи Наурузоко. Окончил военное училище и академию. Знарок истории арабов и адыгов. Участник критской (1866), русско-турецкой (1877) войн. Отмечен высшими наградами Турции и Египта. Губернатор провинции аш-Шаркийя и Каира. Министр просвещения и вакуфов (1878). Активный участник национально-освободительного движения 1879-1882 гг. против английских колонизаторов. Министр обороны, премьер-министр. Его революционное правительство разработало демократический избирательный закон, закон об уничтожении барщины. Своим декретом Баруди запретил курбаш, начал энергичную борьбу с злоупотреблениями чиновников, взяточников и казнокрадов. Но, как и прежде, вмешались внешние силы. И британские колонизаторы в период с 11 июля по 14 сентября 1882 года задушили борьбу египтян за независимость. Через три месяца Баруди и его ближайших сподвижников отправили на пожизненную каторгу на остров Сарандиб (Цейлон). Изгнание длилось 17 лет. В эти трудные и томительные годы написал свои лучшие стихи и поэмы. Баруди считают основоположником поэзии нового типа.

**Герой Французского сопротивления
Елмасхан Хагундокова
(1904-1985)**

Родилась в Кабарде. Окончила медицинский институт. Активная участница Второй мировой войны.

Добровольно вступила во французскую армию. Руководила военно-хирургической службой 3-й пехотной дивизии в Северной Африке. Спасла жизни свыше 3000 раненых солдат и офицеров. Сражалась в Тунисе, Италии, Франции и Германии. Участница знаменитого парада 14 июля 1945 года в честь Победы над фашистской Германией. Кавалер многих военных наград Франции и других государств. Командор ордена Почетного Легиона. Являлась крестной матерью Первого кавалерийского полка Иностранного легиона. После смерти ей были возданы воинские почести в Доме инвалидов в Париже – первый случай для женщины во Франции.

**Мисс мира 1932 года
Кариман Халис**
(1912-2011)

**Последний из убыхов - хранитель языка и преданий
родного языка
Зеифэ Тевфик**
(1907-1992)

**Прима-балерина театра
«Гранд-Опера» в Париже
Людмила Черина**
(1925-2004)

ВИДНЫЕ КНЯЗЬЯ КАБАРДЫ – ПРАВИТЕЛИ, ДИПЛОМАТЫ, ПРОСВЕТИТЕЛИ

Кабардинский дипломат, просветитель

Лиуан Бжихатлов

(XV век)

Родился в Кабарде, в верховьях реки Баксан. Видный дипломат и просветитель родного народа. Советник великого князя Кабарды. Ратовал за укрепление дружбы с Русским государством.

Верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин

(1663-1710)

В период его правления произошла знаменитая Канжальская битва (1708), в которой кабардинцы наголову разбили крымско-османскую армию. Это событие имело большое значение в истории Черкесии и всего Северного Кавказа. Кабардинские воины под руководством Кургоко Атажукина с достоинством защитили свою политическую независимость. О времени его княжения созданы многочисленные фольклорные сюжеты. В них говорится о храброе предводителе и знаменитом провидце, овеванном славой и окруженном всеобщим уважением и любовью.

Верховный князь Кабарды Хатакшуко Мисостов

(? - 1721)

Сын Мисоста Казиева – верховного князя Кабарды в 70-80-х гг. XVII в. После смерти Кургоко Атажукина избран старшим князем Кабарды (1710). В годы его правления заключен союз с Россией (1711), разгромлен 15-тысячный корпус крымского хана на Кубани.

Видный кабардинский просветитель, дипломат, политический деятель Жабаци Казаноко

(1685-1750)

Дворянин. Советник верховного князя Кабарды. Общественный и политический деятель, гуманист, мыслитель, реформатор и дипломат. Придавал важное значение вопросам воспитания в духе адыгского этикета, выступал против кровной мести, за улучшение общественного положения женщин. Особой его заслугой являлась деятельность, направленная на защиту Родины от турецких и крымских захватчиков и на прекращение феодальных распрей. Участник переговоров между Кабардой и Россией, один из авторов Сулакского соглашения между Петром I и верховным князем Кабарды Асланбеком Кайтукиным (1722). Позже (1731) посетил Петербург в составе кабардинского посольства, которое заключило договор с Россией о совместной борьбе с Крымским ханством.

Верховный князь Кабарды Хаташкоко Атажукин

(1738-1809)

Верховный князь Кабарды Кчук Жанхотов

(1758-1830)

Последний верховный князь Кабарды (1809-1822). Первый председатель Кабардинского временного суда (1822-1830). Полковник русской армии. Несмотря на упразднение должности верховного князя в связи с окончательным утверждением в Кабарде российской административной и судебной систем (1822), оставался до конца своей жизни признанным лидером нации. По словам пристава Кабарды И. П. Дельпоццо, Жанхотов всегда проявлял «отменную твердость характера». Активный политический деятель, стремившийся к установлению взаимопонимания между народами Северного Кавказа и России.

**Кабардинский историк,
просветитель, писатель
Шора Ногма**

(1794-1844)

В адыгском просветительстве его имя занимает особое место. Историк, фольклорист, литератор, лингвист, зачинатель кабардинской письменности. Учился в Дагестане и России. Был муллой, писарем казачьего полка, учителем в аманатской школе в Нальчике, служил в Кавказско-горском полуэскадроне в Санкт-Петербурге (1830-1835). Автор книг «История адыгейского народа», «Филологические труды». Работая секретарем Кабардинского временного суда, защищал интересы простых людей, ставил вопросы об улучшении жизнеобеспечения родного народа.

**Первовосходитель на Эльбрус,
кабардинец
Килар Хаширов**

(1799-1859)

Родился в Вольном Ауле в кабардинской семье. Проводник научной экспедиции Российской академии наук под руководством генерала Емануэля. Первым в истории в 1829 г. покорил восточную вершину Эльбруса (5633 м). Один из основоположников российского альпинизма. Успех отважного кабардинца запечатлен на чугунной плите, отлитой в том же году в городе Луганске.

Портреты выдающихся адыгов – деятелей Российского государства, Египта, Туниса, стран Ближнего и Среднего Востока взяты из личного архива Мухамеда Хафицэ.

«Считать присоединенными к России эти народы...»

Новый, XIX век Россия начала с твердым намерением окончательно усмирить Кавказ. Строились новые крепости, укреплялись старые. Кавказская военная линия неуклонно продвигалась вплотную к горам, оставляя за собой покоренную часть горцев и гоня перед собой в ущелья непокорных.

После закладки Кисловодской и Пятигорской крепостей попытавшиеся оказать сопротивление кабардинцы были выселены оттуда на Малку и Баксан. На берегу реки Нальчик у подножия гор была заложена новая крепость.

В 1804 году, подстрекаемые шахом Ирана и султаном Турции, отдельные кабардинские князья, используя недовольство народа притеснениями и жестокостью царских генералов, подняли восстание. Восставшие требовали снести Кисловодскую крепость, наказать военных, сжигающих селения мирных жителей под разными предлогами. Правительство направило в Кабарду карательный отряд во главе с генералом Глазенапом. На Чегеме, близ современного села Лячинка, кабардинцы, которым помогали и другие горцы, были разбиты. Было уничтожено около 80-ти поселений. Для более целенаправленных действий по покорению кавказских народов была создана отдельная Кавказская губерния с центром в крепости Георгиевской. И главнокомандующим на Кавказе назначается генерал П. Д. Цицианов, грузин на царской службе, ярый сторонник решительных военных мер на Кавказе против непокорных горцев. Он жестоко подавлял выступления горцев Кавказа, одержал несколько побед во время войны с Ираном, но под Баку был убит, и его голова была отправлена в подарок шаху Ирана.

Вскоре резко осложнились и русско-турецкие отношения, и в 1806 году началась война. Но ситуация в Европе постепенно складывалась не в пользу Турции, и вследствие этого Россия более уверенно вела военные действия. После ряда крупных побед Россия поспешила заключить с Османской империей мир, согласно которому Порта признавала присоединение к России Грузии и Абхазии с крепостью Сухум-кала. И вскоре России пришлось воевать с вторгшейся в ее пределы армией Наполеона в 600 тысяч человек. Война закончилась, как известно, катастрофой для Наполеона и победным маршем казаков по улицам Парижа.

Но у могущественной России все-таки не хватало сил, чтобы окончательно усмирить Кавказ. И в этих условиях Александр I решает вручить Кавказ одному из самых решительных русских генералов того времени – А. П. Ермолову.

Ермолов не стал особо церемониться с горцами – он решил их всех сгрести в дальние горные ущелья, чтобы они там, как крысы в

колодце, перегрызли друг друга. Для этого он задумал перенести Кавказскую военную линию до самых горловин ущелий и всю северную часть линии заселить казаками из Центральной России. В 1822 году этот план был одобрен Александром I, и Ермолов сразу же приступил к его исполнению. От горцев, которые относились лояльно к русским, он требовал, чтобы они селились у военной линии, чтобы они находились под надзором, а остальные, несогласные с этим, вынуждены были покидать свои земли и уходить к самому подножию гор. Все это вело к тому, что балкарцы и карачаевцы, загнанные в горы еще Хромым Темирланом, так и не смогут никогда более спуститься на свои равнинные земли. Но в то время, живя у себя в глубине ущелий, они, скорее всего, и не ведали о том, что царское правительство и Ермолов, сжигая кабардинские селения, тесня их к горам, вместе с тем сжигали и будущее балкарцев и карачаевцев, обрекая их на вечную жизнь в каменных мешках.

Но царские генералы на такие мелочи внимания не обращали, они мечтали очистить плодородные кавказские земли для России, и делали это вполне успешно, несмотря на протесты отдельных либерально настроенных лиц. Все эти совершенно неприкрытые меры царской России и ее жестоких генералов с целью истребления горских народов и колонизации Кавказа вызывали, естественно, протест и части феодальной верхушки горских народов, и самих горцев. Ответные действия со стороны России были всегда одинаковы – карательные экспедиции, во время проведения которых жители истреблялись, а их имущество и скот забирали войска.

Важнейшей задачей в деле окончательного покорения Кавказа Ермолов считал быстрое заселение казаками и русскими людьми из центральной России очищаемых им от горцев плодородных земель. И с этой целью он предложил раздавать бесплатно казакам и русским переселенцам на Кавказе хорошие участки земли и помогать им обустроиваться. И этот план был одобрен правительством и императором, согласно чего и Ермолов начал щедро раздавать земли горских народов казакам и переселенцам. В то время когда в Балкарии пахотный участок земли стоил такого количества баранов, сколько их умещалось на этом участке, рядовые казаки Кавказской линии получали по 30 десятин на душу, «старшие» – по 60 десятин, а чиновники и офицеры – по 300 десятин. А там, где земли считались не очень плодородными, доли увеличивались и составляли: для рядовых казаков и переселенцев по 50 десятин, «старшим» – по 100 десятин, офицерам и чиновникам по 400 десятин на душу. Только в 1821 году из Черниговской и Полтавской губерний на земли Кавказской линии было переселено около 16000 человек. По всей линии росли десятки, сотни станиц, деревень и хуторов. Началось массовое освоение русскими обширных равнин Предкавказья.

Одновременно Ермолов делал все, чтобы горцы вообще перестали быть горцами, то есть чтобы у них, ничего своего не было – ни правления, ни суда, ни обычаев. Мирными, то есть лояльными к прави-

тельству горцами управляли приставы – военные чины, суд вершили военные и чиновники, назначенные военным командованием.

Все эти грубые колонизаторские действия и жестокость военных вызывали недовольство не только отдельных горских феодалов, но и большей части рядовых горцев. К тому же ни на один день не прекращали свою пропаганду как турецкие и иранские агенты, так и местные мусульманские экстремисты, которые разжигали в народе ненависть к неверным «гяурам-захватчикам». Их пропаганда, естественно, имела немалый успех. И вот в таких условиях постепенно разгоралось пламя всенародной борьбы народов Кавказа против грубой колонизаторской политики царизма. Все время хозяйствования Ермолова на Кавказе отмечено постоянными стычками с горцами, карательными экспедициями, которые, как отмечали даже некоторые царские генералы, проводились с чрезмерной жестокостью. К примеру, после нападения на линию «шайки разбойников»-горцев, которые угнали табун лошадей, сразу же следовала карательная экспедиция, во время проведения которой сжигались в этих окрестностях десятки аулов, забирались скот и имущество, убивались ни в чем не повинные мирные жители.

Так, в 1822 году отряд казаков сжег за Кубанью 17 аулов, отобрал у населения несколько тысяч голов скота и сжег посевы.

С особой жестокостью подавлял Ермолов сопротивление чеченцев и ингушей. Неукоснительно выполняя свой план переноса всей Кавказской линии к подножию гор, на восточном фланге он стал двигать эту линию с Терека на Сунжу. В этом случае чеченцы были бы вынуждены жить среди казаков и русских, которых неизбежно стали бы расселять на «очищенных» землях, или уйти за кордон, то есть еще дальше в горы. Русские повсюду на важных местах – у входов в ущелья, на берегах рек – закладывали новые крепости. Так возникли крепости Грозная, Владикавказская, Внезапная, Бурная, Нальчикская. Малейшее сопротивление немедленно и жестоко подавлялось.

Москва и ее бравые генералы не могли, да и не хотели, как и двести лет назад, так и сейчас, разобраться что к чему и предложить правительству разумную программу приобщения кавказских народов к мирной жизни, которые, между прочим, испытывая «добрососедство» и арабской мусульманской сабли, и иранский гнет, и крымский произвол, всегда тяготели к России. Практически во всех войнах России с Ираном, Турцией и Крымом народы Кавказа в основном были на стороне России, и Россия шаг за шагом завладела всем Кавказом. Но вышеупомянутые генералы делали все, чтобы восстановить народы Кавказа против России.

Кавказская война, которая длилась почти сто лет, велась, можно сказать, не Россией, а именно русскими генералами с народами Северного Кавказа. Именно они, слишком уж ретивые служаки, которые за несколько лет хотели поставить на колени горские народы, и спровоцировали эту войну. И правительство пошло у них на поводу, хотя многие более трезвые и умные головы даже из ближайшего окружения царя

предлагали иной путь усмирения Кавказа – путь взаимопонимания, торговли и обмена духовными и природными богатствами, путь просвещения и постепенного сближения горцев и русских. Но политика, к сожалению, никогда не любила вдаваться в тонкости мира и согласия, договоренностей и взаимообогащения со своими подвластными народами. Ничего иного и ожидать не приходилось – когда ее советниками всегда были генералы, у которых главное в жизни – побеждать и покорять. Даже само слово *мир* для них означало совсем не то, что для всех остальных людей, – для них это или торжество победы или позор поражения.

И хотя балкарцы, запертые в горах, и не испытывали непосредственно на себе все жестокости, чинимые русскими генералами на Кавказе, надо полагать, что прекрасно обо всем были осведомлены. А потому, когда русские войска, сжигая все на своем пути, стали подступать и к горам, поспешили избежать беды, приняв подданство России. С этой целью в начале 1827 года к главнокомандующему войсками на Северном Кавказе генералу Г. А. Эмануэлю в Ставрополь была отправлена представительная делегация балкарского народа в составе Арслан-Хаджи Жанхотова, Магомета Шакманова, Мырзакула Урусбиева и других для решения вопроса о присоединении Балкарии к России. По этому поводу первый балкарский историк Абаев в своем очерке «Балкария» пишет: «Депутация эта заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть русскому «белому царю» и привести к присяге свои народы, с тем, чтобы за таубиями были сохранены их права по отношению к подвластному им населению и право их на земли, и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты».

«Его Превосходительству Командующему Войсками на Кавказской линии, Черномории и Областному начальнику господину генерал-лейтенанту и Кавалеру Емануэлю.

Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные старшины, от народа урусбиевцев – Мырзакул Урусбиев, от чегемцев Кельмамбет Баймурзов, от хуламцев и бизинги – Магомет Шакманов, от балкарцев – Арслан-Хаджи Жанхотов, от дигорцев – Касай Кубатиев, Давлетука Абисалов, Бинагер Карабугоков, Соза Соватов и Татархан Туганов, быв отправлены к Вашему Превосходительству для испрошения покровительства и защиты ВСЕРОССИЙСКОГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, яко поставленного от него наместника, с тем, что ежели сие наше прошение принято будет, то как мы, равно и весь народ, за отдачею уж аманатов – детей наших, принять и на верность подданства присягу Всероссийскому Великому Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ и наследнику Его Государю Великому Князю АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, а затем будем, ежели и на службу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА есть ли в них мы востребованы будем, на что и имеем ожидать решения Вашего Превосходительства.

Генваря 11 дня 1827-го года». *(«Живая старина», № 2. 1992.)*

Главнокомандующий русской армией охотно принял предложение представителей горских племен, их присягу на верноподданничество и донес на высочайшее имя, что «старшины» (по какой-то странной ошибке таубии были названы старшинами) народов Малкър (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий) присягнули на верноподданничество и привели к присяге свои народы... Государь повелел принять это подданство и «считать присоединенными к России эти народы».

По поводу присоединения Балкарии к России существуют некоторые разногласия среди ученых, касающихся этого вопроса. Г. К. Азаматов и Х. И. Хутуев в своей монографии «Абаев» высказывают убеждение в том, что Балкария вошла в состав России еще в конце XVIII века. И в доказательство своей гипотезы говорят, что на карте Северного Кавказа конца XVIII века территория балкарцев уже отмечена как российская земля. К тому же, мол, балкарцы обращались с такой же просьбой к властям Кавказа дважды – в 1787 и в 1794 годах.

Но, во-первых, все знают, как иногда делаются карты. К примеру, рассматривая заново подготовленную карту СССР после войны, где были на радость вождю отмечены и вновь приобретенные земли, вождь красным карандашом выпрямил границу, включив в состав СССР независимую Тувинскую Народную Республику. А когда ему намекнули на то, что Тува является, мол, отдельной страной, то он якобы спокойно ответил, что «теперь будем одной». Так, по хотению вождя, и было потом сделано.

Так или иначе, но наиболее точной и к тому же юридически подтвержденной («государь повелел...») датой присоединения Балкарии к России следует считать 1827 год, а не другие годы, так как именно с этого времени начинает распространяться власть органов управления царской администрации на Балкарию. Этому свидетельствует и то, что в 1841 году среди аманатов (заложников), находящихся в Нальчикской крепости, уже имеются и дети балкарских князей – Саукал Урусбиев, Али Шакманов, Исхак Кожаков, Умар Балкароков, Басият Баймурзов, Магомет Шаханов и Эльмырза Абаев. Дети владельцев горских народов обычно брались в заложники с тем, чтобы только что присягнувшие на верноподданничество России феодалы не вздумали вдруг нарушить свое слово. Эти дети, естественно, не были пленниками, а лишь держались в крепости, к тому же их всячески старались приучить и к грамоте, и к «русской жизни». В результате многие из них впоследствии становились чиновниками царской администрации или офицерами.

Здесь следует отметить, что спустя ровно 25 лет – зимой 1852 года – еще более, чем было раньше, представительная делегация балкарского народа, в которой были 11 князей – Умар Шакманов, Чеппелеу Суюнчев, Исхак Малкаров, Джамбулат Келеметов, Шомпало Урусбиев, Исмаил Урусбиев, Кючюк Мисаков, Кайт-Мырза Айдаболов, Хамзат Джанхотов, Бекбий Абаев и Чоппа Амырханов – прибыла в Петербург и была торжественно принята царем. Делегация еще раз выразила верность балкарского народа России и высказала ряд просьб земельного и иного характера.

И эту дату – 1852 год – некоторые ученые считают временем вхождения Балкарии в состав России. Но это, конечно, не так. Скорее всего эта делегация имела лишь одну серьезную цель – добиться отвода Балкарии пастбищных земель из так называемого казенного фонда. На самом деле эти земли находились во владении кабардинских князей, и балкарцам приходилось платить ежегодную арендную плату за пользование ими. Вот и мечтали балкарские представители, чтобы царь своим повелением отвел Балкарии эти земли и таким образом избавил их от арендной платы. Предполагалось, что за эти земли кабардинским владельцам царское правительство выдаст определенную денежную компенсацию. Но вопрос этот, брошенный в чиновничий бездонный колодезь, так и не был решен. Да и сами хозяева этих земель – кабардинские феодалы, и так зажатые с севера экспансией русских и потерявшие большую и лучшую часть своей территории, дорожили теперь каждой пядью и не горели особым желанием раздаривать свои земли кому-либо по чьему-то хотению. Тем более, если им в другом месте не предлагали земли, которые были бы не хуже, чем эти. Но Россия завоевывала Кавказ вовсе не для того, чтобы вновь раздавать его по кускам для решения земельного голода жителей горных ущелий, а потому просьба балкарских таубиев так и осталась без ответа, вернее – без решения. Им лишь милостиво разрешили впредь именоваться не старшинами, как их с легкой руки какого-то казачьего писаря именовали до сих пор, а таубиями, то есть горскими князьями.

Удивительно не то, что главная просьба балкарских феодалов была не удовлетворена, а то, что они еще питали такую иллюзию – что царь им поможет. Но в то же время на кого же им было еще надеяться, если даже и сам Великий Аллах не внимал их просьбам. Может быть, Николай – царь необъятных земель, поможет нам – так, наверное, думали они.

Но светлейший царь Николай, как и Великий Аллах, не внял просьбам балкарцев и не помог им.

Казбулат ДЗАМИХОВ,
доктор исторических наук,
профессор КБГУ

***Исторический опыт политико-правовой регламентации
русско-кабардинских отношений: анализ документов
второй половины XVI века***

Историки давали различные интерпретации содержания и значения акта 1557 г. Видимо, и дальше продолжатся научные дискуссии о его конкретном политическом смысле в терминах феодального «договорного права», о наличии или отсутствии изначально одинакового и однозначного толкования этого акта обеими сторонами и т. п. Но если смотреть на дело с позиции не только XVI века, но и наших дней, то главные аспекты представляются бесспорными.

Прежде всего, это была собственная политическая инициатива Кабарды в лице наиболее влиятельной группировки господствующей феодальной элиты. Иными словами, это был акт сознательного и самостоятельного выбора наших предков, основанный на понимании своих жизненных интересов и на трезвой оценке реальной обстановки, складывающейся вокруг Кабарды.

Оформившийся в 1557 г. союз с Русским государством не прервал линию независимого политического развития Кабарды, не ограничил ее самостоятельности в решении своих внутренних и внешнеполитических вопросов. Напротив, он укрепил ее позиции и способствовал повышению ее политического веса в регионе.

В свете последующего политического развития те взаимные обязательства, которые были приняты на себя политическими верхами России и Кабарды в 1557 г., рассматриваются иногда как недостаточное правовое основание вхождения Кабарды в состав Российского государства. Но они открыли собой эпоху прочного, хотя порой и трагически неоднозначного соединения исторических судеб России и Кабарды, России и всех адыгов.

Важным общественно-политическим и научным моментом проблемы складывания Российского многонационального государства является определение времени и критериев того, когда то или иное национально-государственное образование стало частью Российского государства. В исторической науке разработаны определенные критерии, правда, они достаточно условны и не могут быть приложены ко всем территориям:

1. Обозначение территорий в высшей государственной символикае.
2. Компетенция ведомств (т.е. какое ведомство – внутри- или внешнеполитическое занимается делами, связанными с данной территорией).
3. Выплата налогов в общероссийскую казну.
4. Распространение действий общероссийского законодательства и учреждение российской администрации на присоединенных территориях.

Таким образом, здесь присутствуют четыре основных критерия: государственная символика, компетенция ведомств, налоги и законодательство.

С середины XVI века из всех национальных окраин, которые взаимодействовали с Москвой, статус Кабарды был особый. Она находилась «в службе и обороне», что означало покровительственный характер союза 1557 года. Он не укладывался в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке с его ярко выраженной формой «покорности и условности инвеституры». Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственные, базирующиеся на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит, будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае договор может быть расторгнут. Даже после перестройки российской дипломатии в начале XVIII века на европейский лад и заимствования многих западноевропейских терминов и понятий, в грамоте Петра I «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» (март 1711) говорится: «...изволяем вас к себе в подданство и оборону принять».

Вступление Кабарды в подданство оформлялось международным договором, форма которого специально была выработана в Посольском приказе. Оригинал договора 1557 г. не сохранился, до нас дошли только те его части, которые были использованы при составлении общерусского летописного свода. Косвенным свидетельством имевшей место в 1557 году «шертной» («клятвенной») присяги – «тхъэрыгуэ-псальэ» («договор» или «соглашение» на кабардинском языке) со стороны кабардинского посольства являются памятники устной традиции, приводимые Ш. Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа».

Кабардино-русский договор 1588 года состоял из двух частей – «шертной» («клятвенной записи») и «жалованной грамоты с золотой печатью», которая приравнивалась к докончальной грамоте. Указанный и последующие кабардино-русские договоры (как и хакетинско-русский договор 1587-1589 гг.) обусловили складывание в русском праве нового вида договора – договор об учинении в подданстве, призванный регулировать отношения между вступающими в зависимость от Москвы государственными образованиями, которые сохранили внутреннюю автономию и имели ограниченную внешнеполитическую дееспособность. Основные формулы шертных записей и жалованных грамот кабардинских князей содержали военно-политические обязательства, связывающие суверенные стороны. Они носили оборонно-наступательный характер. В посылаемых в Кабарду грамотах цари, Посольский приказ и Коллегия иностранных дел, терские и астраханские воеводы требуют «показать службу», «служить». На кабардинских князей возлагались прежде всего военные обязательства в виде платы за «защиту и покровительство», а также приведение других северокавказских владельцев в российское подданство. В отличие от так называемых «новоприбылых» в анализируемых публично-правовых актах нигде не говорится о плате «за защиту и покровительство» в форме «ясака», «дани» или «поминок». Таким образом, наличие защитных отношений, основанных на полной договоренности сторон и не выходящих за пределы союза, рождало новую форму взаимоотношений, принципиально отличных от сюзеренно-вассальных. Кабарда с точки зрения указанной практики оставалась суверенной – в

отношениях с Крымским ханством она выступала внешне как данник, откупающийся от набегов, а в отношениях с Российским государством, с чьей стороны получала покровительство, как клиент, берущий на себя обязательства, аналогичные по форме «клятве верности», (служба и обязанность «вассала» по отношению к «сеньору»).

Здесь необходимо специально оговорить, что не следует абсолютизировать и осовременивать, как указывают профессиональные историки, значение шертных договоренностей XVI или XVII вв., принимать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногайских, калмыцких владетелей и Москвы), по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-кабардинских отношений можно заключить, что шерт действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

В изучении характера и политико-правового содержания адыг-русских отношений многое дает посольский обряд обеих сторон, ибо в XVI-XVII веках международное право отражало и закрепляло градацию в достоинстве и ранге государств, учредив целую систему дипломатического церемониала, которому придавалось исключительно важное значение. Анализ показывает, что в отношении адыгских послов, в основном, применяется более или менее стабильный протокол.

«Посольский обычай» дает основание ставить Кабарду в ряд субъектов международного права, и она не считается составной частью Российского государства в XVI-XVII веках.

Встречающееся в летописных известиях и актовых документах понятие «холопство» в правовой практике Москвы второй половины XVI в. по отношению к Кабарде и другим адыгам надо трактовать как подданство, своеобразное и условное. Но понималось оно обеими сторонами в разное время по-разному.

Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». «Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, – считает А. Капеллер, – выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом». Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Кабардинская правящая элита, именуя себя в грамотах иногда «холопами» следовала существующей в то время российской приказной терминологии и использовала это понятие в признательность российской стороне за согласие покровительства. Обстоятельную характеристику «холопства» в понимании правящего российского двора XVI-XVII вв.

дает Г. Котошихин. По нему видим, что «холопство» действительно в правоотношениях Кабарды с Россией приравнивалось московской стороной к подданству в форме зависимости. Но и в этом случае «принятие подданства или, вернее, признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является, – как отмечал М. Н. Тихомиров, – показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал, вошла в состав России». О полном подданстве, т. е. инкорпорации Кабарды в состав России можно говорить только по отношению к XIX в.

В XVI в., как и в последующие столетия (вплоть до завоевания в ходе Кавказской войны), на адыгов не распространялось российское законодательство – положения Судебников, царских указов, боярских и соборных приговоров и т. д. Вместе с тем, адыги с 1580-х гг. причислялись к статусу «новоприбылых» и со второй половины XVI в. русский царь стал номинально называться «государем кабардинских горских черкасских князей. . .» Но фактически адыги (черкесы) и конкретно Кабарда не включались в большой царский титул и Москва не расценивала их как часть подвластного населения, что, например, имело место в отношении завоеванных Астраханского, Казанского и Сибирского ханств. Правящие верхи Российского государства и Кабарды общались и имели официальные взаимоотношения друг с другом только через государственные структуры, представляющие внешнеполитическую сферу: в XVI-XVII вв. – Посольский приказ, в XVIII в. – Коллегия иностранных дел. Между этими государственными образованиями сохранились таможенные барьеры, и представители кабардинской феодальной знати, вывозя свою продукцию в Россию (породистых лошадей, холодное оружие и др.) или закупая там необходимые товары (огнестрельное оружие, предметы роскоши), всегда платили пошлины.

Таким образом, все вышесказанное, а также основные критерии подданства, разработанные в отечественной историографии, позволяют при трактовке кабардино-русского договора 1557 года применять понятие «договор о покровительстве», при котором имели место союзнические отношения.

В дальнейшем динамика развития кабардино-русских отношений (XVII-XVIII вв.) была часто противоречивой – от союзнических отношений к вассально-подданническим. Как важнейший аспект национального политического опыта можно выделить постоянное и интенсивное воздействие внешнего фактора на этнополитическое развитие адыгов и периодически возраставшую необходимость кардинального выбора между различными политическими альтернативами. И, начиная с середины XVI века до второй половины XVIII века, центральное место в ситуациях политической альтернативности занимали отношения не с Османской Турцией или Крымом, а с Российским государством.

БРАТСТВО НАРОДОВ – БРАТСТВО ЛИТЕРАТУР

Кавказ... Солнечный край, простирающийся на юге нашей страны, издревле манил к себе народы благоприятным климатом, пышной растительностью и тем, что поэт назвал «жилище вольности святой». Всегда не случайно сложился многонациональный состав населения этой притягательной земли, через которую прошли в древности многие племена и народы, оставившие след, доступный ныне лишь археологам.

Именно Кавказу суждено было стать колыбелью многих поэтических талантов России, вдохновителем и пестуном их высокой музыки. «Во дни печальные разлуки» к нему обращался Пушкин, его синие горы приветствовал Лермонтов, его величие и гордость воспели Грибоедов и Полежаев, Бестужев-Марлинский и Одоевский, Лев Толстой, Маяковский, Есенин, Максим Горький...

Присоединение Кавказа к России объективно имело прогрессивное значение, это понимали передовые люди прошлого. Но в их сердцах горел огонь ненависти против жестокой колониальной политики царизма. Вместе со свобододолюбивыми горцами и простыми русскими воинами великие писатели жаждали мирных, добросовестных отношений между народами, разобщенными войной. И для них самих Кавказ стал, в свою очередь, колыбелью великих творений.

Известные путешественники и географы, объездившие, можно сказать, всю землю, восторгались красотой и богатством природы Кавказа.

«Заповедником мировой истории» назвал его этнограф В. Ф. Миллер; «раем для натуралиста – лучшим кабинетом, музеем для преподавателя» – географ А. М. Краснов, «совершенно особенным миром со всеми его грозными и величественными явлениями, где человек уже не чувствует себя властелином земли, а скорее сознает свое бессилие и ничтожество» – натуралист Н. Я. Динник.

То же удивление перед величием природы ощущаем мы в строках норвежского писателя, лауреата Нобелевской премии Кнута Гамсуна: «Кавказские горы выглядят в своем неприступном величии отдельным миром. Зубцы и башни, седла, минареты, все это из снега; и мы, чужестранцы, начинаем теперь понимать то, что Пушкин, Лермонтов и Толстой написали под первым впечатлением этого мистического великолепия». Выдающийся норвежец озаглавил свою книгу – «В сказочной стране». И он действительно близок к истине. Как и один из основателей евразийства, писатель-эмигрант Константин Чхеидзе, назвавший свой удивительный гимн Кабарде и Балкарии не менее поэтично «Страна Прометей».

* * *

Народные певцы и писатели Кабардино-Балкарии и России создали значительные произведения о дружбе своих народов. Эти произведения позволяют сделать некоторые выводы, вкратце они сводятся к следующему:

1. В устнопоэтическом творчестве и письменной литературе глубоко и правдиво показаны исторические корни дружбы этих народов. Рисуя тесную экономическую, политическую и культурную связь Кабардино-Балкарии с Россией, писатели показали, как вопреки жестокой колониальной политике царского самодержавия росла и крепла братская дружба народов, как лучшие представители русского, кабардинского и балкарского народов отстаивали и пропагандировали эту дружбу.

2. Показывая успехи наших народов в области индустриализации, сельского хозяйства, культуры, писатели республики убедительно раскрывают огромное значение тесного содружества с русским народом.

3. В созданных кабардинскими и балкарскими писателями произведениях, согретых сердечной любовью к русскому человеку, показаны национальные черты русского народа: его богатырская мощь, героичность, выносливость, неиссякаемая народная мудрость, патриотизм и гуманность.

4. В творчестве русских советских писателей, повествующих о жизни малых народов, как в верном зеркале, отразилось их историческое развитие. Выводя на показ миру, обливая светом сочувствия образы представителей кабардинского и балкарского народов, русские писатели проникновенно раскрыли лучшие черты этих народов: деятельное служение родной земле, мужество, человеколюбие, трудолюбие, природную талантливость.

В поэтический венец могучей дружбы народов России по достоинству включены яркие, самобытные песни, легенды и сказы этих народов.

Кабардинский и балкарский народы, лишенные до Октябрьской революции первейшего орудия культуры – письменности, свое поэтическое дарование проявляли в устном поэтическом творчестве. Здесь отразилась вся многострадальная история народов, весь ход их развития и роста.

Кабардинским фольклором восхищались гениальные русские поэты и писатели: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Грибоедов. Еще в 1909 году, борясь с декадентством, А. М. Горький ставил в пример писателям кабардинских народных певцов – гегуако. «На Кавказе, в Кабарде, еще недавно... существовали гегуако, народные певцы. Вот как один из них определил свою цель и свою силу: “Я одним словом своим, – сказал он, – делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего”. Если бы наши писатели действительно могли подняться на высоту его самооценки, если бы могли понять простую, но великую веру его в силу святого дара поэзии».

Кабардинский и балкарский народы всегда верили в чудесную силу поэзии. «Гробница человека разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет», – утверждает адыгская поговорка. Сохраняя и оберегая творческое наследие прошлого, народы создают качественно новые произведения, среди которых выделяются посвященные одной из прекраснейших тем – теме человеческой солидарности и дружбы.

К числу первых, четко и ясно раскрывающих точку зрения кабардинского народа на добровольное вхождение Кабарды в состав России, мы должны отнести старинные песни и предания, включенные Шорой

Ногмовым в «Историю адыгейского народа». Поставив перед собой задачу создать краткую историю своего народа, первый кабардинский ученый должен был обратиться к устному народному творчеству, так как другие источники не давали ему даже смутного представления о жизни народа в прошлом. «В нашем народе, как не имеющем письмен, предания, по-прежнему передаваясь из уст в уста, существуют лишь изустно, – писал в своем предисловии Ногмов. – Многие из них, под названием *сказаний старцев*, повествуются и теперь, и места, где происходили описываемые в них дела, сохранили названия, напоминающие или имена действующих лиц, или же подробности самого события.

Вместе с преданиями до нас дошли и старинные песни. Они поются при всех сборищах по решению общественных вопросов, при полевых работах и вообще по окончании дневного труда». Историк указывает, что содержанием этих произведений была борьба с иноплеменниками, героические подвиги, междоусобия и распри. И далее Ногмов пишет: «Имею часто случай участвовать в общественных беседах, я с жадностью слушал повествования наших стариков и с течением времени успел собрать множество слышанных от них преданий, песен... Из всего собранного мною мне удалось составить хотя краткую, но довольно ясную картину минувшей жизни адыгейского народа...»¹

Большой интерес представляет VII глава этой истории, написанная целиком на основе устнопоэтических произведений и раскрывающая исторические воззрения народа на явления национального прошлого. В этой главе автор говорит о непоколебимой вере кабардинского народа в мудрость и силу русского народа. Подробно рассказывая о добровольном вхождении Кабарды в Россию и о том, что это присоединение оберегало Кабарду «от притязаний и хищничества иноплеменников», Ногмов подчеркивает, что «...более всего народ был обрадован союзом и покровительством России». «Память союза и дружества с русскими сохранилась, – пишет Ш. Ногмов, – по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит: тхао Цар-Иван хоттуа, т. е. «присяга», которая перед царем Иваном»². В данном случае важно вспомнить, что пословицы и поговорки отображали только «...события, наиболее поражавшие воображение современников или имевшие важное влияние на общий ход дел в целом крае...»

А. М. Горький писал: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного...»³ Кабардинский фольклор иллюстрирует это положение Горького весьма убедительно. В исторических преданиях и песнях, записанных Ш. Ногмовым, одобрительно истолковывается политическая и военная деятельность Темрюка, как выразителя воли народа в борьбе за объединение раздробленной Кабарды и вхождение ее в Россию.

Храбрость кабардинского войска и его предводителя Темрюка за-

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа.

² Более удачно, на наш взгляд, эту пословицу переводит Х. Теунов: «Поклянись именем царя Ивана».

³ Горький М. О литературе. М., 1955. С. 738.

мечательно показана в песнях, отражающих совместную борьбу русских и кабардинцев против общего врага – Девлет-Гирея. Вот одна из них:

*Протекло семь дней в ожидании неприятеля,
И не видно, и не слышно ничего в степи,
Войско наше стоит праздно на водах Ахупса.
Спасибо доброму царю; он известил нас
О приближении неприятеля, и доблестный князь
Темрюк готов разить общего врага. Возгорелась
Сеча жестокая, и стрелы крымские летят
В Темрюка, подобно зимнему инею,
Убеляющему поля и деревья. Но одна
Роковая стрела отыскала путь для пронзения
Храброго князя, и так глубока была
Рана, что трудно было ее (стрелу) вынуть.*

И далее Ногмов уже своими словами пересказывает концовку песни: «По выздоровлении своем князь Темрюк немедленно собрал кабардинцев и спешил идти на помощь к царю русскому, с которым и соединились близ Азовского моря. Царь весьма благодарил князя Темрюка за его верность и щедро наградил кабардинцев». Народные произведения, включенные Ш. Ногмовым в «Историю адыгейского народа», выполняли исключительно важную общественную функцию. Они пропагандировали идео входения Кабарды в Россию и воспитывали чувство уважения к великому северному соседу.

В памяти кабардинского народа сохранилось имя Жабаги Казанок, одного из умнейших адыгов XVII века, страстного поборника дружбы кабардинского и русского народов. В преданиях он неизменно выступает справедливым, честным, благородным.

Одно из сказаний повествует о том, как к старшему князю Асланбеку Кайтукину приехали турецкие и крымские послы. Они стали спрашивать Асланбека: «Зачем адыги пошли с русскими?» Асланбек, не зная, что ответить, пригласил на помощь умного Жабаги. «Чтобы узнать, что думают адыги, – сказал мудрец, – надо спросить их самих. Я спрошу». И уехал в аулы. Вернулся только через неделю. Турки по-прежнему сидели в кунацкой. Вошел Жабаги и заявил: «Вы хотите знать, что думают адыги? Я ездил по аулам и спрашивал всех встречных – и старцев, которые уже не в силах накинуть на плечи бурку, и юнцов, гарцующих на палке, и джигитов, которые могут на всем скаку выстрелом подкову с коня сбить. Все они дали мне один ответ: “Зачем нам искать дальнего родственника, когда у нас рядом добрый и сильный старший брат. Двух равно старших не может быть”. Вот что думают адыги».

Не менее интересно и другое предание. Однажды спросили у Жабаги: «Кто твой брат?» Жабаги ответил: «Мой сосед – мой брат». – «А кто твой сосед?» – «Россия», – ответил Жабаги. «Если твой сосед в дружбе с тобой, тебе повезло».

Немногим более ста пятидесяти лет отделяет нас от того времени, когда первый кабардинский историк и литератор Шора Ногмов вдохно-

венно написал: «...придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию...»

Если бы взору Шоры Ногмова представился весь блеск культурных и других достижений, с которыми пришла Кабардино-Балкария к 455-летию своего добровольного вхождения в состав России, то вряд ли он поверил бы в их реальность. В самом деле, некогда забитый, темный, национально угнетенный, не имевший своей письменности, экономически убогий край превратился в цветущую республику, развивающую свою промышленность, обильно оснащенную сельскохозяйственной техникой, целиком ликвидировавшую неграмотность, имеющую театры, большую сеть учебных заведений, в которых обучаются на родном языке тысячи детей, юношей и девушек. Ясное представление о степени интеллектуального роста кабардинского и балкарского народов дает современная литература.

Белинский писал: «Рассматривая литературу какого бы то ни было народа, невозможно отделить ее развитие от развития общества... Посему мало было того, чтобы явился поэт: сперва нужно, чтоб было для кого явиться ему, чтоб были люди, которые уже слышали и кое-как понимали, что за человек – поэт».¹

Небольшой поначалу отряд кабардинских и балкарских писателей теперь окреп, вырос и продолжает неуклонно расти. Современный этап развития литературы Кабардино-Балкарии характеризуется разнообразной тематикой и значительными попытками правдивого отображения действительности, многогранность которой обуславливает широкое разнообразие жанров. Одно и почетных мест в нашей современной литературе принадлежит теме братской дружбы народов нашей страны и прежде всего – дружбы русского народа с кабардинским и балкарским народами.

Сейчас уже можно определить основные линии в разработке этой темы. Нам кажется, эти линии таковы: изображение исторического развития кабардинского и балкарского народов в связи с общерусским историческим процессом; показ передовых русских людей как помощников и учителей, влияние передовой русской мысли на развитие кабардинской и балкарской интеллигенции.

Наиболее определившийся и богатый жанр в литературе нашей республики – поэзия, имеющая многовековые традиции и обогащенная опытом великой русской литературы и других братских литератур.

В этом жанре создавали свои произведения основоположники кабардинской литературы: Бекмурза Пачев, Али Асхадович Шогенцуков, создавали великолепные образцы лирики Алим Кешоков, Адам Шогенцуков; основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев, блистательный Кайсын Кулиев, балкарские писатели и поэты Керим

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 126.

Отаров, Саид Шахмурзаев, Танзила Зумакулова; большой теплотой и задушевностью отличается творчество поэта Бетала Куашева, не потеряло своей значимости и творчество наших современников.

Уже в творчестве народных певцов Бекмурзы Пачева (1854-1936) и Кязима Мечиева (1859-1945) значительное внимание уделено теме дружбы народов. Изучение ранних произведений этих поэтов дает право утверждать, что на их творчестве сказалось влияние освободительной борьбы против царизма и эксплуататоров, которую кабардинцы и балкарцы вели под руководством русского народа. Пачев и Мечиев, бесспорно, были одними из тех деятелей литературы, кто действительно выстрадал победу революционных преобразований в нашей стране. Их книги стихов изданы в Москве и славят великую дружбу народов, рассказывают, какие страстные и поистине благородные сердца интернационалистов имели эти чудесные самородки кабардинского и балкарского народов.

Широко и поэтически зрело воспел дружбу народов классик кабардинской литературы А. А. Шогенцуков, посвятивший этой теме много проникновенных строк. Произведения поэта показывают, что он любил русский народ верной и неизменной любовью. Шогенцуков глубоко знал, ценил и любил русскую классическую и современную литературу. Большой интерес представляют его высказывания о Пушкине, Лермонтове, Горьком и Маяковском. Поэт постоянно подчеркивал, что сочинения русских писателей оказали большое влияние на его литературное развитие.

«Когда я научился читать по-русски и впервые открыл томик стихов Пушкина, у меня было такое ощущение, словно я поднялся на вершину высокой горы и увидел оттуда весь мир прекрасного. Сколько света, воли, захватывающей душу радости! От счастья у меня слезы выступили на глазах. Я ходил очарованный мерными строфами чудесных стихов, они плавно колыхали мою душу, как светлая морская волна колышет челнок. И мир заиграл передо мною множеством красок, которых я не видел ранее. И с каждым разом это очарование усиливалось. Прочитав пророческое стихотворение «Памятник», где великий поэт с ясной уверенностью предсказал, что его имя в будущем назовут все народы нашей необъятной страны – «И назовет меня всяк сущий в ней язык», – я в каком-то неудержимом восторге воскликнул: «Я тоже называю тебя, Пушкин! Я люблю тебя».

Творчество гения русской литературы Шогенцуков воспринимал как выражение могущества и гения русского народа:

*Русский народ солнцеликий
Был нам опорой в беде,
Сблизиться с Русью великой
Жаждали все в Кабарде.
Пушкина песни живые
Стали родными для нас...*

Вслед за Пушкиным кабардинский поэт всегда называл дорогое ему имя Лермонтова: «Он, незабвенный друг наш, отстаивал оружием своих поэм бедную долю горцев. Братство народов он чтил».

В поэме «Моя родина» есть замечательное четверостишие, посвященное гениальному певцу Кавказа – русскому поэту:

*Дорог земле Кабардинской
Самый родной из родных –
Лермонтовский, исполинский,
Дружбу прославивший стих...*

В творчестве А. М. Горького кабардинский поэт черпал силы и вдохновение для труда и борьбы. «Своими рассказами, – говорит Шогенцуков, – Горький учил меня понимать простую, глубоко человеческую жизнь людей труда. Он учил меня уважать и любить человека и ненавидеть все, что мешает нам строить прекрасную, справедливую жизнь». Это признание подкрепляется практической деятельностью поэта. Шогенцуков первый в кабардинской литературе показал, что народ – подлинный творец истории, создатель всех материальных и духовных ценностей. В поэмах «Камбот и Ляца», «Мадина» поэт нарисовал простых людей, крестьян, богато одаренных, трудолюбивых, проявляющих благородные, истинно человеческие чувства, высокие моральные качества.

С большим вниманием Шогенцуков относился к творчеству Маяковского. Поэт сам об этом говорил со всей определенностью: «Для меня связь с русской советской поэзией и прежде всего с Маяковским необходима, как глаза для наблюдения, как кислород организму, как кровь мышцам, как мозг в моем нелегком поэтическом труде». При различии в стиле, характере творческих исканий Шогенцуков близок Маяковскому чуткостью к общественно-политическим запросам времени.

Талантливо и глубоко разработана тема дружбы русского и кабардинского народов в творчестве Алима Кешокова. Круг тем, волнующих поэта, весьма широк. Но через все творчество Кешокова, как бы сопутствуя идейному росту и развитию его дарования, проходит постоянно развивающаяся тема дружбы народов. Поэмы «У подножья гор», «Дары народов», «Тисовое дерево», стихи «Братство», «Пушкин в ноябре 1941 года», «Привет Москве», «На Красной площади», «Лермонтов», Слово Родины – таков далеко не полный перечень поэтических произведений Кешокова, посвященных этой теме. Поэт горд тем, что «Кабарда плечом к плечу с Россией вместе шла сквозь огромные года».

Достижения русского народа во всех областях науки и культуры стали достоянием всех трудящихся нашей страны. Именно этим и объясняется тот факт, что магистральной темой наших литератур и устнопоэтического творчества стала тема дружбы кабардинского и балкарского народов с русским народом.

А. С. ПУШКИН

Великий русский критик В. Г. Белинский так определил роль и значение Пушкина как первооткрывателя Кавказа в русской литературе: «...С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценною кровию сынов ее и подвигами ее героев. И Кавказ – эта колыбель поэзии Пушкина – сде-

делался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...»

До появления пушкинского «Кавказского пленника» Кавказ был как бы белым пятном на карте молодой русской литературы. Беглые упоминания о Кавказе читатели встречали в одах М. В. Ломоносова, в стихотворной повести «Бова» А. Н. Радищева и в его поэме «Песнь историческая». Кавказу посвящены «Стихи на покорение Дербента» и ода «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В. А. Зубова» Г. Р. Державина, где впервые в русской поэзии дано описание кавказской природы. Кавказу и кавказцам посвятил В. А. Жуковский несколько стихов в «Послании к Воейкову».

Первая поездка Пушкина на Кавказ относится к 1820 году, то есть к тому времени, когда в России нарастало движение декабристов. Хотя молодой поэт и не входил в тайные общества, но, по словам его друга П. А. Вяземского, Пушкин «жил и раскалялся в этой кипучей вулканической атмосфере». Вольнолюбивые стихи Пушкина, своего рода прокламации, зовущие к борьбе с самодержавием и крепостничеством, вызвали гнев Александра I и ссылку поэта на юг России, в Екатеринослав, в распоряжение «главного попечителя колонистов южного края» генерала Инзова.

В Екатеринославе Пушкин тяжело заболел. В жалкой лачуге лежал он в полном одиночестве.

Герой войны 1812 года генерал Н. Н. Раевский, проезжавший с семьей на Кавказ, был потрясен беспомощным состоянием больного. С разрешения генерала Инзова он взял Пушкина с собой.

В начале июля 1820 года в Ставрополе Пушкин увидел на краю неба облака. Это были снежные вершины Кавказского хребта. Они поразили его. Через Георгиевск Пушкин вместе с Раевскими проезжает на Горячие Воды (ныне Пятигорск).

Кавказ произвел на Пушкина сильное впечатление. «Жалею, мой друг, – писал Пушкин брату Льву, – что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх Пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии – любопытен во всех отношениях». Могучая

сила новых, ярких впечатлений, прежде всего пробудила поэтическое вдохновение Пушкина.

На Кавказе Пушкин задумал поэму «Кавказский пленник», которую начал писать в Гурзуфе. По первоначальному замыслу поэта действие поэмы должно было происходить на Тереке. «С вершин заоблачных бесснежного Бешту, – сообщал он поэту и знаменитому переводчику Н. И. Гнедичу в марте 1821 года, – видел я только в отдалении ледяные главы Кавказа и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа – я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца». Но Пушкин отказывается от этого замысла вследствие незнакомства с этим краем и в окончательной редакции переносит действие на Кубань, в Черкессию. Однако следы первоначального замысла явственно выступают и в окончательном тексте поэмы. В «Черкесской песне» девушки-горянки трижды упоминают о чеченце («Чеченец ходит за рекой»), черкешенка поет пленнику «песни Грузии счастливой».

В одном из писем Пушкин в предельно сжатой форме определил содержание своей поэмы. «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести», – утверждал поэт.

Сюжет поэмы был подсказан Пушкину самой жизнью. Забытый сейчас романист Д. Л. Мордовцев в романе «Железом и кровью» нарисовал сцену в Пятигорском духане, где Пушкин с большим вниманием слушал рассказ старого инвалида о его пребывании в плену у черкесов.

На Кавказе Пушкин, несомненно, слышал не одну историю о пребывании в горском плену русских офицеров и солдат, рассказанных бывальными воинами.

Кавказская поэма Пушкина отличается большим реализмом. Известный кавказовед В. П. Пожидаев заявлял, что «русские военные пленники, как знатоки своего дела... ценились горцами, и последние не мало прилагали усилий, чтобы удержать нужного пленника в своей среде, сделать его своим единоплеменником и другом, и в этих случаях немалую (если не главную) роль играли горские девушки». Бывали отдельные случаи, когда чары «дев гор» пленяли русских и они оставались в горах, меняя веру. Последствиями этого могли явиться чисто русские фамилии среди кавказских горских племен. В Черкессии фамилия Семеновых, если верить преданию, ведет свой род от беглого русского солдата Семена. У осетин есть фамилия Беликовых, которая считает своим родоначальником некоего Беликова. В Кабарде фамилия Урусбиева ведет свою линию от пленного русского (уруса). В Чечне название аула «Урус-Мартан» произошло от «Русский Мартын», якобы названного так в память о беглом солдате-артиллеристе.

Пушкин обо всем этом слышал и от старого генерала Раевского, который в конце XVIII века служил на Кавказе, и от Александра Раевского, родившегося на Кавказе и служившего адъютантом Ермолова. Вот почему в его поэме молодая девушка-мусульманка ходит по ночам на свидание к пленному, развлекает его песнями, а суровые, ревнивые к родовой чести родители не замечают ее ночных походов. Такую

вольность можно объяснить исключительно желанием поймать на при- манку молодого и ценного пленника – «гяура», смелости которого

*Черкесы грозные дивились
И шепотом между собой
Своей добычею гордились.*

Хорошее знание Пушкиным кавказской действительности показы- вают беглые строки в первой главе «Путешествие в Арзрум», являющи- еся несомненным отзвуком пребывания поэта на Кавказе в 1820 году: «Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различали и пастуха, быть может русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе».

Описывая в своей поэме быт и нравы «Кавказа гордых сынов», Пуш- кин смотрел на Кавказ не глазами сторонника царского самодержавия, а глазами передового человека своего времени. Не случайно описания жизни горцев в поэме пронизаны особенной теплотой, чувством глубо- кого уважения к ним, к их нравам, обычаям и привычкам.

Большое место в «Кавказском пленнике» занимает тема свободы. Герой поэмы на родине познал «людей и свет», «в сердцах друзей нашед измену, в мечтах любви безумный сон». Пленник без сожаления покидает Север – бежит от «презренной суеты», от «неприязни двуязычной».

*И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.
Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.*

Попав в плен к черкесам, пушкинский герой восхищается отвагой горцев, сочувствует их борьбе за свободу и независимость. В эпилоге «Кавказского пленника» сам поэт восклицает:

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!*

Пушкин впервые попал на Кавказ в очень суровое и тревожное время. Обстановка на Кавказе и в особенности в Закавказье была чрезвычайно сложной. Перед народами Кавказа, как никогда, со всей остротой встал вопрос об их дальнейшей судьбе: либо подпасть под власть иранского шаха и турецкого султана, либо присоединиться к России, где уже скла- дывались капиталистические отношения, развивались промышленность и торговля, на высоком уровне находилась культура.

Эпилог «Кавказского пленника» показывает, что Пушкин, как и все передовые люди его эпохи, понимал, что присоединение Кавказа к России является исторически прогрессивным делом. Молодой поэт ясно представлял себе значение этого акта для развития экономики и культуры народов Кавказа.

Упоминание имен Цицианова, Котляревского и Ермолова в эпилоге «Кавказского пленника» носило политический характер: оно было направлено против хищнических притязаний на Кавказ английских, иранских и турецких захватчиков. Пылкий Цицианов, отмеченный за храбрость еще Суворовым и предательски убитый в 1806 году Гуссейн-Кули-ханом в Баку, 30 июня 1804 года нанес сильное поражение на реке Занге 27-тысячной иранской армии под командованием наследника иранского престола Аббас-Мирзы. Котляревский – тоже известный полководец. 20 октября 1812 года у Асландузского брода он с двухтысячным отрядом внезапно напал на вторгшуюся в пределы Кавказа 30-тысячную иранскую армию Аббас-Мирзы, во главе которой стояли английские инструкторы, и разгромил ее наголову. Котляревскому и его воинам достались весь лагерь, знамена, одиннадцать английских орудий, 36 фальконетов. В числе убитых было много важных чинов и между ними английский майор, управляющий персидской регулярной пехотой и всеми военными действиями. Имя Ермолова, овеянное славой Отечественной войны 1812 года, также о многом должно было говорить врагам России, претендентам на завоевание Кавказа. Оно звучало как грозное предупреждение...

Однако не это составляет основной пафос эпилога «Кавказского пленника»: как мы говорили выше, Пушкин был твердо убежден в великой прогрессивной миссии русского народа на Кавказе. Присоединение кавказских народов к России, приобщение к великой русской культуре должно было привести к тому – Пушкин был в этом твердо уверен, – что Кавказ

*Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.*

Поэма «Кавказский пленник» сыграла большую роль в истории русской литературы. «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен в русской поэзии, – писал В. Г. Белинский о «Кавказском пленнике», – и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым с Россией по оружию».

По переписке Пушкина с друзьями можно судить, как зорко следил и отмечал поэт все, что появлялось более или менее ценного о Кавказе. Так, в 1825 году в письме к поэту-декабристу А. А. Бестужеву Пушкин спрашивал: «Кстати, кто писал о горцах в «Пчеле»? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображенья? Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде, – поэма моя была бы лучше...».

В своем творчестве в это время Пушкин постоянно обращается к Кавказу. Он пишет стихотворение «Я видел Азии бесплодные пределы», где воспекает

*...Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!..*

В поэме «Бахчисарайский фонтан» поэт создает пленительный образ «звезды любви» – красавицы Заремы, которая «близ Кавказа рождена». В известном стихотворении «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор») Пушкин обращается к Кюхельбекеру с призывом:

Поговорим о бурных днях Кавказа...

С Кавказом связаны стихи: «В. Ф. Раевскому» («Ты прав, мой друг, – напрасно я презрел»), «Ответ Ф. Т.» («Нет, не черкешенка она»), «Ее глаза», незаконченные стихи «Зачем раздался гром войны», «Мой пленник вовсе не любезен», незавершенный план повести о Мстиславе... Этот постоянный интерес к Кавказу вызвал обращение Пушкина к Корану. В Михайловском уединении поэт создает чудесный цикл «Подражаний Корану». Рылеев нашел эти стихи превосходными. Белинский назвал «Подражания Корану» блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина.

Вторая поездка поэта на Кавказ отделена от первой крупнейшим историческим событием – восстанием декабристов.

Разгром восстания на Сенатской площади потряс Пушкина до глубины души, трагическая судьба лучших сынов России мучила поэта. «Повешенные повешаны, – писал он, – но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Долго потом Пушкин в своих черновиках рисовал виселицу с пятью трупами...

На Кавказе тянули солдатскую лямку многие декабристы – друзья Пушкина. Вот почему поэт, задышавшийся в удушающей атмосфере николаевской реакции, решается в 1829 году на самовольную поездку на Кавказ.

1 мая 1829 года Пушкин выехал из Москвы. По дороге сделав двести верст лишних, заехал в Орел, чтобы проведать попавшего в опалу генерала Ермолова.

Миновав Ставрополь и Георгиевск, поэт по Военно-Грузинской дороге направился в Тифлис. Дорога привела его в восторг. Тифлис привлек его своим многолюдьем: армяне, грузины, черкесы, персияне теснились в узких и кривых улицах. Тифлиscopy гостеприимно встретили Пушкина, но он торопился в армию. Россия воевала с Турцией (1828-1829). В армии графа Паскевича, наступавшей на Арзрум, командиром Нижегородского драгунской полка служил старинный друг Пушкина Н. Н. Раевский-младший, адъютантом которого был брат поэта – Лев.

В Армении, близ крепости Гергеры, поэта ожидала печальная встреча. «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге, – вспоминал Пушкин в своем произведении «Путешествие в Арзрум». – Несколько грузин сопровождали арбу. – Откуда вы? – спросил их. – Из Тегерана. – Что везете? – Грибоеда. – Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

27 июня русская армия заняла Арзрум. В палатке Паскевича поэт встретился с пленными турецкими пашами. Эта встреча картинно описана Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». «Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пущин дал мне титул

А. С. Пушкин и Ш. Б. Ногмов. Встреча в Пятигорске

поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются».

«...Выходя из... палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке с дубиною в руке и с мехом за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали».

Сколько горькой иронии в этом кратком описании второй встречи. Но в этой горькой иронии ясно чувствуется суровая правда о положении всеми признанного поэта в царской России.

Возвращаясь в Россию, в августе Пушкин на несколько дней останавливался в Тифлисе и Пятигорске. Здесь он встречался с первым кабардинским ученым и просветителем Шорой Ногмовым.

«Рассказывают еще некоторые кабардинцы, – писал биограф Ногмова А. П. Берже, лично знавший Ногмова, – что он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске; что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову переводы песен с адыгейского языка на русский язык».

Вторую поездку на Кавказ поэт запечатлел не только в знаменитом «Путешествии в Арзрум», но и в ряде чудесных стихотворений: «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии», «Дорожные жалобы», «Дон», наконец, «Отрывки из путешествия Онегина». Выразительно дан горный пейзаж в стихотворении «Кавказ», где описание Терека приобретает глубокое аллегорическое значение.

*Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.*

Сокровенный, политический смысл этой аллегии раскрыт в заключительной, отброшенной Пушкиным по цензурным условиям строфе:

*Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...*

В 1829 году Пушкин набросал план какого-то повествовательного произведения о русской девушке и черкесе.

«Станица – Терек – за водой – невеста – черкес на том берегу – она назначает ему свидание – тревога – бабы берут черкеса в плен – отсылают в крепость – обмен – побег девушки с черкесом».

К этому плану примыкает отрывок текста:

*Полюби меня, девица...
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.
Твой жених теперь далече...*

В сентябре 1831 года Пушкин приступает к работе над романом «На Кавказских водах», в основу которого легли его кавказские впечатления.

К числу выдающихся произведений Пушкина, посвященных кавказской тематике, относится неоконченная поэма о Тазите. Над этой поэмой Пушкин работал в 1833 году. Действие поэмы развивается в Кабарде. В основе произведения – конфликт между идеями христианства, проникавшего в горскую среду через миссионеров в эпоху колонизации Кавказа, и старинными, сурово-первобытными адатами, основанными на Коране. Адыг («адех») старик Гасуб свято чтит заветы старины. Его постигает большое горе: старший сын

*Рукой завистника убит
Вблизи развалин Тартаруба.*

По законам гор убийца должен понести самое суровое возмездие. Отмстить за кровь брата должен младший сын Гасуба – Тазит, воспитанный по законам адата в чужой семье, у аталыка, в Чечне (т. е. на Тереке). Отец трижды посылает сына с этой целью к русской границе, но Тазит не оправдывает надежд Гасуба. Он равнодушен к воинской славе, к деньгам и рабам, не мстит убийце брата, жалеет кровника, потому что

*...Убийца был
Один, изранен, безоружен...*

Отец проклинает Тазита за трусость и изгоняет его. Тазит возвращается в близкую ему среду чеченцев, где он прожил, находясь на воспитании, тринадцать лет. Здесь он снова встречается любимую девушку, на которой хотел жениться. Тяжела и безрадостна эта встреча, изображенная на фоне удачных игр молодых чеченцев.

*Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный.
Она любовница его...*

Тазит приходит к старику-чеченцу сватать любимую девушку. На этом поэма обрывается.

Поэма «Тазит» поражает своим реализмом. Образ старого адыга Гасуба покоряет своей суровой правдой. В бытовых сценах хорошо нарисовано своеобразие горской жизни: похоронный обряд, аталычество, куначество, законы кровной мести.

Существует предположение, что образ Тазита близок к известному просветителю кабардинского народа Ш. Ногмову. Современный исследователь Б. Горданов пишет, что Пушкин, по-видимому, был лично хорошо знаком с Шорой Ногмовым и дал в своей поэме хотя и не законченную, но исключительно яркую и глубокую характеристику внутреннего мира и нравственных качеств человека, по своему духовному облику весьма близкого к знаменитому кабардинцу.

Незаконченная поэма о Тазите была опубликована уже после гибели Пушкина, в 1837 году, в седьмой книжке журнала «Современник» под произвольным заглавием «Галуб». В рукописи поэма заглавия не имеет. Так назвал поэму Жуковский, неверно прочитав имя отца Тазита.

Белинский высоко оценил эту поэму Пушкина. «Если ее разделяет от «Кавказского пленника» промежуток только десяти лет, – восклицал критик, – какой великий прогресс! И что бы написал нам Пушкин, если б прожил еще хоть десять лет!..»

А вот что Белинский писал о Тазите: «Он был могуч и молод, у него много было отваги и храбрости, но он жалел бежавшего раба, не мог убить израненного и обезоруженного врага: он не был чеченцем, и в его сакле поселился бы голод... И за то он отвержен; отвержена и та, которая имела несчастье полюбить его! Что с ними стало, нам не интересно знать. Они должны погибнуть – это верно; но как погибнуть, что до того!.. Следовательно, поэму можно считать целою и оконченною. Мысль ее видна и выражена вполне».

Великий русский поэт в полном смысле этого слова был первооткрывателем Кавказа в русской литературе. Добившись с большим

трудом в 1836 году возможности издавать журнал «Современник», Пушкин в первом же томе журнала печатает повесть «Долина Ажитугай», принадлежавшую перу горца Султана Казы-Гирея. В послесловии к повести издатель «Современника» писал: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке».

Белинский приветствовал инициативу Пушкина. «Долина Ажитугай», – писал великий критик, – примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов».

Совершенно иначе к этой инициативе отнесся Бенкендорф. Шеф жандармов объявил Пушкину выговор за помещение повести «Долина Ажитугай» без разрешения командира лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона, в котором автор произведения служил корнетом.

Несмотря на постигшие его неприятности, Пушкин в следующем втором томе своего журнала опубликовал новое произведение Казы-Гирея «Персидский анекдот».

В 1836 году, работая над своим знаменитым произведением «Памятник», которое является поэтическим завещанием великого русского поэта, Пушкин в черновом варианте после строки «И назовет меня всяк сущий в ней язык» написал:

*И внук славян и финн, грузинец, ныне дикой
Черкес, киргизец и калмык.*

Значение творчества А. С. Пушкина, в том числе и его кавказских произведений, поистине велико и огромно.

«Ни один поэт не имел на русскую литературу такого многостороннего, сильного и плодотворного влияния, – писал В. Г. Белинский. – Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные формы, сдружил ее впервые с русской современностью, обогатил идеями, пересоздал язык...»

Великий поэт сочувствовал борьбе кавказских горцев за национальную независимость. Но в то же самое время Пушкин понимал, что присоединение Кавказа к России являлось исторически прогрессивным делом.

В одно время с Пушкиным создавал произведения о Кавказе Грибоедов. После замечательных произведений Пушкина Кавказ, темы из кавказской жизни прочно входят в русскую литературу. Разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ А. Полежаев создает на кавказском материале поэмы: «Эрпели», «Чир-Юрт», «Герменчугское кладбище», стихи: «Ночь на Кубани», «Казак», «Тарки», «Акташ-Аух», «Песнь горского ополчения», «Ахалук». Достойный преемник Пушкина – Лермонтов – делает Кавказ своею поэтической родиною, воспевая бурный Терек, и пишет такие шедевры, как «Герой нашего времени», «Мцыри» и «Де-

мон». Наконец, Л. Н. Толстой создает исполненные художественного реализма и жизненной правды «кавказские» рассказы и повести.

Творчество Пушкина и его великих преемников, сделавшее тему Кавказа органической темой русской литературы, оказало большое благотворное влияние на литературу всех братских народов Кавказа.

«Мстислава древний поединок...»

Зряд впечатлений, полученный поэтом у «знойной границы Азии», не был исчерпан «Кавказским пленником». В эпилоге поэмы, рисуя фантастический полет своей музыки к «пределам Азии», он намечает круг тем, которые могли еще вылиться из-под его пера в виде новых творений, в том числе и «Мстислава древний поединок».

В примечаниях к поэме Пушкин счел необходимым сделать пояснение: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См.: Ист. Гос. Росс. Т. II».

Последуем пушкинскому совету и обратимся к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В разделе, посвященном событиям 1022 года, историк пишет: «Через несколько лет Мстислав объявил войну касогам, или нынешним черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину, – сказал он Мстиславу, – одолей меня, и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы князя российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу – низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных».

Здесь Карамзин передает события так, как они изложены в первом общерусском летописном своде – «Повести временных лет», составленной на основе более ранних летописей, преданий, повестей и сказаний – исторического, а иногда и сказочного, легендарного характера. «Повесть» приводит еще и ту подробность, что Мстислав, обратившись в роковой миг к помощи богородицы, обещает построить церковь во имя ее («О пречистая богородице, помози ми; аще бо одолою сему, съзижу церковь во имя твое»). Одержав верх в поединке, князь выполнил свое обещание («И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя богородица, и созда ю, яже стоит и до сего дне Тмуторокани»).

Также и безвестный автор «Слова о полку Игореве» отдал дань памяти «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожькыми».

Расскажем подробнее о русском витязе, будившем поэтическое воображение Пушкина.

Мстислав Храбрый (или Удалой) – внук киевского князя Святослава, сын Владимира Святого и младший брат Ярослава Мудрого. Получил в княжение Тмутаракань и в 1022 году совершил поход «на касоги», кото-

рый и окончился счастливым для него поединком с касожским князем Редеею. В 1023 году, по словам летописца, «пойде Мстислав с козары и с косаги на великого князя Ярослава» (козары – хазары, а касогами русские летописи называли черкесов). Под Лиственном (недалеко от Чернигова) на берегах реки Руды он разбил своего старшего брата Ярослава, но потом заключил с ним соглашение, по которому оставил за собой все земли к востоку от Днепра. «Искреннее согласие двух государей российских, – сообщает Карамзин, – продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал, ужасный для врагов, славился милостью к народу и любовью к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что государь не золотом наживает витязей, а с витязями золото. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмутаракане, созданный им в знак благодарности за одержанную над касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем князе: там хранились и кости его в Нестерове время. Мстислав, по словам летописи, был чермен лицом и деibel телом; имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя».

Известно также, что Мстислав с дружиной совершил два военных похода в Закавказье – в Ширван. Спустившись на ладьях по Куре и вдоль берега Каспийского моря, он достиг стен Баку, однако крепость взять не смог.

Имя касожского князя Редеди встречается в русских летописях. В родословных книгах сказано, что Мстислав, убив его, взял двух его сыновей, крестил и назвал одного Юрьем, а другого Романом. За последнего выдал свою дочь. Так кровь Редеди, пролитая некогда Мстиславом, смешалась с кровью русских князей и бояр.

Теперь обратимся к источникам противоположной стороны – в данном случае к «Истории адыгейского народа» кабардинского просветителя и поэта Шоры Ногмова, сообщающей о походе адыгейских племен на Гамтаракай (Тмутаракань). Попутно же заметим, что сам Ногмов появился на свет в родовом имени близ горы Юцы (Джуцы) в окрестностях Пятигорска (название горы – кабардинское и означает «туша»), а с Пушкиным, по сведениям А. П. Берже, он познакомился именно в Пятигорске и «содействовал поэту в собирании местных преданий». Впрочем, этот пушкинский эпизод в биографии Ногмова документального подтверждения до сих пор не имеет. Зато доподлинно известно, что именно в Пятигорске с Шорой познакомился другой (не столь, правда, знаменитый) русский поэт – Степан Дмитриевич Нечаев, опубликовавший свои воспоминания об этой встрече в «Московском телеграфе» в 1826 году. Здесь же приводится и краткая характеристика поэтическим увлечениям кабардинского сочинителя: «В стихотворениях

кабардинских, древних и новых, не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образу арабских и персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное».

Интерес Шоры к разысканиям в родной истории с годами только рос. О столкновении своих дальних предков с дружиной Мстислава он сообщает следующее: «Тамтаракайцы вышли к ним навстречу со своим ополчением; когда обе армии сблизились, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у Тамтаракайского князя бойца и говорил ему: «Чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь Тамтаракайский решился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом. Происшествие это прекратило войну, и адыгейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия».

О самом Редее говорит, что «не было в адыгейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: ой, Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя махо! – т. е. «Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!» Эту песню и ныне поют во время свадьбы, жатвы или сенокоса, когда народ бывает в сборе.

Исторический труд Ногмова, составленный по преданиям кабардинцев, издан более 130 лет назад, однако свадебный припев, о котором он пишет, можно услышать у горцев и в наши дни, а иногда, в несколько искаженном и упрощенном виде (о, райда, райда) и у русскоязычного населения Северного Кавказа. Но не все здесь так просто. То, что в нем звучит имя Редеди, не раз ставилось под сомнение, равно как и сам рассказ его, что кабардинские предания сохранили память о давнем поединке. Считали, что Ногмов излагал события слишком близко к русским летописным источникам и версия о том, что «черкесы помнят о Редее, не более, как миф, – результат простого недоразумения: неверного истолкования припева к свадебным песням» (Н. С. Трубецкой). Другие же склонялись к правоте кабардинского историка и в звуках припева слышали прорвавшийся сквозь толщу столетий отголосок реальных событий, разыгравшихся когда-то у склонов Кавказа.

Спустя несколько лет после гибели Редеди, как повествует Ногмов, адыгейцы собрали большое войско, подкрепленное шестью тысячами оссов (осетин), и после упорной борьбы овладели Тамтаракаем. Захватив богатую добычу и множество пленных, они вернулись домой. С той поры у адыгейцев существует пословица: «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят бранясь: «Будь ты Тамтаракаем!»

Но вернемся к поэтическим замыслам Пушкина. «Преданья темной

старины») имели над ним несомненную власть. Имя Мстислава (как возможного героя поэмы на исторический сюжет) он упомянул еще раз – в письме от 23 февраля 1825 года к Н. И. Гнедичу, завершившему в то время перевод «Илиады» Гомера: «...Отдохнув после «Илиады», что предпримите Вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от Вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается невоспетая, писали Вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту». (Последняя фраза представляет собой измененные слова из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «История народа принадлежит царю».)

К этому времени Пушкин уже написал «Песнь о вещем Олеге», сюжетом которой послужил летописный рассказ, почерпнутый поэтом в первом томе той же «Истории...». Успех поэмы «Руслан и Людмила», воскрешающей «дела давно минувших дней», а потом и ошеломляющий успех «Кавказского пленника», открывшего читающей России «великолепные картины» Кавказа, – все это могло подтолкнуть Пушкина к мысли объединить историческую тему с кавказской в пределах одного поэтического сюжета, и выбор здесь пал именно на «Мстислава». К тому же, как замечает исследователь, «бой Мстислава с Редедей... привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 г.»

В 1822 году Пушкин сделал наброски плана новой поэмы, как бы очертив еще неясные контуры будущего сюжета, заставляющего вспомнить некоторые ситуации и мотивы «Руслана и Людмилы». Действие начинается в Киеве, когда князь Владимир делит Россию на уделы. Дальше же идет волшебная, приключенческая сказка, финал которой (как и в «Руслане») возвращает нас к событиям, близким к исторической реальности, – набегу печенегов.

Мстислав же «увлечен чародейством в горы Кавказские»: в него влюбляется царевна косогов и увлекает его в сражении за собой под видом косога, убившего его друга. В сущности, Пушкин отходит от замысла о реальном единоборстве Мстислава, в набросках нет даже имени Редеди, а сфантазированный поединок происходит с обернувшейся косоожской царевной. В сюжет вплетается линия Ильи Муромца, встречающегося со своим сыном.

Трудно судить о том, что из этих отрывочных набросков получилось бы в окончательном варианте, твердо мы знаем лишь то, что замысел о Мстиславе не был осуществлен. Поздним отголоском его можно, видимо, считать строки из «Сказки о золотом петушке», повествующие о походе Дадона в горы:

*Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер...*

Призрак удачливого и храброго князя тревожил воображение и других поэтов. В 1823 году в «Полярной звезде» Кондратий Рылеев поместил свое стихотворение «Мстислав Удалый»:

*Как тучи с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел...*

Поэма о «древнем поединке» князя Мстислава – не единственный из неосуществленных или неоконченных замыслов Пушкина о Кавказе. Среди них поэма «Тазит», замыслы поэмы о русской девушке и черкесе и романа на Кавказских водах. Даже не воплощенные, они остаются свидетельством активного художественного освоения огромного пространства – новых южных провинций России, когда, по выражению Белинского, «с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний!..»

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

А. С. ГРИБОЕДОВ

Глубокий интерес к судьбам народов Кавказа проявил автор бессмертной комедии «Горе от ума», гениальный драматург А. С. Грибоедов. «Он одним из первых, если не первым, сумел понять, – писал о Грибоедове известный общественный деятель Грузии Д. Эристави, – что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатий, поддержки со стороны... людей земли русской».

Уважая национальные традиции народов Кавказа, проявляя глубокий интерес к их своеобразной культуре, Грибоедов решительно выступал против колонизаторской политики русского самодержавия, называя ее «барабанным просвещением». В проекте учреждения Российской Закавказской компании Грибоедов наметил обширный план развития экономики и культуры закавказских народов. Разрабатывая пути сближения русских с кавказцами, Грибоедов писал: «Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами... как преследование взаимных и общих выгод», как «начертание законов, согласных с местными обычаями», при этом правительство должно «равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации ни были. Таким только образом, – писал автор проекта, – исчезнут предрассудки, полагавшие резкий рубеж между нами и подвластными нам народами...» В обстановке жесточайшей политической реакции и дикого разгула великодержавного шовинизма слова Грибоедова о национальном равенстве звучат как проповедь гуманизма и глубокого сочувствия к народам Кавказа.

О Кабарде и кабардинцах Грибоедов говорит в стихотворении «Дележ добычи» (или «Хищники на Чегеме») и в письмах к своим друзьям, в одном из которых он называет кабардинцев «вольным и благородным народом».

22 ноября 1825 года, находясь в станице Екатериноградской, Грибоедов в письме к А. А. Бестужеву так описывает величественную природу Кабарды: «Кавказская степь ни откудова, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как здесь, не свожу глаз с нее; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покуда облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида; тогда только возвращаюсь домой к друзьям и скоморохам. Климат необыкновенный!» В этом же письме Грибоедов сообщает Бестужеву о своем поэтическом замысле: «На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир».

Здесь Грибоедов говорит о черновом наброске стихотворения «Дележ добычи», читая которое нельзя не удивляться прекрасному знанию автором нравов и обычаев горцев.

Другую точку зрения, более солидную в научном отношении, выска-

зывает исследователь творчества Грибоедова Вл. Орлов. Он пишет: «Не впадая ни в идеализацию, ни в осуждение горцев, Грибоедов стремился (в «Дележе добычи» – *Ред.*) реалистически объяснить их характер и поведение условиями быта, национальными традициями и историческим развитием данного народа».

Не исключена возможность, что Грибоедов некоторые кабардинские песни о набегах слышал или кто-либо из старых кавказцев ему о них рассказывал (для категорического утверждения мы еще не располагаем достаточным материалом).

В пользу этого предположения говорит стилистическое сходство стихотворения «Дележ добычи» и кабардинских народных песен. Стиль их строг, суров, реалистичен. Есть общее и в содержании.

Следует заметить, что декабристы и поэты, близко стоящие к их кругам, также проявляли большой интерес к Кавказу. Попав, как говорил Бестужев, «в сердце Кавказа», ссыльные декабристы были поражены величием природы, богатством народного творчества, индивидуальным своеобразием Кавказского края. Увлечение Кавказом объясняется, прежде всего, свободолобием прогрессивно настроенных русских людей. И конечно же люди, а не природа, в первую очередь интересовали декабристов.

«Слова нет, – писал А. Бестужев, – чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике, о том, что разумели древние под именем Фаза и Камбиза, и от чего взялась басня о золотом руне Колхиды... Все это необходимо в области наук, но для человека самая нужная, «самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами».

Декабристы, несмотря на их классовую ограниченность, решительно осуждали военно-феодальные методы завоевательной политики царского правительства на Кавказе. Вместо жестокого курса «истребления и усмирения огнем и мечом», они предлагали метод «хорошего управления» и просвещения.

«...Хорошее управление, – писал А. Розен, – не меньше русской храбрости может ускорить окончательное присоединение и сделать его прочным». В качестве примера А. Розен приводит «мирных черкесов».

«Много горцев, – пишет он, – уже поступили добровольно в подданство России, они известны под общим названием «мирных черкесов», этим людям следовало дать всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им судей-исправников».

О Кавказском крае, кроме Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Бестужева, писали поэты-декабристы Д. И. Одоевский («Брак Грузии с русским царством», «Чалма», «Узница Востока», «Роза и соловей»), В. К. Кюхельбекер («Судьбою не был я лелеян», «А. С. Грибоедову»). Близко стоящий к поэтам-декабристам поэт-бунтарь А. А. Шишков, служивший одно время в кабардинском полку на Кавказе, написал роман «Кетевана или Грузия в 1812 году»; его знаменитый «Экспромт» как нельзя лучше высмеивает колониальную политику.

Глубокий след оставил Кавказ и в творчестве А. И. Полежаева. Во время службы на Кавказе он написал две известные поэмы: «Эрпели» и

«Чир-Юрт» (1832 г.), а также ряд стихотворений. В этих произведениях поэт рисует реалистические картины из жизни горцев. Нельзя не согласиться с утверждением исследователей творчества Полежаева, что в его кавказских произведениях отразилось свойственное передовым людям России благожелательное отношение к народам Кавказа, над которыми нависла в то время угроза колониального порабощения со стороны турецко-английских захватчиков. Полежаеву чужды цели, которые преследовало царское самодержавие на Кавказе. Поэт страстно желал, чтобы «...люди жили не врагами, без права силы и войны!» В поэмах ярко проводится мысль о том, что присоединение Кавказа к России дает горцам возможность приобщиться к высокой культуре русского народа. В то же время Полежаев подчеркивает, что и русские проявляют глубокий интерес к жизни и языку кавказцев.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

*«Как сладкую песню отчизны моей, люблю я
Кавказ...»*

Стихотворение «Смерть поэта» прогремело на всю Россию и положило начало литературной славе Михаила Юрьевича Лермонтова. По приказу Николая I он был арестован. 27 февраля 1837 года был подписан «высочайший» приказ о переводе лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, который стоял на Кавказе.

На Кавказ, в Ставрополь, Лермонтов прибыл во второй половине апреля. Здесь находился штаб командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова. Начальником штаба служил генерал-майор Павел Иванович Петров, женатый на двоюродной сестре матери поэта – Анне Акимовне Хастатовой.

Радушно встреченный овдовевшим Петровым и его детьми, Лермонтов гостил в Ставрополе до последних чисел апреля. В конце апреля он выехал в Нижегородский драгунский полк, штаб-квартира которого находилась в Кахетии, в урочище Кара-Агач.

Находясь в Ставрополе, Лермонтов узнал, что два спешенных эскадрона Нижегородского драгунского полка под начальством командира полка полковника Безобразова выступили в рекогносцировку на лезгинскую линию. Учитывая это и желая после продолжительных задержек в Петербурге, Москве и Ставрополе как можно скорее явиться в полк и представиться командиру, Лермонтов решил следовать не общепринятым для того времени путем – по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ и Тифлис, а оттуда в Кахетию, где в Кара-Агаче ему предстояло ждать возвращения начальства из рекогносцировки, – а отправился вдоль Терека на Кизляр, чтобы оттуда через Темир-Хан-Шуру проследовать на лезгинскую линию. Избрав такой маршрут, Лермонтов не только

выигрывал во времени, но и получал возможность принять участие в рекогносцировке и, может быть, даже отличиться.

Путешествие вдоль Терека дало молодому поэту богатые возможности ознакомиться с бытом и нравами гребенского казачества. Особенно сильное впечатление на Лермонтова произвели гребенские казачьи песни. Эти песни вдохновили поэта на создание таких произведений, как «Казачья колыбельная песня» и «Дары Терека».

«Казачья колыбельная песня» выражает собою, как на это обратил внимание еще В. Г. Белинский, «особенности и оттенки казачьего быта». Действительно, в этом произведении Лермонтов в поэтической форме показал тяжелую, напряженную, исполненную постоянной опасности кордонную службу терских казаков, с которой близко познакомился, следуя вдоль Терека по Кизлярскому тракту, встречая караулы, порой ночая на сторожевых казачьих постах.

Терек служил границей между Терской линией и «немирными» горскими аулами. Лермонтов хорошо понял, какую большую роль играла эта могучая горная река в жизни гребенского казачества.

В станицах поэт видел, как славившиеся своей красотой юные гребенские девушки, по старинному местному обычаю, готовили дары Тереку-Горыничу – небольшие игрушечные лодки, искусно и затейливо украшая их, чтобы затем в «Духов день», вместе с венками, пустить вниз по Тереку для умилоствления Горыничу.

Все это, вместе со старинными гребенскими песнями дало поэту благодарный материал для его знаменитой кавказской баллады «Дары Терека». Установлена близость этого стихотворения к гребенской песне о Тереке-Горыниче. «Терек-Горынич, батюшка», что «прорыл, прокопал горы крутые», похож, как родной брат, на Терек Лермонтова, который «родился у Казбека» и

*...Воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад...*

Здесь же, на Тереке, Лермонтов услышал исторические песни об Иване Грозном. Они образуют обширный цикл, в который входят и песни о том, как «грозный царь Иван Васильевич» пожаловал гребенским казакам Терек «от самого гребня до синя моря, до Хвалынского», и об Иване Грозном и князе Курбском, и о Ермаке. Устное народное творчество гребенских казаков подсказало поэту сюжет его знаменитой «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

До сих пор многочисленные исследователи «Песни» строили творческую историю этой жемчужины русской поэзии в отрыве от той конкретной обстановки, в которой находился Лермонтов в период создания своей поэмы. Они настойчиво и кропотливо выискивали фольклорные параллели в различных сборниках народных песен.

Нельзя отрицать глубокого интереса Лермонтова к отечественной народной поэзии, нельзя отрицать и основательного вывода исследователей о том, что «Песня про купца Калашникова» – поэма, в которой мастерски и с изумительным художественным чутьем и тактом собраны

и органически слиты разнообразнейшие формы фольклора: за образами «Песни» угадываются образы и формы былин, исторических песен об Иване Грозном и Петре I, песни о допросе разбойника и о его смерти, песни о смерти казака, раздаются мотивы народно-бытовой лирики, слышны зачины и концовки песенно-былевой поэзии.

Во время первой ссылки Лермонтов познакомился в Пятигорске с Белинским, а в Ставрополе с декабристами А. И. Одоевским, Лихаревым, Назимовым, Нарышкиным и Черкасовым.

Вместе с Одоевским, назначенным в Нижегородский драгунский полк, Лермонтов совершил еще одно путешествие из Ставрополя в Грузию.

Два года спустя, получив известие о гибели поэта-декабриста, Лермонтов писал в стихотворении «Памяти А. И. Одоевского»:

*Я знал его – мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнанья
Делили дружно...*

Пока Лермонтов был на Кавказе, бабушка поэта Е. А. Арсеньева хлопотала о возвращении внука в гвардию. Наконец ее хлопоты увенчались успехом. 11 октября 1837 года Николай I подписал приказ о переводе прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом.

В конце декабря 1837 года Лермонтов покинул Кавказ.

Прошло почти два с половиной года, и Лермонтов снова на Кавказе. Из-за дуэли с де-Барантом, сыном французского посланника, происшедшей 18 февраля 1840 года и закончившейся для обоих противников без серьезных последствий, Лермонтов был арестован, а затем выслан на Кавказ с переводом в Тенгинский пехотный полк.

Положение на левом фланге Кавказской линии в это время было очень тревожным. 18 июня 1840 года Лермонтов выехал в крепость Грозную, будучи «командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева».

В лагере отряда генерала Галафеева Лермонтов встретил большую группу столичных приятелей. Здесь же Лермонтов встретил Льва Сергеевича Пушкина, брата великого русского поэта; корнета лейб-гвардии Конного полка Глебова и многих представителей «золотой» гвардейской молодежи.

20 января 1841 года начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья уведомил командира Тенгинского пехотного полка об увольнении поручика Лермонтова в отпуск на два месяца. Лермонтов выехал в столицу.

В Петербурге Лермонтов не раз вспоминал службу на Кавказе и путешествие по Тереку, с любовью рассказывал о любимом крае и его людях известному журналисту А. А. Краевскому. К сожалению, эти рассказы до нас не дошли. Краевскому же Михаил Юрьевич подарил кинжал, служивший поэту при боевых столкновениях и стычках. Кинжал этот был передан Краевским в Лермонтовский музей. По словам

Въезд в крепость Герзель-аул

Военное поселение в крепости Грозной

Лагерь зимнего похода 1845 года

Краевского, «Лермонтов отбивался им от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагнал, но до кровопролития не дошло. Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увертываться от них, избегать перерезывающих ему путь».

Вернувшись из отпуска, Лермонтов должен был вдоль Терека проследовать в отряд в Темир-Хан-Шуру. По дороге он свернул в сторону и заехал в Пятигорск, где среди представителей «золотой молодежи» встретил своего однокашника по школе кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков Н. С. Мартынова.

Именно здесь, в окрестностях Пятигорска, у подножья горы Машук 15 июля 1841 года произошла последняя дуэль Лермонтова, организованная светскими врагами поэта. Лермонтов предупредил, что не будет стрелять в Мартынова, и даже не поднял пистолета. Мартынов выстрелил в безоружного поэта. Тяжело раненный Лермонтов упал на землю. Разразилась страшная гроза, Мартынов и секунданты уехали в город. Всеми покинутый смертельно раненный поэт, еще живой, пролежал четыре часа под бешеным грозовым ливнем. Наконец прибыли дроги. Лермонтова положили на них. На полдороге в город поэт скончался.

Народы Кавказа свято чтят память Лермонтова, поэзия которого явилась бесценным вкладом в сокровищницу мировой культуры. Великий поэт и выдающийся деятель осетинской культуры Коста Хетагуров, выступая в 1889 году в Пятигорске на открытии памятника Лермонтову, в проникновенных стихах заявил, что в ущельях Кавказа будут живы всегда могучие аккорды лермонтовской лиры.

В числе произведений, прежде всего приходящих на ум, когда начинаешь вспоминать Лермонтова, неизбежно будут «Герой нашего времени», «Демон», «Мцыри». Среди меньших по объему припомнятся и «Спор», и «Я к вам пишу...» («Валерик»), и «Беглец», и «Тамара».

Одним словом, как только начинаешь вспоминать Лермонтова, перебирать в памяти шедевры его творчества, так сейчас же оказываешься в кругу его кавказских произведений. Это закономерно. Лермонтов – певец Кавказа. Следовательно, значение кавказской темы для Лермонтова весьма велико.

...Мы хотим показать, что кавказское творчество Лермонтова является выражением его подлинного интереса к Кавказу. Кавказ у него не условный, а настоящий, кавказские произведения Лермонтова свидетельствуют о знании реального материала и стремлении именно на нем основываться при создании произведения.

Кавказ взял полную дань с музыки нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!

Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм – «Галуб» – тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». ...И вот является новый великий талант – и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавка-

за, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас, в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену...

Песня Казбича

В поэме «Аул Бастунджи» рассказывается о вражде двух братьев – Акбулата и Селима. Старший из них, Акбулат, женится на Заре. Преступной страстью к ней зажегся и Селим, как только Зара появилась на пороге дома, в котором до того времени в мире и дружбе жили братья.

Не умея побороть страсти, Селим открывается брату и просит отдать ему Зару. Акбулат негодует и отказывается. Селим покидает дом, скрывается и ждет часа, чтобы овладеть любимой женщиной.

Однажды Селим, подстерегши, застаёт Зару одну в то время, когда она купалась в ручье.

Она беспомощна, но Селим, несмотря на то, что в нем кипит страсть, только молит о любви. Гордость не позволяет ему просто овладеть Зарой, похитить ее, он хочет, чтобы она по своей воле согласилась бежать с ним.

Не желая забывать долга, Зара отказывается. Селим покидает ее.

В роковой день к сакле Акбулата запаленный хозяйский конь привчал труп Зары. Ее похитил и убил Селим и, чтобы насладиться мезтью, привязал труп к седлу коня, похищенного одновременно с Зарой.

Заканчивается поэма описанием пожара, который в ту же ночь уничтожил саклю Акбулата и весь аул Бастунджи:

Сгорел Аул – и слух об нем исчез...

Рознь поселилась в сердцах братьев из-за женщины, преступления совершились из-за женщины. Из-за женщины погиб и аул Бастунджи.

Мысль, которая выразилась в указанной нами сцене поэмы «Аул Бастунджи», обнаруживается также в... песне, включенной Лермонтовым в поэму «Измаил-бей». «Черкесская песня» еще раз отразилась в одном из лермонтовских произведений.

Горская легенда

В кабардинском или черкесском ауле можно было иногда наблюдать удивительную сцену. На суд многочисленного собрания выводили одетого в безобразный войлочный колпак человека, на которого со всех сторон сыпались насмешки. Когда считалось, что он осмеян достаточно, на него налагался штраф в пару волов. Так поступали с тем кабардинцем или черкесом, который оказался трусом.

Подобных свидетельств высокой меры строгости кабардино-черкесских представлений о боевой чести много в описаниях их быта и нравов.

Исторические судьбы адыгов, то есть кабардинцев, черкесов и адыгейцев, в далеком прошлом сложились так, что возникновение культа доблести было тесно связано с самой тенденцией к сохранению народа. В этом причина глубокой органичности культа.

Предки современных адыгов, живя с весьма давнего времени при-

мерно в тех же местах, где они обитают и сейчас, были свидетелями и участниками многих исторических событий, происходивших в южных степях, в восточном Причерноморье, в Предкавказье.

Первые обстоятельные исторические данные о населении этих областей – скифах – оставлены нам древними греками, в частности Геродотом (V век до нашей эры) в его «Истории». Черкесы же еще более древние насельники этих мест, чем скифы.

Старшие современники скифов, они были свидетелями сармато-скифской борьбы и, конечно, принимали в ней участие.

О готах и гуннах кабардинцы, черкесы и адыгейцы помнят и до сих пор поют песни о борьбе предков и против готов и против Адила, то есть Атиллы – «Бича божия», как, по утверждению Ногмова, в одной адыгской песне называется Аттила, – то же прозвище было распространено и в Европе.

Дальше – хазарский каганат, печенеги, половцы, татары. В борьбе против них адыги отстаивали себя и – отстояли: нет хазар, нет печенегов и половцев, но адыги – остаток древнейшего населения Кавказа – живут и ныне.

Естественно, что, ведя на протяжении многих веков упорную борьбу за свое существование, адыги выработали тот высокий культ воинской доблести, который удивлял всех писавших о них.

Масуди, арабский историк, живший в IX-X веках нашей эры, пишет: «Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будут в состоянии ничего предпринять против них».

Иосафат Барбаро, проживший в Тане, по соседству с Черкесией, шестнадцать лет (начиная с 1436 г.), сообщает: «Они... отличаются мужеством и лукавством».

Георгий Интериано, которому принадлежит первое обстоятельное описание быта и нравов черкесов, в своем сочинении сообщает: «Каждый день они бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон; по Босфору проникают до Херсонеса, особенно зимой, когда море замерзает, грабят фракийских жителей, т. е. татар, причем несколько человек гонят перед собою большую татарскую толпу, потому что они поворотливее, храбрее и лучше их вооружены, и лошади у них лучше».

Подобные характеристики – обязательная принадлежность всех описаний быта и нравов черкесов.

Одна из специфических черт кабардино-черкесского фольклора – настойчивая морализующая тенденция, которая в тех произведениях, где говорится о боевых делах, проявлялась в возвеличении героя – в пример другим. Черкесы говорили о герое: «Его гробница разрушится, а песня до конца мира не исчезнет». В песнях не только возвеличивали героя, но и осмеивали труса – на вечный позор.

Поэтому-то вполне в духе кабардино-черкесской фольклорной традиции и звучит лермонтовский «Беглец». Гарун бежит, не отомстив за смерть отца и братьев, и он предан проклятию:

*В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.*

Лермонтов в своих кавказских произведениях часто опирался на кабардино-черкесский исторический, этнографический, народно-поэтический материал. Поэтому ему нетрудно было написать произведение, по своему духу близкое сути адыгских представлений о чести воина.

*Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку – и бежит!*

Лермонтов сразу вводит читателя в сюжетную суть произведения и дает психологическую экспозицию. В дальнейшем рассказывается о презрении, которое встречает беглец в родном ауле:

*И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой, как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, он – молча – умирал...
«Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» – спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним:
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»*

*И умирающий в ответ:
«Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»*

Лермонтов дальше дает песню «Месяц плывет», которая ранее была включена в поэму «Измаил-бей». Эта песня прощания с воином, уходящим на битву, получает в «Беглеце» дополнительную характеристику: «песня старины».

*Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И, саклю новую минуя,
На миг остановился он.
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:
Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы.
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.*

Услышав эту песню, Гарун не осмеливается даже показаться своей возлюбленной. И, наконец, Гарун отвергнут родной матерью:

– «А где отец и братья?» – «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли.
«Ты отомстил?» – «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»

Только ли в том дело, что характерные мотивы кабардино-черкесского фольклора послужили Лермонтову материалом для его произведения? Нет, связь здесь гораздо более тесная.

Как и в остальных случаях, так и в этом лермонтоведы не обратили внимания на одну деталь: на лермонтовское указание о характере произведения. Такие подзаголовки, как «Черкесская повесть» (подзаголовок «Каллы»), «Восточная повесть» (подзаголовок «Измаил-бей») и т. д., соотносились часто с жанровыми обозначениями романтических поэм, авторы которых, следуя Байрону, прибегали к подобным подзаголовкам: подчас же подобные подзаголовки вообще мало что говорили исследователям. Так произошло и в интересующем нас случае. А между тем подзаголовок «Беглеца» имеет значение.

Тебу де Мариньи, касаясь в своем описании путешествия в Черкессию вопроса об искусстве и народной поэзии черкесов, подчеркивает указанную нами выше особенность адыгского фольклора. Он пишет: «Их песни... служат часто для восхваления добродетели, как и для исправления нравов; это одно из наказаний человека порочного».

Это лишний раз свидетельствует о том, что тон подчеркнутого морального осуждения, которым проникнут «Беглец», – вполне в духе дидактики, свойственной кабардино-черкесскому фольклору.

Повышенный интерес Лермонтова к народно-поэтическим произведениям – принципиально важный момент в развитии его творчества, при рассмотрении его под углом зрения выработки и становления стиля и эволюции идейного содержания. Народно-поэтическая стихия – один из важнейших путей проникновения народного духа в творчестве Лермонтова.

Уже самое соприкосновение с народно-поэтической стихией для Лермонтова было фактором вдохновения и стимулом творчества.

Лермонтов рано понял принципиальное значение фольклора для своего творчества. Известна его запись, относящаяся еще к 1830 г.: «Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слышал сказок народных; – в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Интерес к культуре народов Кавказа проявился в повышенном вни-

мании Лермонтова к народной поэзии. Свидетельство этого – «Демон», «Мцыри», «Тамара», «Измаил-бей».

На Горячих Водах в 1825 году

Приехавшие на Горячие воды летом 1825 г. хорошо знали кабардинца Шору. Так для краткости называли Шору Бекмурзина Ногмова. Уроженец окрестностей Пятигорья – он родился в ауле Ногмова на реке Джуде, недалеко от Горячих вод (с 1830 г. – Пятигорск) – Шора Ногмов был известен по всей округе, как весьма необычный человек и по своим личным данным и по своеобразной судьбе.

Мулла в ранней молодости, хорошо владевший к этому времени, кроме родного языка, арабским, турецким, персидским и абазинским, он уже одними этими лингвистическими познаниями мог вызвать удивление. Муллой Ногмов пробыл недолго. Вскоре он оставляет священнослужение для военной службы, и через несколько лет становится русским гвардейским офицером. В течение ряда лет Шора служил в лейб-гвардии Кавказско-горском полужескадроне, расквартированном в Петербурге.

Особенно охотно Шора, имевший такую значительную склонность к наукам и искусствам, вступал во взаимоотношения с теми людьми, от которых он надеялся получить какие-либо сведения, касающиеся круга его интересов. Он вел с ними обстоятельные разговоры, а подчас и споры. Современники, упоминающие о Ногмове, дают очень хорошие отзывы о нем. Нечаев пишет, что «сей молодой человек» одарен «счастливыми способностями». Шотландский миссионер Глен, побывавший в Пятигорье в конце десятых – начале двадцатых годов, виделся с Ногмовым и об этих встречах рассказывает в своей книге, вышедшей в 1823 г. Венгерский путешественник Бессе, посетивший Кавказ в 1829 г., рассказывает о встречах с Шорой и беседах с ним. В это время Шора был преподавателем школы аманатов в Нальчике.

«Правительство учредило, – сообщает Бессе, – в этом укреплении на свой счет школу, где эти дети воспитываются бесплатно под присмотром преподавателя-магометанина и под непосредственным руководством коменданта. Детей обучают читать, писать и говорить по-русски; их воспитатель, или ходжа, носит имя Шоры... Он говорит и пишет по-персидски, по-турецки, по-татарски и по-русски с одинаковой легкостью; у него приятное лицо и прекрасные манеры».

Напомним еще раз, что Шора постоянно бывал или жил на Горячих водах в 1825 г. и хорошо был известен приезжим. Нечаев свидетельствует: «Известный всем приезжим Шора».

* * *

Обнаруженные факты дают возможность сделать заключение о знакомстве Лермонтова с кавказским фольклором, в частности уже в тот период, когда писался «Измаил-бей», то есть в 1832 г.

В двух случаях Лермонтов прямо указывает, что материалом для его кавказских произведений этого раннего периода послужили реальные

фольклорные источники, которые ему стали известны в 1825 г. на Кавказе. В этом году он ездил туда вместе с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой и многочисленными родственниками. К «Грузинской песне», написанной в 1829 г., Лермонтов делает прямо-таки драгоценную для нас приписку: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе». После 1825 г. Лермонтов на Кавказ попал лишь в 1837 г., поэтому в 1829 г. речь могла идти о том, что он слышал на Кавказе в 1825 г.

Во-вторых, указание Лермонтова в «Измаил-бее» на то, что он в бытность свою на Кавказе слышал от одного горца рассказ, который и использовал в этой своей поэме, является, как мы имеем теперь возможность утверждать, совершенно достоверным.

Чрезвычайно скупой на такого рода свидетельства, Лермонтов все же в двух случаях указал на реальную основу своих произведений: рассказы, слышанные на Кавказе в 1825 г.

Следовательно, Лермонтов интересовался подобными рассказами, что станет совершенно понятным, если мы примем во внимание его чрезвычайный в это время интерес к Кавказу, интерес, о котором он многократно говорит сам и который засвидетельствован современниками.

Шора Ногмов, пользовавшийся такой известностью на Горячих водах в 1825 г., больше, чем где бы то ни было, должен был быть известен среди лиц, окружавших Лермонтова. В хастатовском доме собралось очень большое количество людей, чрезвычайно тесно связанных с Кавказом, постоянно там живших. Это-то и является основанием для высказанного выше предположения.

Теперь – о мотивах, которые побуждают нас придать такое значение установлению знакомства Лермонтова с Шорой.

В своих ранних кавказских произведениях Лермонтов очень часто пользуется и кабардино-черкесским фольклорным материалом. Шора Ногмов же – великолепный знаток горского фольклора. Им записано большое количество старинных песен и преданий. Он настолько хорошо знал кабардино-черкесский фольклор, что на основании тех данных, которые заключены в фольклорных произведениях, являющихся откликами на действительные исторические события, написал «Историю адыгейского народа» – очень любопытную книгу, несколько раз переиздававшуюся и пользующуюся заслуженной известностью среди кавказоведов.

Приняв во внимание сказанное выше, весьма существенным следует признать то обстоятельство, что именно в записи Ногмова опубликовано предание, которое, как мы полагаем, отразилось на создании поэмы «Аул Бастунджи». Но Лермонтов не знал кабардинского языка и поэтому мог познакомиться с кабардинскими преданиями только в переводе на русский язык. Нечаев как раз и говорит, что Шора делал переводы произведений кабардинского фольклора на русский язык и знакомил с этими переводами интересовавшихся ими.

Итак, Лермонтов знал ряд произведений кабардинского фольклора. От кого-то он их, следовательно, слышал. Приведенные нами соображения дают основание для утверждения, что во многом Лермонтов пользовался сведениями Шоры Бекмурзина Ногмова – знатока кабардинского фольклора.

В свете приведенных доводов чрезвычайное значение имеет тот факт, что в Кабарде до сих пор живет передаваемый из поколения в поколение рассказ о том, что Шора Бекмурзин Ногмов был известен Лермонтову, что от него будущий поэт слышал горские предания, сказки, легенды.

* * *

Лермонтов рано усвоил мысль, что его творчество – долг гражданина и современника, что его строка и стих – во времени, в течении окружающих обстоятельств и событий. Ему следовало после этого убедиться в том, что его строка и стих – в деле. Этого он искал долго и упорно. И – нашел. Автор «Смерти Поэта», «Думы», автор «Поэта», «Маскарада», «Героя нашего времени» – нашел. Лермонтовское творчество прошло по путям времени. На его стихе и строке – отсветы эпохи.

Вокруг – несправедливый и настороженный мир. Он ревниво охраняет свое существование и не любит отгадок. Его, поэта, судят. Кто? Люди, которые могут осудить его на смерть? Да. Но он и они, вместе, предстанут перед другим судом. И кто его выдержит – суд времени? Они, в конце концов, безразличны к этому суду? Может быть. Пусть тогда найдут себе в этом утешение и оправдание. В том числе и их главный «судья». Это лишний раз докажет их ничтожность. Им не нужно обременительное предвидение, не нужно оно и самому самодержцу. Он считает самовластие достаточной мерой для власти, но – оно недостаточно для будущего. Ответ истории – они этим не интересуются.

В записную книгу, подаренную ему за три месяца до гибели В. Ф. Одоевским, Лермонтов внес стихотворение «Пророк». Ему, поэту, дано «всеведение пророка». Лермонтов не отказался от всеведения – зная цену отщепенца. «Пророк» – одно из последних произведений поэта. Переписывая незадолго до смерти написанное им, он вписал в «Записную книгу Одоевского» стихотворение «Пророк» последним. Дальше – большие листы, их очень много. Под стихотворением две длинные черты, наискось, быстро, и – больше ничего уже нет. Смертный бег пустых страниц.

Лермонтов знал, какой ценой входят в историю. А теперь – он понимал все. Ему было смешно и грустно. Презрение его успокаивало. Он написал «Благодарность» – он никогда не отказывался от предвидения, от ответственности и горечи. Он понимал: победа за ним, за его делом – ценою жизни.

Дары Терека

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».
Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:
«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой,
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны

Струйка алая бежит.
По красотке молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

Алим КЕШОКОВ

Лермонтову

Ты многих мне и ближе и дороже,
С тобою мы ровесники давно:
И я рожден в четырнадцатом то же,
Но позже на столетие одно.

Веленьем высочайшего указа,
Опальный друг из северных сторон,
Ты сослан был в ущелия Кавказа
И к пуле горской в них приговорен.

Но раздавались выстрелы в ауле,
И горец из укрытья своего
Кричал тебе: – Не опасайся пули,
Кавказцы знают, целиться в кого!

Моя сестра до солнышка вставала,
Тебе лепешки белые пекла.

Когда с коня ты спрыгивал, бывало,
Держал я стремя твоего седла.

И благодарен собственной судьбе я
За то, что там, где высятся снега,
Тебе рассказы Исмаила-бея
Переводил, присев у очага.

И под ковром узорчатого ворса
Мог перед сном оружие в головах
Не прятать тот, кто так простого горца
Сумел возвысить в пламенных стихах.
Прошу тебя: – Побудь еще немного! –
Но снова, бурки черное крыло
Ты весело откинув у порога,
Сядишься в кабардинское седло.

И скачешь по горам не иноверцем,
И, как мюриды, издавна верны,
Тебя я слева прикрываю сердцем,
Кайсын Кулиев с правой стороны.

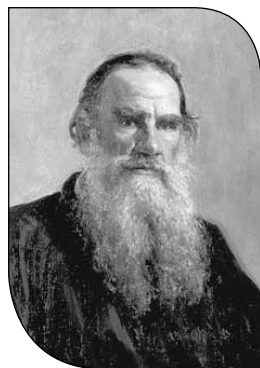
Вершины гор задумчивы и строги,
Звезда с звездой над ними говорит.
И молод ты, и нет конца дороге,
И пыль веков летит из-под копыт.

1964

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Великий русский реалист Л. Н. Толстой свой титанический талант художника отдал служению народу. Он считал, что писатель должен быть всегда с народом, вечно в тревоге и волнении, вызываемыми сознанием огромной ответственности за каждое слово, которое он несет в массы. Л. Н. Толстой создал известные всему миру художественные произведения, среди которых «Казачи», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп» и другие.

Не сразу и не легко Толстой пришел к беспощадному осуждению того общества, к которому принадлежал по рождению и воспитанию. Путь

этот был длительным, сложным и в высшей степени противоречивым. Не сразу Толстой нашел себя и в труде писателя.

Кавказ оставил у Толстого на всю жизнь замечательные воспоминания. Великий писатель говорил: «[На Кавказе] я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записи того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Это было и мучительное и хорошее время... И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением».

На Кавказ в те времена уезжало немало молодых людей. Известно также, что царское правительство ссылало сюда неугодных ему лиц.

Но почему дворянская молодежь добровольно устремлялась на Кавказ?

Размышляя о судьбах сверстников – поколению людей 40-х годов, Толстой сделал запись: «...странное николаевское развитие, отрицать тяжело, соглашаться нельзя, жить хочется».

Поколение людей 40-х годов вступило в жизнь, когда общественно-политическая реакция, наступившая после разгрома декабристов, продолжалась, а с 1848 года усилилась. Россия оставалась «страной рабов», «страной господ».

Была дворянская молодежь, стремившаяся к активному действию, к подвигу, но неспособная вступить в решительную борьбу с крепостническим строем и порвать с обществом, к которому принадлежала по рождению и воспитанию. О ней и писал Толстой: «...отрицать тяжело, соглашаться нельзя, жить хочется».

В таких случаях приходила «на помощь» романтическая литература о Кавказе.

Война отвлекала от поисков истинных путей в жизни. Дворянская молодежь рвалась туда, где воображение рисовало «тревогу, стрельбу, резню... одним словом, ту дикую, чисто кавказскую поэзию, которая до 60-х годов составляла какую-то манию для большинства молодежи, попавшей туда на службу».

Часть этой молодежи погибала в боях и госпиталях от ран и злокачественной малярии, другая часть превращалась со временем в «кавказцев», подобных лермонтовскому Максиму Максимычу («Герой нашего времени») или герою очерка «Кавказец» того же автора.

Спасаясь от гнусной николаевской действительности, гонимый «всемогущим богом молодости», Лев Николаевич Толстой поехал на Кавказ в поисках дела, достойного человека.

Толстой остался на Тереке и поступил на военную службу с намерением пройти суровую школу жизни, закалить характер. В дневнике 5 февраля 1852 года он записал: «Не боюсь смерти. Не боюсь и страданий; но боюсь, что не сумею хорошо перенести страданий и смерти».

Горная война на Кавказе велась в исключительно тяжелых условиях. Вековые дремучие леса сковывали действия царских войск, тогда как горцы умело использовали природные условия.

Генерал Ермолов говорил о Кавказской войне: «Там есть такие дела,

что можно послать и, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых».

Одной из существенных задач царской армии была прокладка проsek в непроходимых горных чащах – рубка леса.

Военная жизнь плечом к плечу с простыми русскими солдатами и незнатными офицерами в определенной степени сблизила Толстого с ними.

На Кавказе Толстой оказался среди русских крестьян, одетых в серые шинели и находившихся в обстановке войны или тяжелой походной и бивуачной жизни. Живое внимание к труженику войны, острая наблюдательность, богатая память помогли молодому писателю на всю жизнь сохранить воспоминания о кавказском солдате.

Молодой писатель стремился проникнуть во внутренний мир солдатской массы и отдельных ее представителей, изучал характеры и поведение простых людей в повседневном общении с ними, в совместной жизни в крепости, в походе, во время боя.

Горная война в лесной местности с ее непомерными трудностями, роковыми неожиданностями требовала от солдат не только выносливости, мужества, храбрости, но и смекалки, инициативы, военной сообразительности, настоящей боевой дружбы.

Нельзя забывать, что русские солдаты были крепостными крестьянами, лишенными самых элементарных политических прав. Их принуждали участвовать в войне, они были вынуждены подчиняться жестокому режиму в армии.

Русские крестьяне, одетые в серые шинели, мечтали о родной деревне и полевых работах. И если обстановка представляла хотя бы малейшую возможность мирного общения с местным населением, солдаты вступали в дружескую беседу.

Кавказские дневники писателя говорят, что Толстой «чрезвычайно внимательно изучал тайны жизни человеческого духа в самом себе» (Н. Чернышевский). Углубленный самоанализ Толстого, как известно, – один из источников своеобразия его художественного метода.

Изучив глубже кавказскую действительность, Толстой безоговорочно осудил войну. Его симпатии склонились на сторону тружеников горцев и русских солдат, которых вынуждали сражаться.

«Война? – спрашивал Толстой себя и отвечал: – Какое непонятное явление. Когда рассудок задает себе вопрос, справедливо ли, необходимо ли оно, внутренний голос всегда отвечает: нет».

Толстой справедливо обвинял в войне на Кавказе царизм. В черновом варианте рассказа «Набег» он говорит о том, «который заставил всех находить пользу и удовольствие в этой войне» – то есть о Николае I. В преклонных годах великий писатель в повести «Хаджи-Мурат» резко осудил царское правительство за колониальную политику на Кавказе.

В мае-августе 1852 года Толстой лечился на Кавказских Минеральных Водах. В Пятигорске он жил в Кабардинской слободке в доме № 252. К «водяному обществу» Толстой отнесся резко отрицательно: «Театр, собрание (видимо, офицерское), всякий год бывают свадьбы, дуэли... ну, одним словом, чисто парижская жисть». С усмешкой Толстой писал,

что его спутник, офицер Буемский, «надел голубые панталоны с ужасно натянутыми штрипками, сапоги с огромными шпорами, эполеты» и пошел под музыку ходить по бульвару. И так многие офицеры, продолжал Толстой в письме к брату Сергею, «притворяются, будто только приехали лечиться, хромают с костылями, носят повязки, перевязки, пьянствуют и рассказывают страшные истории про черкесов». Стараясь быть подальше от праздной публики, Толстой жил уединенно, много читал, писал, пил минеральную воду из Александровского и Елизаветинского источников, принимал ванны и ходил или ездил верхом на прогулки. Кавказские Минеральные Воды – тоже «лермонтовские места». Толстой гулял по пятигорскому бульвару, на котором когда-то так часто можно было встретить Лермонтова, посещал «Провал» на Машуке – одно из любимых великим поэтом мест для развлечения. При Лермонтове через «Провал» был перекинут мост, с которого спускалась кабинка вниз до самой воды. В 1841 году мост разобрали.

В Железноводске Толстого восхитила природа. Он продолжал размеренную жизнь.

Много хлопот и тревог доставила Толстому болезнь слуги Ванюши, за которым он внимательно ухаживал. Время, проведенное на Минеральных Водах, было плодотворным: писатель создавал рассказ «Набег», закончил повесть «Детство» и отослал ее в Петербург редактору журнала «Современник» Некрасову. Вскоре она была опубликована.

Во второй раз Толстой посетил эти же места в июле-октябре 1853 года.

В Пятигорске первое время он, видимо, жил в ресторации (гостинице), а потом переехал в Кабардинскую слободку. Как и в первую поездку, Толстой обращал большое внимание на лечение, много работал над «Отрочеством», начал «Беглеца» (будущая повесть «Казачи») и в несколько дней написал «Записки маркера», которые вслед за «Детством» и «Набегом» тоже увидели свет в «Современнике».

Путешествия по «лермонтовским местам» значительно расширили жизненный кругозор молодого писателя и во многом повлияли на отношение к прозе Лермонтова. До приезда на Кавказ Толстой смотрел на Лермонтова как на романтика, далекого от действительности. «Мулланурство» и «Герои нашего времени» были для Толстого символом сверхромантического изображения Кавказа.

Жизнь на Кавказе показала Толстому ошибочность его суждения, он увидел реалистическую силу кавказской прозы Лермонтова.

Кавказская действительность расширила кругозор писателя и явилась мощным стимулом в его творческой деятельности. На Кавказе Толстой тесно общался с широкими массами казачества, русских воинов, горцев. Здесь он осознал себя художником слова и создал свои первые произведения, вошедшие в золотой фонд русской и мировой литературы. В них молодой Толстой поставил на первое место проблему народа, русского национального характера и вопросы кризиса крепостнических отношений.

Участие Толстого в кавказской войне привело писателя к созданию цикла кавказских военных произведений («Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Казачи», некоторые рассказы для детей, «Хаджи-

Мурат»)), на Кавказе были написаны «Детство», «Записки маркера» и начато несколько произведений.

Живя на Тереке, Толстой стал печататься в передовом журнале того времени «Современнике» и приобрел широкую известность.

Военные кавказские рассказы Толстого, как и севастьяпольские, явились подступом к созданию народной эпопеи – романа «Война и мир». По авторитетному мнению академика В. В. Виноградова, уже в первых военных рассказах Толстого с достаточной определенностью выступил своеобразный стиль воспроизведения батальных сцен и образов военной среды, получивший свое дальнейшее развитие в «Войне и мире».

С незапамятных времен кабардинцы славятся своими прекрасными скакунами. В народе бытует такое мнение: «Кабардинская лошадь в горах – лань, на равнине – заяц, по силе – медведь, по выносливости – бык». А вот что говорят о кабардинских скакунах русские писатели.

Максим Максимыч из «Героя нашего времени» Лермонтова так рассказывает о скакуне Казбича: «А лошадь его славилась в целой Кабарде, – и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги – струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верст; а уж выезжана – как собака бегают за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает».

В повести Льва Толстого «Казак» не менее ярко описана кабардинская лошадь. «Уж и конь! Кабардинский лов-тавро», – говорит Лукашка. «Конь действительно был необыкновенно хорош: гнедой, широкий и длинный мерин с глянцевиною шерстью, пушистым хвостом и нежною, тонкою породистою гривой и холкой. Он был сыт так, что на спине его только спать ложись, как выразился Лукашка. Копыта, глаз, оскал – все это было изящно и резко выражено, как бывает только у лошадей самой чистой крови. Оленин не мог не любоваться конем. Он еще не встречал на Кавказе такого красавца». К слову «лов-тавро» Толстой сделал примечание: «Тавро завода кабардинских лошадей Лова считается одним из лучших на Кавказе».

Передовые деятели России, вопреки колонизаторской политике царского самодержавия, верили, что настанет время, когда разноязычные народы «обнимутся братски при торжественном блеске солнца разума». Об этом времени грезил народы, осужденные царским самодержавием на рабство, голод и нищету. Долгожданный час пробил в октябре 1917 года.

Начавшийся общественный подъем в стране, могучий рост русской реалистической литературы оказали решающее воздействие на творчество молодого Толстого.

Уехал с Кавказа Толстой в январе 1854 года в чине прапорщика. Под влиянием чувства патриотизма он добровольно перевелся в действующую Дунайскую армию.

М. ГОРЬКИЙ

Знакомство с Кавказом и пребывание в этом прекрасном крае сыграло важную роль в становлении, развитии и обогащении таланта и творчества Максима Горького – основоположника литературы социалистического реализма. Горького поражала суровая, величественная природа Кавказа, он наблюдал здесь сложнейшие сплетения личных, общественных, национальных отношений и интересов, вслушивался в многоязычную речь пестрого населения кавказских городов, аулов и сел, жадно внимал национальным песням, преданиям, легендам. В статье «О кавказских событиях» М. Горький в 1905 году писал: «Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей».

Будущий писатель изучал настроения многих тысяч обездоленных, которые в конце XIX века, покинув разоренные деревни, шли толпами по пыльным трактам из глубины России с тщетной надеждой найти свое счастье в этой сказочно богатой стране.

Все это оставило неизгладимый след в сознании молодого Горького и отразилось во многих его произведениях.

Сам М. Горький очень высоко оценил благотворное влияние Кавказа. В статье «Заря Востока», написанной в 1931 году, писатель говорит: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа, – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора».

Пути и дороги, пройденные М. Горьким на Кавказе, пересекают и наш край.

Писатель показал, как просыпалось сознание людей, как медленно вздымались, чтобы с грохотом рухнуть, слежавшиеся пласты жизни, как давали трещину вековые устои. Человек труда хотел думать, чувствовать, мечтать и жить во всю мощь и ширь своей богатырской природы. Неиссякаемую жизненность и могучие творческие силы русского народа раскрыл Горький в написанных позднее рассказах «Едут» и «На шкуне по Каспийскому морю», также связанных с впечатлениями о пребывании на Каспии.

Переходя с места на место, М. Горький существовал тем, что давал ему случайный заработок, ночевал в степи, в лесу, в ночлежках. Будущий писатель встречался с тысячами людей различного социального положения и национальной принадлежности, слышал множество рассказов, песен и сказок.

Навсегда остались в памяти Горького видения снежных гор, возникших над гладью синих степей. Много лет спустя, в рассказе «Женщина», он так описал виденное им в дни, когда шел через казачьи станицы, кабардинские и осетинские селения по предгорьям Северного Кавказа: «Летит степью ветер и бьет в стену Кавказских гор; горный хребет – точно огромный парус, и земля – со свистом – несется среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле; цепляются за нее, не могут удержаться и – плачут, стонут...

а тени их скользят по земле; цепляются за нее, не могут удержаться и – плачут, стонут...

а тени их скользят по земле; цепляются за нее, не могут удержаться и – плачут, стонут...

Порою между массами туч ослепительно сверкнет седло Эльбруса и хрустальные зубья других гор – они вцепились в облака и стараются удержать их. Так ясно чувствуешь бег земли в пространстве, что трудно дышать от напряжения в груди, от восторга, что летишь вместе с нею, красивой и любимой».

Картины кавказской природы, образы и характеры многочисленных людей, увиденных в гуще жизни, дали писателю неисчерпаемый материал, а его кисти художника краски поразительной яркости.

На фоне красочной и щедрой кавказской природы с особой яркостью выступали несправедливости социальной жизни, обнажались язвы и неисправимые пороки эксплуататорского строя. В рассказе «Женщина» М. Горький изображает, как через богатые казачьи станицы толпами идут оборванные странники с котомками за плечами – крестьяне из глубины России, приниженные и озлобленные, голодные люди «взыскующие познания и устройства жизни», труженики с большими мозолистыми, – тоскующими по работе руками.

«Много видел я хорошего!» – восклицает М. Горький, показывая, как это хорошее в человеке и природе торжествует над «свинцовыми мерзостями» жизни...

В 1934 году Кабардинский ансамбль песни и пляски знакомил москвичей с лучшими образцами национальной кабардинской культуры. Затем состоялась встреча ансамбля с А. М. Горьким.

Беседуя с артистами, писатель отметил достоинство кабардинцев, назвав их «прекрасными, трудолюбивыми жителями Кавказа». «Кабарду узнаешь сразу, откуда к ней ни подъезжай – со стороны Осетии или из Пятигорска, – говорил Алексей Максимович. – Земля здесь прилежно и любовно обработана трудолюбивыми кабардинцами. Люди чисто, хорошо работают. Любят работать. Живет теперь народ счастливо и никогда больше не повторится трагедия на Зольских пастбищах.

Конечно, народ был исторически отсталым, но в этом не его вина, а его беда. Сейчас надо только радоваться кабардинскому народу, бы-стро овладевающему культурой. Вы будете счастливо жить в братской семье народов...» И дальше: «Хорошо умеют кабардинцы веселиться, как хорошо умеют и работать».

Высказывания А. М. Горького о кабардинском народе имеют исключительное важное значение. И дело не только в том, что эти высказывания укрепляют любовь к национальным достоинствам этого маленького трудолюбивого народа, но и в том, что они привлекают внимание многих русских писателей, художников, ученых к кабардинской теме.

Разные причины привели Грибоедова, Лермонтова, Толстого к непосредственному участию в войне царизма против освободительного движения северокавказских горцев, но всех их в конце концов объединило суровое и беспощадное осуждение колонизаторской политики царизма на Северном Кавказе и сердечное отношение к труженикам-горцам, к их устному народному творчеству.

Присоединение Кавказа к России объективно имело прогрессивное значение, это понимали передовые люди прошлого столетия. Но в их сердцах горел огонь ненависти против жестокой колониальной политики царизма. Вместе с тружениками-горцами и простыми русскими воинами великие писатели жаждали мирных, добрососедских отношений между народами.

МУХАДЖИРСТВО*

Отрывок из поэмы

1

Зеркало истории

Война пылала на Кавказе...
Царю нет дела до утрат,
И он, свирепствуя в указе,
Шлет в пламя тысячи солдат.
Пусть славы вкус не сладок нынче,
Гяуры мчатся во всю прыть,
И в их речах, и в грозном кличе
Звонит надежда победить.
– Соратники! Ничтожный выкуп
Нам платят горцы до поры,
К чему тогда стрельба и крики,
К чему бивачные костры?
К чему напрасно тратим силы?
К чему ведем джигитов в плен?
А семьи от нужды постылой
Не поднимаются с колен.
Где вы, любители трофеев?!
Кто молод весел и горяч,
Пусть горный ветер нас овеет
Пьянящим запахом удач.
Когда б вы знали, сколько злата
Дадут нам склоны этих гор...
Клянемся же Христом распятым
Хранить наш тайный договор!
Солдаты клятву повторяли,
Так научила их война:
За все обиды и печали
Чужая смерть воздаст сполна!
– Собратья, порохом и потом

Лихие дни спаяли нас,
Чтоб русским кесарям в угоду
Покорным стал седой Кавказ.
Довольно тратить время даром,
Зазря разбрасывать слова,
Ведь завтра может стать товаром
Отрубленная голова.
Дорога к золоту открыта
На этой гибельной войне,
Коль можно голову джигита
Продать по выгодной цене.
В каком прописано законе
Жалеть чужих детей и вдов?
Я знаю, горцы не хоронят
Своих собратьев без голов.
Нам столько раз бывало тяжело
В объятьях этих страшных гор!
И тем, кто даст врагу поблажку,
Мое проклятье и позор!
Слова жестокого солдата
Разили разом наповал,
Как будто бы посланец ада
Свой голос к людям обращал.

Того, кто в мир явился смелым,
Не зря джигитом нарекли.
И становилась главным делом
Защита собственной земли.
А на войне взрослеют рано,
И юный воин рвался в бой,
Смеялся он над первой раной,
И над проказницей-судьбой.
Он вырастал с воиною ровень...

* Здесь – массовая эмиграция коренного населения Северного Кавказа – в результате Кавказской войны (1830–1864 гг.) – в Турцию и страны Ближнего Востока.

*Стела Победы на площади Чести
г. Нальчик. Фото Руслана Мамиева*

Герои Советского Союза – сыны Кабардино- Балкарии

*Ф. П. Агеев, Г. К. Атаманчук,
А. Ю. Байсултанов, Н. М. Бусаргин,
Г. Д. Воровченко, Н. И. Двуреченский,
Н. М. Диденко, А. Д. Емельяненко,
И. Ф. Зубарев, Х. Т. Иванов,
И. И. Иллазаров, Н. Г. Калюжный,
А.-Х. Т. Канкошев, Н. Т. Канукоев,
К. Л. Карданов, В. Г. Кузнецов,
Г. А. Кузнецов, В. С. Левченко,
И. К. Липчанский, А. Я. Масаев,
Ш. М. Машкауцан, В. Т. Михайленко,
Н. М. Моисеев, С. Я. Муругов,
Г. А. Оганьянц, П. Т. Плотянский,
М. К. Рогачев, С. В. Стеблинский,
В. Г. Тамбиев, М. М.-Г. Урмаев,
С. М. Ушанев, М. А. Яхогоев.*

Полные кавалеры ордена Славы

*В. Ф. Буцало, А. А. Волосатов,
М. А. Герасименко, В. А. Кузнецов,
М. И.-О. Мамедов, М. Ф. Мусов,
М. П. Павленко, И. Ф. Радченко,
П. С. Усачев.*

В годы войны труженики Кабардино-Балкарии жили и работали в едином порыве – «Все для фронта, все для победы!». На постройку танковой колонны из личных сбережений *Хапача Хамашевич Каширгов* внес 50 тысяч рублей, *Мисед Камботович Тхазеплов* – 30 тысяч, *Мурид Батурович Кардангушев* – 50 тысяч.

Герои Социалистического Труда

*Н. Б. Абубекиров, А. Т. Альмов, А. К. Арамисов, М. К. Атабиев,
С. Х. Аттоев, М. Х. Ахметов, М. М. Баков, Х. Г. Бгажноков, В. В. Брагин,
Н. Н. Евтушенко, Г. Х. Емишев, М. Ч. Залиханов, М. А. Камбиев,
М. А. Котепахов, А. П. Кудряшова, Ш. Я. Муллаев, А. Ж. Панагов,
С. М. Паитова, К. К. Тарчоков, Б. Х. Тхакахов, Ф. Х. Урмаева, Х. К. Хажметов,
Ш. Н. Чизирова.*

Т. А. Энеев – специалист в области механики, теории управления и прикладной математики, членкор Академии наук СССР (1968), академик РАН (1992), Лауреат Ленинской премии.

РОССИЯ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ СЕГОДНЯ

*Встреча президента КБР Арсена Канокова с председателем правительства РФ и лидером партии «Единая Россия» Владимиром Путиным. г. Кисловодск, 6 июля 2010 года.
Ф о т о Руслана Мамиева*

Д. А. Медведев в школе № 32 г. Нальчика, КБР, 2010 г.

*Президент Кабардино-Балкарской Республики – Арсен Канокон,
Президент Чеченской Республики – Рамзан Кадыров*

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ – ЧАСТЫЕ ГОСТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАЕВ (р. 1926) – известный русский поэт и публицист, лауреат Ленинской премии (1980), Герой Социалистического Труда (1986). Родился 2 мая 1926 года в с. Коршево в крестьянской семье. В 1943 г. был призван в Красную Армию. В 1955 г. окончил с отличием Литературный институт имени М. Горького. С 1981 г. – секретарь правления СП СССР. Автор книг: «Двадцать пятый час», «Мои осенние поля», «Убил охотник журавля», «Жизнь прожить» и многих других. Им написаны поэмы «Над волнами Дуная», «Суд памяти»,

«Даль памяти». Имеет двух сыновей, двух внуков и внучку.

Живет в Москве.

В те времена, шестидесятых годов, когда публицистика стала оружием повседневности, когда в ней стали нуждаться как никогда, на страницах журнала «Октябрь» появилась поэма Егора Александровича «Суд памяти». Это необычное, глубокое по содержанию произведение, написанное на важнейшую тему современности и на самую важную тему дня и века, связанную непосредственно с борьбой за мир во всем мире остается и сегодня одной из важнейших проблем человечества, когда фашизм разноязычно будоражит обманутую молодежь, втягивая их в борьбу на площадях и улицах, выплескивая всевозможную ненависть на народы.

Ныне каждому здравомыслящему человеку понятно, что в ряду других жизненных благ мира первейшая – ценность бытия. Поэма содержала в себе столько картин-размышлений о минувшей войне, о философии первого выстрела, что всем было даже удивительно, как вместилось столь богатое содержание на скупой отведенной автором площади. Впрочем, лаконизм – давняя и наиболее устойчивая традиция отечественной литературы. Егор Исаев высказал верную мысль о том, что павшие «кричат не где-нибудь, а в нас. За нас кричат». В произведении властно прозвучал мотив грозного предостережения. Пусть ничего не говорилось об опасности атомной войны, но тень водородного гриба незримо присутствовала в естественно льющихся строфах лучшего антивоенного произведения современности, находя отклик в сердцах миллионов людей.

Мы часто не думаем о Земле – о Планете, по которой ходим, на которой стоит наш дом, растут дети, растут хлеба. Мы забываем, что Земля наша мать, упрощая ее до уровня понятий, где имеем возможность

ходить и размножаться. Мы забываем поклониться ей, нашей прародительнице, кормилице нашей, держашей нас на себе и на себе несущей нас, как мать своего ребенка на груди.

И человек, сын ее, должен сознательно, без каких-либо там религиозно-мистических отклонений, постоянно, как молитву, воздавать великое благодарение Земле.

*Да, да, Земле!
Той самой, с облаками,
Родимой той и забывенной той,
Где родники роднятся с рудниками,
А кровь-руда – с рудничною водой,
Ей – только ей! – воздастся полной мерой
В пределе том, неведомо каком,
За хлеб,
За соль,
За первый шаг,
За первый
Невнятный слог,
За слово с корешком,
За свет,
За мысль,
За тяжкий дар познанья,
Так высоко отшторивший зенит,
За вечный зов,
За берег ожиданья,
За весь ее нетягостный магнит
Воздастся ей.*

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГАНИЧЕВ, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора, председатель Союза писателей России, профессор.

Мир в очередной раз повержен в хаос, он в очередной раз требует упорядочения. И Россия снова понадобилась миру, как в период татаро-монгольского нашествия на Европу, как в период ее освобождения от тирании Наполеона, как при рассеянии мрака гитлеровского фашизма. Россия и пришла на помощь миру. Хотя четко надо помнить исторический урок неблагодарности Европы, о котором говорил еще Пушкин. Достаточно легковерия и наивности в отношениях с Западом и Востоком, поклонения перед умело выстроенными, вдохновляющими, так называемыми «научными», политологическими теориями и реформами! Надо идти в ту историческую глубину, которую нам предоставила Россия. И эта глубина откроет нам высоту!..

Упорядочение мира, бесспорно, придет из России, с ее просторов. Россия страдает и мается за весь мир. Все, что происходит сегодня в мире, уже пройдено, пережито, осмыслено, выстрадано: и война в Чечне и в Афганистане, и взаимоотношения с исламскими народами и жизнь вместе различных по своему менталитету народов.

АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПАРПАРА, лауреат Государственной премии России, автор первой драматической поэмы «Гагарин, или Три дня из жизни космонавта» известен концентрацией в своем слове национальной энергии. Его песни поются, стихи изучаются в школах, к нему тянутся читатели, к нему летят письма со словами благодарности. Ему пишут россияне и иностранцы из разных частей света. Его ученики сами становятся подвижниками.

Он один из самых основательных поэтов и драматургов России, которому удалось осветить своими историческими поэмами малоизвестные или затуманенные, но узловые периоды прошлого Российского государства: эпоху Ивана Великого.

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ ИВАНОВ родился в г. Бежецке Тверской области. В юности жил на Кольском полуострове на берегу Белого моря. Окончил Литературный институт в Москве. Автор многих книг стихов. Первый секретарь правления Союза писателей России.

Россия – это не страна,
Не государство, не колония,
А диво дивное она,
Она картина и симфония...

Она, конечно, и страна,
И государство, и колония,
Но где-то в вечности она –
Моя любимая симфония.

Мои поля, холмы и мхи...
Неисчислимое наследие...
Мои любимые стихи.
Моя любимая трагедия.

ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ РАХМАНОВ родился в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Служил в рядах Советской Армии. Работал в археологических экспедициях, в газетах, журналах, издательстве.

Стихи и переводы публиковались в альманахах «День поэзии», «Истоки» в коллективном сборнике «Готовность», в журналах «Дружба народов», «Москва», «Советская женщина», «Литературная Армения», «Дон», «Полярная звезда» в «Литературной газете», «Литературной России», «Советской России».

«Проводи меня в дорогу» – первый поэтический сборник Вадима Рахманова.

Всегда в его книгах есть то, что зовется «нравственным стоицизмом», принятием жизни такую, какая она есть, с острым, открытым, никогда не угасающим желанием изменить к лучшему мир и себя в этом мире.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА ЩИПАХИНА – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба

народов» и «Знак почета», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским. Живет в Москве.

ИВАН ЮРЬЕВИЧ ГОЛУБНИЧИЙ, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, действительный член Петровской Академии наук и искусств, секретарь СП РФ, главный редактор литературно-исторического журнала «Великороссь», г. Москва.

Отсутствие единства в сфере общественного сознания отражается на состоянии современного литературного процесса. Индустрия борьбы с советским прошлым с либеральных позиций органично сочетается с более вялой, но все же весьма жизнеспособной тенденцией борьбы с советским же прошлым, но с позиций национально-патриотических. Отсутствие общепринятых критериев понижает уровень до предела, за которым порой серьезный разговор исключается. Отсутствие общенациональной идеологии неизбежно влечет за собой понижение уровня гражданского сознания и подмену его пропагандистскими штампами, что в литературе очень заметно... Все это – тоже реальность, заслуживающая осмысления.

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ – автор книг стихотворений «И было утро» (1993), «Рядом» (1997), «Подорожная» (2001), «Когда-нибудь» (2005), «Лунный снег» (2007) и многих публикаций в отечественных и зарубежных литературных журналах и коллективных сборниках.

Из тумана-в туман Артур Амиров Булатов

Иван Тertychnyй With tempo 180

mf *mp*

лес-на-во-мож-на Есть ко-рот-кий-прив-ет
 мех-в-той-лес-не на-ря-щий-над-ско-лом
 в Г Сп

стран-ствен-ный-план, где-вид-не-ет-ся-чёр-ный
 ры-дель-та-план, и-на-мех-на-по-би-му
ю-ми-лу-ю, злу-ю.

28 *mf* Прогреш
 "Из-ту-ма-на-ву-ман..." Из-ту-ма-на-ву-ман..."
 "Из-ту-ма-на-ву-ман..." Из-ту-ма-на-ву-ман..."

38 Сначала
mf

48 Сначала
mf
 Есть на-

Из тумана – в туман

Эта песня возможна. Она без начала.
 Есть короткий привет – и пространственный план,
 Где виднеется чёрный корабль у причала.
 «Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

Есть намёк в этой песне на юность былую,
 На парящий над склоном горы дельтаплан,
 И намёк на любимую – милую, злую!..
 «Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

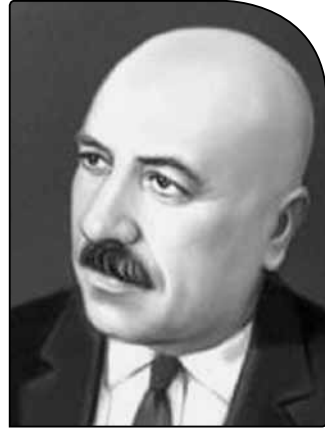
А ещё обнаружить в ней можно, что между
 Еле слышимых строк – чей-то самообман:
 Уходили ночами мечты и надежды.
 «Из тумана в туман, из тумана – в туман...»

И, быть может, догадка о тщетности мысли,
 Что судьбу можно спрятать, как пряник в карман.
 А о прочем – молчанье: о счастье, о смысле...
 «Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

ЛАУРЕАТЫ ГОСПРЕМИИ РОССИИ
И МНОГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД

Кешоков Алим Пиемахович
Народный поэт КБАССР, Герой
Социалистического Труда, лауреат
Государственной премии РСФСР
им. М. Горького, лауреат Государ-
ственной премии КБР

Кулиев Кайсын Шуваевич
Народный поэт КБР,
лауреат Ленинской премии,
лауреат Государственной премии
СССР, лауреат премии международного
Лермонтовского фонда, лауреат Госу-
дарственной премии КБР

Зமாகулова Танзиля Муштафиевна
Народный поэт КБАССР,
лауреат Государственной премии
РСФСР им. М. Горького,
имеет орден Почета РФ, лауреат
Государственной премии КБР

Темирканов Юрий Хатуевич
Заслуженный артист РФ, Народный
артист КБР, РФ, СССР, лауреат Го-
сударственной премии РСФСР, СССР,
многих международных конкурсов, ди-
рижер Санкт-Петербургского академи-
ческого симфонического оркестра

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Али МУСУКОВ,

*министр экономического
развития и торговли КБР*

Объем **валового регионально-го продукта на душу населения** в 2010 году оценочно составил 82,9 тыс. рублей. Среднее значение показателя по Российской Федерации – 232,4 тыс. рублей. По сравнению с 2005 годом в 2010 году данный показатель увеличился в 2 раза.

Сельское хозяйство за 2006–2010 годы сохранило устойчивость и позитивную динамику. Из 7 субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, Кабардино-Балкарская Республика по объему производства продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения в 2010 году занимает 3 место среди регионов – 22 954,8 рублей, уступая лишь Карачаево-Черкесской Республике и Ставропольскому краю.

Индекс промышленного производства составил 136% по сравнению с 2005 годом. Индекс промышленного производства в 2010 году по сравнению с 2009 годом составил 103,6% (по РФ 108,2%), что вывело республику на 3 место по Северо-Кавказскому федеральному округу.

В промышленном производстве ведущую позицию в Кабардино-Балкарской Республике занимают производство и распределение электроэнергии, газа и воды (в расчете на душу населения – 9 564,8 рублей, 3 место по СКФО), а так же обрабатывающие производства (22 263,9 рублей на душу населения, 3 место).

В 2010 году наблюдается тенденция роста деловой активности субъектов малого и среднего предпринимательства. Этому способствует реализация мероприятий республиканской целевой программы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007–2011 годы».

В 2010 году в Кабардино-Балкарской Республике введено 257,9 тыс. кв. м **общей площади жилых домов**, это 4 место в округе. К уровню 2005 года показатель увеличился на 112,5%. Доля нашего региона в объеме введенного жилья в округе составляет 23,4%.

Оборот **розничной торговли** в Кабардино-Балкарской Республике в 2010 году составил 61 728,1 млн. рублей. Удельный вес в обороте округа – 7,84%. Оборот розничной торговли на душу населения

в Кабардино-Балкарской Республике составляет 69 170,9 рублей, это 4 результат в округе. В течение 2006–2010 годов данный показатель увеличился в 1,6 раза.

Из 7 регионов Северо-Кавказского федерального округа, по **денежным доходам на душу населения в месяц**, республика заняла 5 место и составила 10 531 рублей (по РФ 18 722 рублей). По сравнению с 2005 годом показатель увеличился в 2,7 раза.

Основной составляющей денежных доходов населения остается заработная плата. **Средняя заработная плата** увеличилась по сравнению 2005 годом почти в 2,5 раза и составила в 2010 году 11 642,1 рублей (5 место по Северо-Кавказскому федеральному округу).

Регионы Северного Кавказа, входят в группу регионов с наиболее низкими доходами. В Кабардино-Балкарской Республике отмечается ежегодное снижение доли населения, живущего за чертой бедности. В 2009 году показатель составил 16,3 % по сравнению с 57,5 % в 2000 году. Среднероссийский уровень бедности в 2009 году – 13,2 %.

Особую важность занимает проблема **занятости населения**.

Численность официально зарегистрированных безработных составила на конец 2010 года 12,0 тыс. человек или 3 % к экономически активному населению. По сравнению с 2005 годом показатель снизился в 3,1 раза. Это один из самых низких показателей по округу.

Реализуемые правительством Кабардино-Балкарской Республики антикризисные меры, программы содействия занятости населения способствовали устойчивому развитию положительных тенденций на рынке труда. Реализация инвестиционных проектов, социально-экономические преобразования в республике позволили добиться снижения численности безработных граждан почти на 37 % по сравнению с показателем на конец прошлого года. По состоянию на 1 января 2011 года на одну заявленную вакансию приходилось 4,6 безработных против 14,1 человек год назад.

В соответствии с комплексной оценкой наилучших значений показателей достигнутого **уровня эффективности органов исполнительной власти** субъектов Российской Федерации, Кабардино-Балкарская Республика в 2009 году заметно улучшила свое положение и заняла 40 место среди субъектов РФ по сравнению с 54 местом в предыдущем году. По динамике достигнутого уровня эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам работы за 2007–2009 годы Кабардино-Балкарская Республика занимает 41 место.

Достижения Кабардино-Балкарской Республики

Последние годы в развитии Кабардино-Балкарской Республики характеризуются значительными достижениями в экономической, социальной и финансовой сферах.

Динамично развивались основные отраслевые сегменты экономики Кабардино-Балкарской Республики. Одним из основных факторов, повлиявших на показатели экономики республики, явилась реализация крупных инвестиционных проектов. Таких, как:

- сборка автобусов «Волжанин», производительностью 480 машин в год различной модификации и компоновки;
- свиноплекс на 2500 свиноматок;
- 2-ая очередь гондольной канатной дороги на гору Эльбрус, мощностью 1200 чел/час;
- реконструированный нальчикский хлебозавод (ООО «Нальчик-хлеб»), проектной мощностью 100 тонн в сутки;
- тепличный комплекс по выращиванию помидоров без грунта, общей площадью 30 га, мощностью 15 тыс. тонн в сезон (502 тонны с 1 га.);
- птицеводческий комплекс на 13 корпусов – 2,8 млн. голов птицы в год;
- завод по переработке нефтепродуктов;
- производство широкого спектра рентгеновской техники;
- производство инфузионных растворов и таблеток – более 10 наименований фармацевтической продукции;
- производство стеклотыловок из бесцветного стекла;
- текстильное производство;
- кожевенный завод ООО «Кариста»;
- производство бетонных столбиков для интенсивного садоводства;
- производство и упаковка короткорезанных макаронных изделий;
- технологическая линия по переработке овощей;
- производство металлической мебели.

Особую актуальность в условиях кризиса приобрели поддержка реального сектора экономики, а также стимулирование инвестиционных проектов, реализуемых на основе государственно-частного партнерства. Софинансирование перспективных проектов осуществляется через Агентство инвестиций и развития Кабардино-Балкарской Республики.

В отраслях материального производства реализовано значительное количество инвестиционных проектов, направленных на реконструкцию и модернизацию предприятий, а также на создание новых производств, выпускающих высококачественную и конкурентоспособную продукцию.

Посредством долевого участия ОАО «Агентство инвестиций и развития Кабардино-Балкарской Республики» в капитале предприятий в 2009 году поддержан ряд инвестиционных проектов.

Так, запущено текстильное производство на новом предприятии ООО «Борен Текстиль». Производство работает в три смены. В 2010 году планируется расширение производства. На сегодняшний день работает 270 человек. Общая стоимость проекта – 700 млн. рублей. Предполагаемый объем производства в год составит 850 млн. рублей, ежегодные налоговые платежи – 89 млн. рублей.

Завершены подготовительные работы по организации производства стеновых блоков, тротуарной плитки и бордюрного камня на ООО «ЗЖБИ-2». Заключен контракт на поставку оборудования с фирмой «XESS». На сегод-

нышний день работает 15 человек. Общая стоимость проекта составляет 50 млн. рублей. Ежегодные налоговые платежи составят 7 млн. рублей в год. Валовый объем производства предполагается в размере 50 млн. рублей.

На ООО «Базис» реализуется проект, стоимостью 93 млн. рублей, по организации производства бетонных столбиков для нужд сельскохозяйственных товаропроизводителей, применяющих технологии интенсивного садоводства. Создано 14 рабочих мест. Предполагаемый объем ежегодных налоговых платежей – 21 млн. рублей, валового объема производства – 122 млн. рублей.

На ООО «Консервпром» установлена технологическая линия по консервированию зеленого горошка, огурцов, томатов. В 2009 г. была произведена уборка и переработка овощеводческой продукции на новой технологической линии. Успешно идет реализация готовой продукции. В сезон (июнь-ноябрь) на предприятии работает 406 человек. С декабря по май работает 44 человека. Общая стоимость проекта составляет 175 млн. рублей. Валовый объем производства в год составит 444 млн. рублей, налоговые платежи – 14 млн. рублей в год.

Кроме того, несколько инвестиционных проектов были поддержаны путем предоставления налоговых льгот. Между правительством Кабардино-Балкарской Республики и инициаторами проектов были заключены инвестиционные соглашения на предоставление налоговых льгот по налогу на имущество.

4 декабря 2009 года состоялось открытие кожевенного завода в г. Чегеме на ООО «Кариста». В настоящее время численность персонала предприятия составляет 100 человек. Предполагается ежегодно производить продукции на сумму 360 млн. рублей, ежегодные платежи при этом составят – 30 млн. рублей.

Введена в эксплуатацию первая очередь свинокомплекса на АПК «Прохладенский» – филиал ЗАО «Киево-Жураки», производительной мощностью 6900 тонн мяса. Общая стоимость проекта – 1 498,4 млн. рублей.

На ООО «ЛВТ» организовано производство стеклотбутылок из бесцветного стекла. Из запланированных в проекте 300 рабочих мест набрано 170 человек. Выпускаемую продукцию планируется реализовывать в Северо-Кавказском Федеральном округе. Общая стоимость проекта – 1 330 млн. рублей. Валовый объем производства предполагается около 270 млн. рублей в год, налоговые платежи составят 70 млн. рублей в год.

В городском округе Баксан открыто новое совместно-турецкое предприятие по производству металлической мебели «Джеха». Проект закладывает развитие целой отрасли в республике. Ежегодный объем производства прогнозируется в сумме 648 млн. рублей. Количество рабочих мест – 500 человек.

В республике запущены первые очереди крупных высокоэффективных инвестиционных проектов по производству сельскохозяйственной продукции и высокотехнологичной переработки сельскохозяйственного сырья.

В Баксанском муниципальном районе республики на ООО «Агро-Ком» создано тепличное хозяйство, основанное на самых высоких технологиях. Общий объем инвестиций в проект составляет 1 956 млн. рублей. В начале 2009 года в результате ввода в эксплуатацию первой очереди теплиц площадью 10 га было создано 98 новых рабочих мест. К концу реализации проекта будет создано 352 рабочих места. Валовой сбор урожая за период с апреля по декабрь 2009 года составил 4 136,6 тонны. Продукция предприятия реализуется в основном в следующих направлениях: г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург, г. Саратов, г. Омск, г. Вологда, г. Сургут. Выручка предприятия по итогам 2009 года составила 247,06 млн. рублей. Продолжается строительство второй очереди, площадью 10 га.

В республике реализуется инвестиционный проект «Развитие интенсивного садоводства». По самым современным технологиям в 2009 году осуществлена закладка садов интенсивного типа на площади 200 га. До конца 2012 года планируется ежегодно осуществлять закладку 600 га яблоневых садов. Общая стоимость проекта составляет 3 200 млн. рублей. Предполагается создание 4 000 новых рабочих мест.

За период с 2006 по 2010 год введено в эксплуатацию более 150 социально значимых объектов, в том числе такие крупные, как республиканский противотуберкулезный санаторий в г. Нальчике (на базе санатория «Звездочка»), православный храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины, Курпский групповой водопровод, спутниковая распределительная и наземно-передающая сеть телевизионного вещания в Кабардино-Балкарской Республике, физкультурно-оздоровительный комплекс в с. Нижний Куркужин, ВЛ 110 кВт для электроснабжения Черекского района и г. Нальчика (2 очередь, подстанция), мечеть в с. Карагач.

Перспективы социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики

Основные направления развития республики регламентированы такими документами, как «Стратегия развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 года» и «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года (утвержденная 6 сентября 2010 года)». Реализация поставленных в указанных документах целей по развитию наиболее перспективных направлений социально-экономического развития позволит значительно ускорить становление в республике ряда кластеров:

- туристско-рекреационного;
- агропромышленного;
- промышленного;
- энергетического;
- промышленности строительных материалов;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- инновационно-образовательного.

Становлению новой экономики будет способствовать реализация крупных инвестиционных проектов, в том числе вошедших в Стратегию социально-экономического развития СКФО до 2025 года, а именно:

- всесезонного горного курорта «Приэльбрусье»;
- проекта «Высота 5 642», (горнолыжные туристические комплексы «Архыз», «Приэльбрусье», «Матлас», «Мамисон»);
- завода по производству полиэтилентерефталата (ООО «Этана»);
- строительство Черек-Балкарского каскада гидроэлектростанций;
- строительство наземных сетей цифрового телерадиовещания и др.

Модернизация экономики республики будет основана на принципах четырех «И», сформулированных президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым: «Инновации», «Инвестиции», «Институты», «Инфраструктура».

Эффективному развитию Кабардино-Балкарской Республики в перспективе будет способствовать реализация ряда мер по усилению инновационного характера экономики и ее диверсификации, высокая инвестиционная активность и осуществление ряда крупных инфраструктурных проектов.

Решение основных социальных проблем республики полностью зависит от состояния экономики региона, основополагающим фактором развития конкурентоспособности которой является интенсивность внедрения инноваций.

В целях развития инновационной сферы в Кабардино-Балкарской Республике уже создана необходимая нормативно-правовая база (Закон Кабардино-Балкарской Республики от 29 июня 2002 года № 39-РЗ «Об инновационной деятельности в Кабардино-Балкарской Республике»; Закон Кабардино-Балкарской Республики от 22 марта 2002 года № 18-РЗ «Об инвестиционном налоговом кредите»; Закон Кабардино-Балкарской Республики от 25 февраля 2010 года № 15-РЗ «О государственно-частном партнерстве Кабардино-Балкарской Республики»; создан Координационный совет по развитию научно-технической и инновационной деятельности при правительстве Кабардино-Балкарской Республики (Постановление правительства Кабардино-Балкарской Республики от 25 февраля 2009 №39-ПП); Закон Кабардино-Балкарской Республики от 30 июля 2010 года № 70-РЗ «О технопарках»).

В полной мере должны быть реализованы положения, обозначенные в Постановлении правительства Кабардино-Балкарской Республики «О поддержке инновационной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике».

Предполагается внедрение инновационных технологий, разработанных Кабардино-Балкарским государственным университетом:

- производство многоцелевого комплекса для получения и исследования свойств наноструктур и производства изделий на их основе;
- технология электрохимического синтеза наноразмерных порошков карбида вольфрама;
- производство монокристаллов кремния;

- технология использования новых и возобновляемых источников энергии для нужд Кабардино-Балкарской Республики;
- технология создания наноструктурированных материалов для микроканальных пластин,
- технология изготовления строительных материалов на основе полимерных отходов;
- полимерно-глинистые нанокомпозиты – новый тип материалов для очистки воды.

Расширению форм деятельности научных учреждений и ВУЗов, а также практическому внедрению результатов интеллектуальной деятельности ученых, преподавателей, аспирантов и студентов будет способствовать реализация инициативы президента Российской Федерации Д. А. Медведева о создании малых предприятий при ВУЗах. В ближайшей перспективе планируется создание при Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии им. В. М. Кокова инновационных образовательно-научно-производственных структур, в частности:

- хозяйственного общества «ЭКОБЕРЕГ», которое будет обеспечивать внедрение в производство (проектное дело и строительство) результатов научно-исследовательской деятельности сотрудников академии, занимающихся в области биоинженерной защиты территорий, природоохранного и гидротехнического строительства;

- хозяйственного общества «ЭКОАГРОТЕХНОЛОГИЯ» для обеспечения внедрения в производство результатов научно-исследовательской деятельности сотрудников, занимающихся в области улучшения экологического и агротехнологического состояния пахотных земель;

- общества «Энергосберегающие технологии», целью которого является изобретательская деятельность в сфере альтернативной энергетики. Уже получены 2 патента на изобретения в области солнечных тепловых коллекторов;

- хозяйственного общества «ВНЕДРЕНЕЦ» для организации научно-производственной, коммерческой деятельности по разработке биотехнических основ животноводства.

Дальнейшая реализация ряда инвестиционных проектов позволит значительно обновить выпускаемую продукцию, модернизировать производственные мощности.

В соответствии с государственной инвестиционной политикой при реализации инвестиционных проектов на первый план выходит задача стимулирования привлечения средств капитала из внебюджетных источников (как отечественного, так и иностранного), а также поиск новых форм совместного (государственного и частного) инвестирования в перспективные проекты.

Для финансирования инвестиционных проектов будут привлекаться иностранные, российские и региональные финансовые институты (посредством создания холдингов, банковских, страховых пулов и др.). Всестороннее содействие предполагается оказать в создании компаний, специализирующихся на лизинге.

Постановлением правительства Российской Федерации от 14 октября

2010 года № 833 «О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае и Республике Адыгея» принято решение о создании туристско-рекреационной особой экономической зоны на территории Черекского, Чегемского, Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики.

Предполагается использование механизмов Инвестиционного фонда Российской Федерации с целью создания высокоэффективных государственно-частных партнерств для снятия инфраструктурных ограничений экономического роста, стоящих перед республикой.

Также будут активно использоваться методы государственной поддержки инвестиционной деятельности на территории Кабардино-Балкарской Республики, закрепленные Законом Кабардино-Балкарской Республики «Об инвестиционной деятельности на территории Кабардино-Балкарской Республики».

В республике поэтапно будет проводиться работа по либерализации осуществления инвестиционной деятельности. Планируется минимизировать воздействие государственного аппарата на деятельность частного капитала. Это будет осуществлено посредством приватизации неэффективно функционирующих предприятий промышленности и других отраслей экономики.

На повышение квалификации персонала, связанного с привлечением инвестиций, будет нацелена реализация системы образовательных проектов.

Развитие инфраструктуры фондового рынка необходимо для капитализации активов, создания современного регионального рынка капиталов.

Для внедрения эффективного механизма формирования инвестиционных предложений инвесторам, обеспечивающего быстрый поиск и наглядную презентацию инвестиционных возможностей республики, необходимо создание и поддержание в актуальном состоянии реестра инвестиционных проектов и инвестиционных площадок.

В целях инвестиционного маркетинга предполагается создание брэнда инвестиционно привлекательного региона, что будет способствовать обеспечению коммуникационных, презентационных и информационных условий для взаимодействия с максимальным количеством потенциальных инвесторов.

Проводимая политика в сфере **информатизации развития информационного общества** в республике позволит повысить эффективность государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг.

В ближайшей перспективе предполагается **модернизация транспортной инфраструктуры** Кабардино-Балкарской Республики.

На развитие транспортной инфраструктуры направлены такие инвестиционные проекты, вошедшие в Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, как:

– реконструкция автомобильной дороги М-29 «Кавказ»;

- строительство автомобильной дороги Кисловодск – Долина Нарзанов – Джилы Су – Эльбрус;
- строительство железнодорожной линии Солдатская – Тырнауз;
- обеспечение сельских населенных пунктов связью с сетью автомобильных дорог общего пользования;
- реконструкция автомобильной дороги Назрань – Малгобек – Нижний Курп – Терек;
- реконструкция автомобильной дороги Прохладный – Эльхотово;
- строительство терминально-логистических комплексов регионального уровня в городах Беслан, Буйнакск, Кизляр, Дербент, Нальчик, Назрань, Черкесск;
- строительство кольцевой автомобильной дороги, г. Нальчик;
- реконструкция автомобильных дорог в рекреационном комплексе «Приэльбрусье».

Строительство нового международного **аэропортового комплекса** (г. Нальчик) нацелено на удовлетворение спроса на международные перевозки в страны Ближнего Востока, Западной Европы, стран СНГ, перевозки на внутренних воздушных линиях – в отдельные регионы России, на улучшение качества предоставляемых авиауслуг.

Объединению авиационных аэроузлов, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры в современный центр; организации транспортных потоков через территорию Кабардино-Балкарской Республики; переработке и доставке грузов от производителей в затаможенные накопители и припортовые зоны к потребителю будет способствовать создание Нальчикского **интермодального транспортного центра**.

При создании **железнодорожной** инфраструктуры на территории Эльбрусского, Баксанского и Прохладненского районов возможно строительство заводов по производству строительных материалов, ежегодный грузопоток которых составит более 8 млн. м³, или 14,2 млн. тонн грузов. Республика могла бы в длительной перспективе обеспечить все железные дороги страны столь востребованным для их эксплуатации гранитным щебнем.

Обеспечение опережающего развития **коммунальной инфраструктуры** будет способствовать увеличению предложения жилья на рынке жилищного строительства.

В коммунальной сфере будут продолжены работы по замене ветхих инженерных сетей и сооружений, особенно в сельской местности, а также газификации новых микрорайонов населенных пунктов республики.

В целях повышения уровня обеспеченности населения жильем в рамках реализации «Стратегии развития Кабардино-Балкарии до 2030 года» и республиканской целевой программы «Жилище» на 2008–2012 годы предполагается строительство инженерных сетей и сооружений комплексной застройки жилого района «Восточный» в г. Нальчик.

В основном за счет государственных средств будет продолжено строительство объектов социально-культурной сферы.

Институты развития экономики республики, такие, как Совет при президенте Кабардино-Балкарской Республики по инвестициям, ОАО

«Агентство инвестиций и развития Кабардино-Балкарской Республики», Гарантийный фонд Кабардино-Балкарской Республики, особая экономическая зона туристско-рекреационного типа, государственно-частное партнерство станут катализаторами частных инвестиций в приоритетные секторы и отрасли экономики, будут способствовать внедрению инноваций, улучшат институциональную среду, и повысят инвестиционную привлекательность республики.

В настоящее время в республике выстроена **комплексная система поддержки малого и среднего бизнеса**. Основной целью на предстоящий период станет доведение объемов финансирования мероприятий государственной поддержки малого и среднего предпринимательства к 2015 году с 0,3 процентов до 2,5 процентов от общих расходов республиканского бюджета Кабардино-Балкарской Республики.

Деятельность в сфере развития малого и среднего бизнеса будет сконцентрирована на следующих направлениях:

– в 2011 году завершение в полном объеме выполнения республиканской целевой программы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007–2011 годы»;

– разработка проекта новой пятилетней программы развития и поддержки малого предпринимательства с учетом опыта прошлых лет и анализа выполнения предыдущей программы;

– анализ и совершенствование нормативно-правовой базы в сфере предпринимательства, ежегодный мониторинг правовых актов;

– развитие существующих и внедрение новых кредитно-финансовых механизмов государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, включая субсидирование разницы процентных ставок по банковским кредитам, предоставление субсидий (грантов) начинающим предпринимателям в инновационной сфере, развитие системы гарантирования кредитных рисков субъектов малого и среднего предпринимательства;

– развитие системы микрофинансирования, включая муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства и кредитные кооперативы;

– поддержка молодежного предпринимательства;

– развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса, в том числе бизнес-инкубаторов, промышленных парков и технопарков. Планируется ежегодно вводить в действие как минимум 1 бизнес-инкубатор в муниципальных районах и городских округах республики;

– увеличение масштабов подготовки кадров для сферы малого и среднего предпринимательства, в рамках которой планируется обучение предпринимателей, специалистов объектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, молодежи и граждан, желающих заниматься предпринимательской деятельностью.

РУКОВОДИТЕЛИ
СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КБР

П. М. ИВАНОВ –
председатель Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, доктор тех-
нических наук, профессор

С. Х. ШХАГАПСОЕВ –
министр образования
и науки КБР,
доктор биологических наук,
профессор КБГУ

Б. С. КАРАМУРЗОВ – док-
тор физико-математиче-
ских наук, профессор, рек-
тор КБГУ

Б. Х. ЖЕРУКОВ –
доктор с/х наук, профессор, ректор
КБГСХА, секретарь политсовета Ка-
бардино-Балкарского регионального
отделения всероссийской политиче-
ской партии «Единая Россия»

А. М. НАХУШЕВ –
президент Адыгской (черкесской)
международной академии наук, доктор
физико-математических наук, про-
фессор

А. И. РАХАЕВ –
ректор СКГИИ,
доктор искусствоведения,
профессор

Абхазский Государственный университет

Алеко ГВАРАМИЯ,
ректор АГУ, вице-президент АМАН

Наш вуз берет свое начало с 1932 года, когда в Сухуме был открыт педагогический институт, просуществовавший до 1979 года.

Известно, что задача сохранения нации во многом равносильна сохранению ее языка, культуры, ее национального университета. Вот почему в нашем народе особо дороги те, кто отстаивал университетскую идею, самым активным образом участвовал в создании АГУ, его становлении. К их числу относятся очень многие люди – Борис Викторович Адлейба, Валерьян Османович Кобахия, Баграт Васильевич Шинкуба, Георгий Алексеевич Дзидзария, Акибей Фатович Хонелия, Зураб Вианорович Анчабадзе, Борис Григорьевич Тарба, Шалва Денисович Инал-Ипа, Юрий Николаевич Воронов, Хухут Соломонович Бгажба, Константин Семенович Шакрыл, Заур Хакиевич Авидзба. Конечно, – это Владислав Григорьевич Ардзинба и наши патриархи – Маргарита Глебовна Ладария, Макруи Авакимовна Консузян, Павел Хаджаратович Адзынба, Лидия Платоновна Чкадуа, Арвелод Эрастович Куправа, Екатерина Платоновна Шакрыл, Георгий Константинович Гублия, Шота Константинович Арстаа, Зинаида Всеволодовна Шевцова. Нельзя сегодня не вспомнить Зару Мектатовну Тарба, Антона Константиновича Адлейба, Дмитрия Антоновича Адлейба, Тамару Платоновну...

Хажбекир ХАВПАЧЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Как все начиналось

Отрывок из книги

Подготовка к декаде в честь 400-летия присоединения Кабарды к России шла полным ходом. Худруком художественной части программы был назначен руководством республики Ваню Ильич Мурадели, человек разносторонний, высокопрофессиональный, но и чрезвычайно упрямый. Скажет – снег черный, значит, так и будет, а пытаться доказать обратное – все равно, что лбом стену прошибать. Зная его нрав, я старался не ввязываться в перепалки и по возможности обходить острые углы.

Показываю ему программу симфонического оркестра. А он мне: «Хажбекир Хабалович, построение программы никуда не годится». Я пытаюсь возразить, а дирижер Артемий Григорьевич Шахгалдян делает мне знаки: не спорь, мол. Я молча взял программу и отошел к Шахгалдян:

– Мы с тобой выстроили режиссуру? Определили порядок исполнения?

– Ладно, не заводись. Худрук тоже должен к чему-нибудь придраться, показать свою профессиональность.

Я вернулся в филармонию. Отдаю программу секретарше и говорю:

– Галя, отпечатай без изменений, только бумагу другого оттенка возьми и ленту на машинке смени на другой цвет.

Секретарша удивилась, но перечить не стала. Через три дня я представил десять экземпляров программы, отпечатанной синим шрифтом на желтоватой бумаге. Комиссия собиралась в гостинице «Нальчик», в «люксе» второго этажа. Здесь всегда останавливался Ваню Мурадели, так что и в его отсутствие номер звался не иначе как «Люкс Мурадели».

Не моргнув глазом, отдаю «новую» программу. Мурадели пробежал ее глазами:

– Вот теперь другое дело. Теперь произведения выстроены грамотно, я даже слышу их звучание.

После я показал Артемию Шахгалдян оба варианта. Всегда сдержанный Артемий Григорьевич усмехнулся:

– Только ради Бога, Хажбекир, никому об этом не рассказывай. . .

На очередное заседание худсовета пришли руководители республики. Открывая заседание, первый секретарь обкома партии Мальбахов сказал:

– Мы должны внести изменения в программу. Нынешний год стал счастливым для республики – восстановлена справедливость, вернулись к родным очагам незаслуженно репрессированные братья наши – балкарцы. Восстановлена наша государственность в прежнем виде – Кабардино-Балкарская АССР. И в программу декады непременно должны быть включены и балкарские песни и танцы.

Ранним утром 30 апреля 1957 года меня разбудил стук в дверь. Я жил тогда в доме №12 на проспекте Ленина. Этот дом без преувеличения можно было назвать домом работников искусства. В моем подъезде жила знаменитая гармонистка Кураца Каширгова с сыном Билялом, уже известным танцором и певцом. В первом подъезде – Т. К. Шейблер, рядом с ним – солисты нашего танцевального ансамбля, супруги Соня Шериева и Султан Тутуков. В том же доме проживали артисты русского театра Николай Волошин и Александр Яралов, композитор Хасан Карданов, хормейстер ансамбля Бица Бленаова и ее супруг, певец Хажисмел Ивазов, певица Каражан Урусова и другие.

Я открыл дверь. Это был Трувор Карлович.

– Хажбекир, случилось несчастье. Ночью в больнице умер наш друг Бетал Куашев.

К тому времени Шейблер и Куашев только что закончили работу над одноактной оперой-балетом в трех картинах «Нарты». Ею и предполагалось открыть в Большом театре в Москве декаду нашего искусства.

Проводить поэта в последний путь собрались и стар, и млад. Такого наплыва народа Нальчик еще не видел. Мы прощались с большим поэтом и человеком, отважным солдатом и верным другом. Тысячи людей шли за ним, не стесняясь слез.

в Москве

Праздничным концертом в Колонном зале началась декада 20 июня 1957 года. В зале на две тысячи зрителей был аншлаг.

Программа открытия состояла из двух частей – литературной и концертной.

Вот и зажглись роскошные люстры Колонного зала. На сцену вышли поэты и писатели. Впереди – одетый в национальный костюм народный поэт Амирхан Хавпачев, за ним – старейший балкарский поэт Саид Шахмурзаев, секретарь Союза писателей СССР, поэт Сергей Смирнов, Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Адам Шогенцуков, Амирхан Шомахов, Фоусат Балкарова, Керим Отаров, Зубер Тхагазитов, я. Рядом с творческими работниками – секретарь обкома партии Хатуга Бербеков. В президиуме сидят работники Министерства культуры СССР и РСФСР, руководители Союза писателей СССР и России, первые лица нашей республики.

Зал замечательно встречал каждое выступление, каждый литературный или музыкальный номер. Я участвовал в декаде в двух лицах – и как поэт, и как помощник художественного руководителя. Помню, как шел к микрофону ватными ногами. Перед этим посоветовался с Фоусат и Адамом и выбрал для чтения одно стихотворение – «Люблю тебя, моя Кабарда». Оно, кстати, имело интересную историю.

В 1951 году в «Правде» опубликовали стихотворение Владимира Со-

сюры «Люблю тебя, моя Украина». Следом появилась разгромная статья – кто-то унюхал здесь душок буржуазного национализма. И, как водилось, стали статью обсуждать (естественно, после соответствующих указаний из ЦК КПСС) на всех партийных пленумах и бюро. Не остались в стороне и мы. Очень «кстати» подвернулось мое стихотворение. И на пленуме обкома партии Х. М. Бербеков в докладе отмечает: «Стихотворение Х. Хавпачева «Люблю тебя, моя Кабарда» по идейному содержанию схоже со стихотворением Сосюры В. «Люблю тебя, моя Украина». Как ни странно, спустя годы Ирина Шериева написала музыку к этим стихам, и песня звучит до сих пор...

Зал принял мое чтение очень дружелюбно.

Полтора часа длилась первая часть.

Вторая часть – музыкальная – открылась кантатой Хасана Карданова на стихи М. Алхасова «Свет дружбы». В обширной программе приняли участие лучшие художественные коллективы Кабардино-Балкарии, как профессиональные, так и самодеятельные, а также оркестр Московской филармонии.

После концерта участников развозили на автобусах по гостиницам. Те, кого поселили в ближние гостиницы, шли пешком. Последней вышла наша писательская делегация, с ними – секретарь обкома партии Бербеков. Увидев меня, счел необходимым похвалить:

– Все было хорошо подготовлено, Хажбекир. И стихотворение ваше, кстати, прозвучало, – хорошее стихотворение.

Я встрепенулся:

– Хатуга Мутович, вам вправду понравились эти стихи?

– Я же говорю. Они патриотичны, идею хорошую несут.

– Но в 1951-м вы говорили, что несут они буржуазную идею.

– Разве? – смутился Бербеков. Помолчав, добавил: – Думаешь, я видел эти стихи? Мне нужно было что-нибудь наподобие опальных стихов В. Сосюры, вот помощники и постарались.

– Видите, Хатуга Мутович, вам-то было безразлично, а мне чуть жизнь не сломали. Кто-то подсуетился и донес в консерваторию, там мне отказали в приеме в партию, и с поста заместителя секретаря комсомольской организации скинули. К счастью, директор консерватории Серебряков хорошо знал меня и относился по-доброму, он-то и отстоял меня, не то...

– Я ведь не знал всего этого, – виновато произнес Бербеков. – Что теперь прошлое поминать. Ты уж прости меня. А стихи мне и вправду понравились.

Как раз в период нашей декады в Москве свирепствовал грипп под названием «испанка». Закрывались на карантин места скопления людей – театры, стадионы, большие магазины. Наша программа оказалась под угрозой срыва. Многие наши артисты заболели, однако изнурительные репетиции в Большом театре никто не пропускал.

1 июля во время репетиции я почувствовал сильный жар во всем теле. Пришлось собрать все свои силы – завтра концерт!

Ни эпидемия, ни моросящий дождь не помешали зрителям заполнить зал. Настало время начала концерта, прошло десять, двадцать минут, а за-

навес все не поднимается. Зал занервничал – еще бы, Большой театр всегда славился своими жесткими правилами.

Наконец вспыхнули люстры в зале, и все взоры обратились к правительственной ложе. Под аплодисменты появились Н. С. Хрущев, И. А. Булганин, К. Е. Ворошилов и другие. В той же ложе наши руководители – Т. К. Мальбахов, А. Н. Ахохов, Ч. Тлостанов. Не было среди членов Президиума Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова. На второй день причину их отсутствия узнали все: они были исключены из членов Президиума и освобождены от занимаемых должностей...

В тот же день центральные газеты рассказали о заключительном концерте нашей декады и дали высокую оценку нашим артистам. Концерт действительно удался на славу. Оперу-балет «Нарты» зритель принимал восторженно. Партию главной героини Сатаней блестяще спела Валентина Сосмакова.

Партию Сосруко танцевал и пел Билял Каширгов. За эту роль он удостоился звания заслуженного артиста РСФСР, и Указ Верховного Совета вышел незамедлительно – 4 июля 1957 года.

В этом же концерте прозвучала песня для хора В. Мурадели «Кабардинка». Эту песню позже запели все, от мала до велика. На мои стихи и на музыку А. Шахгалдяна спели на сцене Большого две песни – «Си нэ дах» в исполнении Ирины Шериевой и «Фаризат» в пении Владимира Кодзокова.

С высоты нынешних лет я часто вспоминаю тот триумфальный день – 2 июля 1957 года, многое осмысливаю заново. Как сумели наши литература и искусство получить такое развитие за каких-то 40 лет? Нынче модно стало говорить, что Советская власть ничего хорошего не принесла народу, разве что тормозила его развитие. Но до Октябрьской революции у нас не было профессиональной литературы и искусства, театра, музыки, высших учебных заведений. Все это появилось у нас именно в годы Советской власти. Зачем же так бездумно хаять все, что было у нас хорошего и высокодуховного?

4 июля 1957 года участников декады республика встречала, как героев.

А 7 июля в честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России началась и в Кабардино-Балкарии Декада русской культуры. Проходила она по всей республике – в городе, в районах, в селах. В республику приехали хор имени Пятницкого, академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии, русский академический хор под руководством А. В. Свешникова, оркестр русских народных инструментов имени Осипова. Гостили у нас и балетная труппа Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, всемирно известный Московский художественный театр, прославленные музыканты и исполнители – всего более пятисот человек...

Так завершилось грандиозное празднование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. А нас ожидали новые дела, новые даты.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

КУЛЬТУРА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

«...Знаете ли вы, что такое пляски местных народов? Зрелище воистину удивительное, красочное, ярчайшее. Словами не передать – смотреть надо!» – писал русский топограф П. Степанов. «Кипящая пляска продолжается сряду час и более», «дым пороха носится над танцующим кругом», «шум, крики и говор народа... оглашают воздух», – вторит ему адыгский историк Хан-Гирей.

Они и остались такими – искрометными и величественными, зажигательными и плавными, танцы народов Кабардино-Балкарии, бережно сохраненные всемирно известными коллективами – Академическим государственным ансамблем адыгского танца «Кабардинка» и государственным фольклорно-этнографическим ансамблем танца «Балкария». Их солистам бисировали восторженные зрители Европы, Азии, Африки, Латинской Америки и Австралии. Они и сегодня достойно представляют на сценических площадках России и зарубежом хореографическое искусство нашей республики.

Солисты Большого театра России – заслуженная артистка РФ Лариса Рудакова и Марат Гали

Министр культуры КБР Руслан Фиров на открытии выставки изобразительного искусства «Осень – 2011» в Национальном музее КБР

Ансамбль «Кабардинка»

Ансамбль «Балкария»

Детские танцевальные коллективы КБР

Государственный ансамбль песни и пляски Терских казаков

Мухадин Кишев

Мало найдется тех, кто не слышал о художнике Михаиле Шемякине. Но не все знают о его кабардинских корнях, ощущая причастность к которым, мастер все чаще подписывает свои полотна родовой фамилией – Карданов.

Михаил Шемякин

Выставку за выставкой открывает в чужеземных странах

другой наш земляк – Мухадин Кишев. Мировую известность приобрели мастера кисти Руслан Цримов, Хамид Савкуев.

Полотна Германа Паштова, Якуба Аккизова, Виктора Абаева, Николая Гусаченко, Михаила Ваннаха, Ибрагима Джанкишиева, Мухамеда Кипова, Андрея Калкутина и многих других живописцев, графиков, скульпторов Кабардино-Балкарии представлены в галереях и музеях России, ближнего и дальнего зарубежья.

Мелодии черкесов (кабардинцев) и балкарцев в русском музыкальном искусстве занимают особое место. Именно через них М. И. Глинка, А. А. Алябев, М. А. Балакирев, С. И. Танеев, М. Ф. Гнесин смогли «услышать Кавказ». И открыть его России. А та, в свою очередь, вслушивалась в горский мелос, чтобы понять, признать, полюбить.

Вот почему так высока сегодняшняя миссия композиторов Кабардино-Балкарии, чьи произведения и имена – Хасана Карданова, Владимира Молова, Мухадина Балова, Абидина Байчекуева, Аслан-гери Казанова, Мустафира Жеттеева, Нихата Османова, Джабраила Хаупы, Заура Жирикова, Данила Согова, Тамары Блаевой – известны музыкальной общественности республики и за ее пределами.

Как и симфонический оркестр, возглавляемый заслуженным артистом РФ Борисом Темиркановым.

Как и голоса вокалистов Натальи Гасташевой, Людмилы Кульбаевой, Хусена Маремукова, Альберта Хупсергенова, Омара Отарова, Майи Бесочковой, Исмаила Жанатаева, Мухадина Батырова, Али Ташло, Заура Тутова.

И их молодых коллег – Черима Нахушева, Ольги Сокуровой, Султана Хажирокова. И, само собой, Димы Билана, Кати Лель, Сати Казановой, достойно представляющих нашу республику на российской и европейской эстраде.

Постановление Президиума Облисполкома от 13 июня 1936 года «Об организации Государственного театра» сыграло большую роль в становлении кабардинской и балкарской драматургии.

В итоге, 1936 год стал своеобразным этапом развития искусства в Кабардино-Балкарии. Созданы русский и кабардинский драматические театры. В процессе формирования находился балкарский театр. В Москве в театральном институте готовились для республики труппы – кабардинская и балкарская. Следует отметить, что к этому времени в области насчитывалось 58 театральных кружков. Назревал вопрос открытия в Кабардино-Балкарии колхозно-совхозного (передвижного) театра. Так, 14 января 1937 года Президиум Облисполкома по вопросу «Об организации Балкарского передвижного театра» и в связи с тем, что отсутствует балкарский театр и что подготовка актеров для профессионального балкарского театра в Московском театральном институте будет осуществлена через 2 года, постановил: 1) для обслуживания балкарского населения организовать балкарский передвижной театр. Итак, 1937 год ознаменован датой открытия в Кабардино-Балкарии колхозно-совхозного театра, основой которого стали скомплектованные студии из числа лучших участников драмкружков и выпускников двухмесячных курсов руководителей художественно-самодеятельных кружков, организованные при Госдрамтеатре, согласно Постановления Президиума Кабардино-Балкарского облисполкома от 23 декабря 1936 года...

29 июня 1940 года в помещении Государственного Института театрального искусства им. А. В. Луначарского (ныне РАТИ – Российская академия театрального искусства) состоялся выпуск кабардинской (28 человек) и балкарской (30 человек) студий актерского факультета. Они вернулись в г. Нальчик 15 июля 1940 года. Из выпускников этих студий был создан Кабардино-Балкарский госдрамтеатр с двумя самостоятельными творческими труппами. Торжественное открытие Кабардино-Балкарского государственного драматического театра состоялось 26 и 27 октября 1940 года.

Жиляби КАЛМЫКОВ,
кандидат исторических наук

Ислам и традиционная культура кабардинцев и балкарцев на современном этапе

Духовное возрождение народа, в том числе и религиозное, берет свое начало с середины 80-х годов XX в., и мощный толчок оно получает в первой половине 90-х. В это время наблюдается небывалый рост национального самосознания, когда с активным участием широкого круга людей осуществляется анализ и переоценка прежних духовных ценностей.

В этом плане особенно актуальным является положение Послания президента КБР А. Б. Канокова парламенту республики, где, в частности, сказано, что «...необходимо предпринять все меры к тому, чтобы в республике все значимые социально-культурные, экономические, профессиональные интересы были представлены структурами гражданского общества – от товарищества собственников жилья до активных союзов и ассоциаций ученых, преподавателей, деятелей литературы и искусства, фермеров и арендаторов».

Такая установка руководства республики дает нам возможность открыто и честно поговорить о том, что и как надо делать, чтобы в нашей республике сохранить мир и согласие, обеспечить свободу совести и вероисповедания, воспитывать молодое поколение в духе традиционных этикетных норм и принципов этнопедагогики, естественно, с обязательным учетом сегодняшних реалий.

Таким образом, у нас в республике появилась возможность говорить с молодежью об адыгэ хабзэ, адыгэ-балккэр намыс, использовать в воспитательных целях этнопедагогичеку, полнее изучать фольклорное, хореографическое, музыкальное и песенное наследие наших народов.

Сегодня наша задача не только в том, чтобы добиваться знания, но и сознательного соблюдения каждым из членов нашего общества, независимо от возраста и социальной принадлежности, традиционных этикетных норм, особенно что касается почтительного отношения к родителям и старшим по возрасту вообще, учтвого отношения к женщине, толерантного поведения по отношению к другим народам, другой культуре и к другим религиозным конфессиям, разумеется, с учетом нынешних обстоятельств. Это должно быть делом всего общества: семьи, детских учреждений, школ, вузов, средств массовой информации и общественных организаций.

Бережное отношение к своей традиционной культуре и религии не помешало многим странам Запада и Востока достигать высокого уровня развития производства, науки и социальной сферы. Но это возможно и у нас, только в том случае, если сумеем построить правовое общество, где все структуры власти не на словах, а на деле будут демонстрировать открытость, честность и заботу в первую очередь о простых людях.

В 90-х годах общественность также активно обсуждала вопросы религиозного возрождения в нашей республике. Но здесь, с нашей точки зрения, успех был менее значительным, хотя все религиозные конфессии, в том числе и мусульманское духовенство, получили значительно больше прав и возможностей, чем это было раньше. Возможно, что здесь сказались причины ментального характера нашего населения, ведь кабардинцы и балкарцы, как мы знаем, по своей натуре слабо внушаемые, они больше доверяют собственному опыту и интуиции, нежели религиозным постулатам. Но, по большому счету, в части ре-

лигиозного возрождения жизнь не стояла на месте. Это проявилось, в первую очередь, в проведении различных встреч и конференций, в строительстве мечетей, в возвращении в жизнь религиозных праздников и обрядов, в почти массовых посещениях мероприятий, посвященных трагическим страницам истории кабардинцев и балкарцев (к примеру, геноциду адыгов и насильственной депортации балкарцев). Нетрудно вспомнить, какой небывалый и массовый энтузиазм был, когда организовали телемарафон по сбору средств на строительство главной мечети в столице республики. Но Духовное управление мусульман (ДУМ) не оправдало тогда надежд не только верующих, но и сочувствовавших религии людей. Оно не смогло распорядиться собранными для того времени немалыми средствами, своевременно и по своему назначению. Хорошо, что позже, благодаря усилиям городских властей и бизнесмену Арсену Канокону в столице республики построили красивую соборную мечеть.

Учитывая, что авторитет и успех религии в обществе в основном зависит от служителей культуры, Духовное управление мусульман республики постоянно должно заботиться о подготовке достаточно квалифицированных кадров. Необходимо окончательно (быстро не получится) отходить от практики назначения (избрания) имамами пенсионеров и других случайных людей к практике целенаправленной подготовки имеющих призвание к этому роду деятельности молодых людей. Желательно, чтобы будущие служители культа профессиональную подготовку, за редким исключением, проходили в нашей стране (республике) в рамках традиционного ислама, чтобы полученные ими знания позволяли им нести службу с учетом ментальности наших народов. Иначе попытки тотальной подмены наших традиционных ценностей (адыгэ хабзэ, тау адет) религиозными приведут к противодействию со стороны наиболее активной и радикально мыслящей части населения и это, в свою очередь, подорвет авторитет самого духовенства. Поэтому они должны проявлять гибкость и не противопоставлять свое учение ни адатам, ни конституционным положениям, тем более что нравственно-этические нормы адыгэ хабзэ (тау адет) и религиозные моральные ценности не противоречат друг другу, а наоборот, в большинстве случаев совпадают или дополняют, так как и в том и в другом случаях в их основе лежат общечеловеческие нравственные ценности.

Центрами религиозного возрождения и религиозного просветительства должны стать в первую очередь само Духовное управление, мечети, при которых служат имамы, Исламский институт, Исламский центр, мусульманские сельские школы и т.д. Не хочу быть категоричным, но я полагаю, что светские школы могут давать учащимся лишь достоверные и объективные сведения по истории религиозных конфессий и их внешней атрибутики, как важнейшей части духовной культуры народов нашей страны. Что же касается содержания Кора-

на и других священных писаний, то это сфера исключительно самих религиозных деятелей и духовных заведений, которых в республике достаточно много.

Духовное управление мусульман республики сможет успешно осуществить свои функции только в том случае, если у него будет возможность издавать свою газету, иметь эфирное время на постоянной основе на радио и телевидении. Газетные материалы и теле- и радиопередачи должны носить просветительский характер, чтобы основные положения догматики и обрядности ислама имели одинаковое толкование и исполнение. Это особенно касается религиозных праздников, похоронных обрядов. В этих вопросах не должно быть ни отсебятины, ни мифотворчества.

С моей точки зрения для правильного религиозного воспитания большое значение имеет язык, на котором это воспитание осуществляется. Я ни в коем случае не умаляю значения русского языка. Он как средство общения между всеми народами нашей страны, и не только нашей, носит универсальный характер. Но все же исповедовать религию более целесообразно на родном языке. Лишь только в этом случае возможно достучаться до сердца каждого верующего. Чиновники, ученые и другие, имеющие к религии лишь косвенное отношение, могут сколько угодно рассуждать на русском языке о месте и значении религии, и это будет восприниматься только как информация об этом предмете. Можно с уверенностью сказать, что если священнослужитель будет говорить со своим приходом на русском языке, то это уж никак не будет восприниматься как религия. Проповеди, которые ведутся среди населения на арабском языке, тоже не дают желаемого эффекта, хотя некоторые считают, что делать это более целесообразно именно на языке пророка Мухаммеда. Но так думают в основном более ортодоксальные мусульмане, которых не так много среди кабардинцев и балкарцев.

Итак, я за то, чтобы религиозному воспитанию уделялось серьезное внимание, но за каждым человеком должно оставаться право выбора, какую веру избрать для себя и в какой степени быть верующим. А духовенство делом и словом должно доказывать, что только традиционный ислам (а не ваххабизм) является настоящим храмом религии, что отступление от него ведет к конфликту с обществом, в котором живет каждый из нас. Успех в этом деле будет зависеть от того, как традиционный ислам сможет адаптироваться к современным условиям жизни и овладеет новыми формами и средствами борьбы за душу каждого кабардинца и балкарца.

Считаю еще очень важным понять, что адыгэ хабзэ, тау адет и дин хабзэ должны функционировать в нашей повседневной жизни синхронно, взаимодействуя и дополняя друг друга в зависимости от обстоятельств.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ СЕГОДНЯ

1 сентября 1921 года образована Кабардинская автономная область в составе РСФСР, а в январе 1922 года единая Кабардино-Балкарская Автономная область, преобразованная в 1936 году в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Предвоенные годы были наполнены напряженной работой во всех областях экономики и культуры. Была создана промышленность: в крае, где на рубеже веков грамотность едва достигала двух процентов, была создана сеть общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений.

В период Великой Отечественной войны все жители Кабардино-Балкарии внесли достойный вклад в достижение великой победы. Свыше шестидесяти тысяч посланцев республики храбро сражались с врагами на всех фронтах войны, в партизанских отрядах не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Родина высоко оценила подвиги воинов из Кабардино-Балкарии. Двенадцать тысяч из них удостоены государственных наград, тридцать три человека стали Героями Советского Союза, шестеро полными кавалерами ордена Славы. За мужество и стойкость, проявленные трудящимися столицы в годы войны, город Нальчик награжден орденом Отечественной войны I степени. И все же для жителей республики радость победы была омрачена репрессией балкарского народа, который в 1944 году был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. Эта варварская акция была совершена в то самое время, когда лучшие сыны народа проливали свою кровь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Балкарцы провели в изгнании 13 лет и в 1957 году вернулись на родину.

28 марта 1957 года Верховный Совет Кабардино-Балкарской АССР принял Закон «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». Декларация о суверенитете была принята Верховным Советом Республики 31 января 1991 года. В 1992 г. в связи с развалом СССР из названия убираются «Советская Социалистическая», и республика с того времени именуется КБР. Принимаются Конституция, герб, флаг и гимн республики, на демократической основе избираются парламент и президент республики. Несмотря на то, что в Конституции появляется термин «суверенное государство», это не становится поводом для противостояния с федеральным центром, как это случилось в соседней Чечне. В республике мир и спокойствие, она постепенно становится на ноги, и ее перспективы, особенно в области туризма и курортов, представляются весьма обнадеживающими.

1 июля 1994 года между Российской Федерацией и Кабардино-Балкарской Республикой подписан договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами Государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики».

Подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве между Кабардино-Балкарской Республикой и Республикой Адыгея, Карачаево-Черкесской Республикой, Ставропольским краем, Республикой Дагестан, Республикой

кой Калмыкия, Республикой Ингушетия, Краснодарским краем, городом Москвой, Республикой Абхазия.

Выгодное географическое положение, благоприятные природно-климатические условия, наличие достаточных минерально-сырьевых и трудовых ресурсов, развитость транспортных коммуникаций создают условия для относительно высокого уровня развития экономического потенциала Кабардино-Балкарии. В республике сформировалась многоотраслевая промышленность: машиностроение, пищевая, легкая промышленность, предприятиями которых производится более 70 процентов всей товарной продукции. Общегосударственное значение имеет Тырныаузский вольфрам-молибденовый комбинат, который восстанавливается в наше время.

Другим важнейшим звеном народнохозяйственного комплекса КБР является аграрный сектор, в котором создается около 30 % национального дохода. Сельское хозяйство специализируется на производстве зерновых и технических культур, овощей, плодов, продуктов животноводства. Последнее – молочного и молочно-мясного направления.

Экономика Кабардино-Балкарии представляет собой в основном сложившийся многоотраслевой народнохозяйственный комплекс, соответствующий природным и климатическим условиям республики. Вместе с тем неравномерное наращивание производственного потенциала в различных сферах экономики привело к возникновению ряда проблем экономического, социального, экологического характера, углубляющихся по мере нарастания кризисных явлений.

Важной составной частью экономического потенциала республики является рекреационный комплекс, созданный на базе использования лечебных минеральных источников и уникальных природных условий.

Благодаря уникальным природно-климатическим условиям сформировался многопрофильный курорт «Нальчик», в арсенале которого минеральные источники (бromo-иодные, азотно-термальные, сероводородные, минеральные воды), грязевой источник тамбуканского озера. На курорте «Нальчик» функционируют санатории, пансионаты и дома отдыха, осуществляющие лечение опорно-двигательного аппарата, заболеваний нервной системы, желудочно-кишечного тракта, верхних дыхательных путей и др.

Кабардино-Балкарская Республика – центр туризма, альпинизма и горнолыжного спорта. В республике функционирует Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук, Кабардино-Балкарский государственный университет, Аграрная академия, Высокогорный геофизический институт, Научно-исследовательский институт прикладной математики, Научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, Институт кукурузы, Институт горного и предгорного садоводства, Адыгская (Черкесская) Международная академия наук, объединяющая ученых из более двадцати государств мира.

В республике издается большое количество газет и журналов самого разного общественного-политического направления. Функционирует книжное издательство «Эльбрус». Плодотворно работают творческие союзы – писателей, композиторов, художников, журналистов, и другие.

*Территория и население – исторические сведения,
современное состояние*

Красочный, многоликий мир гор, ущелий, долин...

Кабардино-Балкарская Республика (КБР) занимает центральную, самую высокогорную часть Большого Кавказа и примыкающую к ней часть Предкавказской равнины, называемую Кабардинской. На востоке она граничит с Республикой Северная Осетия-Алания, на севере – со Ставропольским краем, на западе – с Карачаево-Черкесской Республикой – и на юге, в самой высокогорной части, по Главному Кавказскому хребту проходит государственная граница Российской Федерации с Грузией.

Точные географические координаты республики: 42°54′ – 44°01′ северной широты и 42°33′ – 44°28′ восточной долготы. С востока на запад территория ее протянулась на 160 км, а с севера на юг – на 110 км.

Горы, занимающие весь юг республики, представляют особенно красочный ландшафт. Вздвигаясь один над другим, хребты Скалистый, Боковой и Главный вместили в себя самые высокие вершины Кавказа. Протянувшись с юго-востока на северо-запад, все пять кавказских хребтов, возвышаясь друг над другом, уходят от равнины на юг.

Самый многочисленный народ республики – кабардинцы, которых насчитывается 499 тысяч человек (55,3 %). Они называют себя «адыги», а за рубежом всех адыгов называют «черкесами». Родственные кабардинцам народы проживают в соседних республиках. В Карачаево-Черкесии – черкесы, которых раньше называли бесленевцами, и абазинцы; в Адыгее – адыгейцы, которые раньше делились на бжедугов, шапсугов, абадзехов, натухайцев, мамхеговцев и еще ряд народностей. Всего адыгов в России около миллиона человек. Большая часть адыгов (черкесов), к сожалению, проживает за пределами России: в Турции – более 2,5 млн. человек, в Сирии – 90 тыс., в Иордании – 70 тыс., в Германии – 25 тыс. и еще в более чем 40 странах мира вплоть до Австралии.

Значительная часть балкаро-карачаевцев также живет в Турции, а небольшое их количество обитает в Казахстане и Киргизии.

По численности выделяется также русское население. Всего в республике проживает более ста национальностей. В связи с бурными миграционными процессами 90-х гг. XX столетия, состав населения, в сравнении с переписью 1989 г., несколько изменился. В численном составе возрос процент коренного населения (кабардинцы и балкарцы), так как из республики выехали в дальнее зарубежье большая часть татов (горских евреев), немцев, а в ближнее зарубежье – украинцы, грузины, белорусы. В другие края и области России выехало немало русских и других русскоязычных народов.

В геоморфологическом отношении (т. е. по форме рельефа земной поверхности) территория республики делится на 3 основные части: горную, предгорную и равнинную.

Еще по пути к столице республики – городу Нальчику – в безоблачный день открывается живописная цепь снеговых гор, образованная вершинами Кавказа, каждая из которых намного превышает наивысшую точку Западной Европы – Монблан (4810 м). Всего на Кавказе семь пя-

титысячников, т.е. вершин выше 5000 м над уровнем моря. Из них шесть находятся на территории Кабардино-Балкарии. Это двуглавый красавец, хозяин Кавказа – Эльбрус (5642,7 м западная и 5621 м восточная вершины), Дых-тау (5204 м), Коштан-тау (5152 м), Шхара (5068 м), Джанги-тау (5058 м) и Пик Пушкина (5033 м). И только Казбек (5033 м) находится за пределами КБР на границе Осетии и Грузии.

Несмотря на ограниченную территорию, республика отличается многообразием и красочностью природы. Она щедро наделена богатством красок, разнообразием ландшафтов. Цепи гор Большого Кавказа с одетыми в ледяные доспехи величественными вершинами, причудливые ландшафты высоко поднятых вулканических нагорий, склоны гор и холмов, покрытые курчавым зеленым нарядом альпийских пастбищ, глубокие лесистые ущелья с бурными, стремительными горными потоками, цветущие долины и равнины с зерновыми полями, садами и виноградниками – все это, быстро сменяясь, на небольшой территории создает тот исключительный лик Кабардино-Балкарии, который притягивает к себе огромные массы людей, желающих увидеть нечто новое, привлекательное для себя. А в купе с традиционным кавказским гостеприимством, своеобразной культурой, основанной на традициях адыгэ хабзэ (адыгские законы) и тау адет (горские законы), Кабардино-Балкария становится привлекательной вдвойне.

Всю южную часть республики занимают горы, и их площадь превышает 60 % всей территории. Вместе с предгорьями и зеленой Кабардинской равниной горные хребты создают изумительную по красоте картину природы. Равнина и предгорья – это житница республики, занятая посевами кукурузы, пшеницы, подсолнечника и других сельскохозяйственных культур.

Горы республики образуют пять параллельных хребтов, повышающихся к югу: Лесистый (Меловой), Пастбищный, Скалистый (Юрский), Боковой (Передовой) и Главный (Водораздельный). Все эти хребты, исключая последний, прорезаны семью ущельями: Малкинским, Баксанским, Чегемским, Черекским, Хуламо-Безенгийским, ущельями Псыгансу и Лескенским, в верховьях называемым Хазнидоном, по которым реки Малка, Баксан, Чегем, Черек, Псыгансу и Хазнидон (Лескен) выносят на равнину воды тающих ледников Главного и Бокового хребтов. В ледниках северного склона Эльбруса берет начало самая длинная река Кабардино-Балкарии – Малка (216 км), в которую на равнине вливаются все вышеназванные реки, кроме Лескена. Малка и Лескен впадают в Терек, который, делая 80-километровую дугу в республике, несет свои воды в Каспийское море. Полноводные летом горные реки дают воду для орошения полей, приводят в действие турбины гидроэлектростанций.

Рельеф горной части республики очень сложен и многообразен, поэтому разнообразен растительный и животный мир. В горах, где осадков выпадает больше, чем на равнине, а лето прохладнее, чем внизу, растительность развивается особенно буйно. Разнообразие растительного мира особенно заметно летом, когда каждый из вышеперечисленных хребтов имеет особый цветовой оттенок.

Лесистый хребет, начинающийся сейчас же за Кабардинской равниной на юге, тянется темно-зеленой, почти черной полосой и покрыт преимуще-

ственно буковым и грабовым лесом. Лесистый хребет, как и Пастбищный, сложен из песчаников, известняков, мергелей мелового периода, поэтому его второе название – Меловой. Но он также за темно-зеленый, почти черный, цвет лесов известен под названием Черные горы. Высшая точка хребта – гора Издара (1327 м), иначе называемая Сарай-горой.

Пастбищный хребет сочно-зеленый, покрытый альпийскими травами, где традиционно в летнее время пасется домашний скот, так как скотоводство в Кабардино-Балкарии в основном отгонное, то есть зимой скот кормится на равнине, летом отгоняется на тучные альпийские пастбища. Над альпийскими лугами иногда возвышаются отдельные скальные вершины, своей железной серостью оттеняющие яркие цвета травяной растительности. Высшая точка хребта – Шаухана-баши (2120 м).

Скалистый хребет, иначе называемый Юрским, из-за пород, из которых он сложен, с сухолюбивой растительностью, отличается розовато-желтым оттенком. Именно Скалистый хребет образует живописные, иногда охватывающие людей страхом, теснины, в которых реки с грохотом ворочают огромные, размером с дом, валуны. Хребет сложен из верхнеюрских известняков, доломитов, мергелей, песчаников, глинистых сланцев и конгломератов. Самая высокая вершина Скалистого хребта – Кара-кая (3606 м), в переводе с балкарского означающая Черная скала.

Боковой, иногда называемый Передовым (самый высокий), и Главный, также называемый Водораздельным, хребты представляют собой цепь серебристо-белых вершин, покрытых вечными снегами. Они сложены из кристаллических сланцев, гнейсов и разорванного гранита. Высшая точка бокового хребта – Дых-тау (5204 м), а Главного – Шхара (5068 м).

Особняком, не входя ни в Главный, ни в Боковой хребты, возвышается видимая почти отовсюду в республике (да и не только в республике), переливающаяся на солнце серебром своих ледников и слепящая глаза белизной своих снегов двуглавая вершина Эльбруса.

Начиная с Бокового и Главного хребтов, горная часть Большого Кавказа террасами спускается к Кабардинской равнине. Постепенно снижаясь к северу, отроги гор сливаются с равниной. Ее высота около 500 м над уровнем моря в районе Нальчика и 150-180 м над уровнем моря в районе реки Терек, который делит равнину на две неравные части: левобережную, называемую Большой Кабардой, и правобережную, именуемую Малой Кабардой.

Кабардинскую равнину покрывают более молодые по возрасту, в сравнение с горными породами, отложения четвертичного периода.

Горы Кабардино-Балкарии богаты различными полезными ископаемыми. В Тырнаузской зоне Баксанского ущелья – крупнейшие месторождения молибдена и вольфрама, в Малкинском ущелье – месторождения железной руды, в ряде ущелий – месторождения меди, олова, цинка, золота, угля. В настоящее время в Малой Кабарде началось промышленное освоение месторождений нефти. В республике много строительного материала: туф, пепел, пемза, песок, глина, в т.ч. голубая, известняки, из которых вырабатываются известь, мел, гипс, строительный камень, песчано-гравийные смеси для изготовления щебня, отсева и пр.

* * *

Республика также богата различными минеральными источниками, расположенными главным образом в ее горной и предгорной зонах. Более 100 источников минеральных вод сосредоточены в пределах республики. По содержанию в них тех или иных химических элементов минеральные воды подразделяются на пять групп: углекислые, сульфидные, кремнистые, радоновые, воды без специфических компонентов. В озере Тамбукан (70 км от г. Нальчика) добывается целебная грязь, которая используется для лечения опорно-двигательного аппарата и гинекологических заболеваний. Этой грязью пользуются как лечебницы Нальчика, так и лечебницы городов Кавказских Минеральных Вод: Пятигорска, Кисловодска, Железноводска, Ессентуков.

Наличие большого количества минеральных вод, благоприятный климат, гостеприимство жителей дают большие возможности для дальнейшего развития существующего курорта, создания новых курортных районов и промышленного освоения минеральных источников с целью торговли.

* * *

Климат республики не везде одинаков и зависит от высоты над уровнем моря (вертикальная зональность). Высоко в горах холодно. Там вечные снега и льды. Ниже снеговой линии умеренно холодно; в предгорьях климат умеренно-континентальный; в степях – тепло, а в северо-восточной части республики (район города Прохладного) бывает очень жарко. Средняя годовая температура в степной части равна +9,7 °С, в предгорной (Нальчик) равна +9,6 °С, а в горах +4 °С. Амплитуда абсолютных температур колеблется от 50 ° (в горах) до 77 ° на равнине. Среднее годовое количество осадков в горной зоне равно 600–700 мм и может достигать 1000 мм, на Кабардинской равнине 300–400 мм.

Бурные многочисленные реки республики во время половодий часто, затопляя равнины, наносят серьезный ущерб народному хозяйству. Наиболее значительны из них: Терек, Малка, Баксан, Чегем, Черек, Урух, Лескен. Они орошают засушливую часть Кабардинской равнины, имеющую густую оросительную сеть, и дают электроэнергию для нужд республики. Самые крупные из ГЭС: Баксанская, каскад Черекских, Малкинская.

Большая часть озер республики ледникового происхождения, и расположены они на высотах свыше 2000 м над уровнем моря между моренными отложениями, что вызывает иногда, в жаркую погоду с теплыми дождями, селевые сходы. В горах встречаются озера карстового происхождения, самые популярные из которых Голубые (три озера) в 55 км от г. Нальчика.

Почвы республики, состоящие из предкавказских черноземов, луговых, горно-луговых и горно-лесных почв, очень плодородны.

* * *

Растительность Кабардино-Балкарии, особенно в горной и предгорной зоне, очень богата, чему способствует чрезвычайно сложный и разноо-

бразный рельеф. Из 6 тысяч видов цветковых растений, произрастающих на Кавказе, половина встречается на небольшой территории республики. Ей присущи все основные группы формаций растительного мира, кроме субтропических и тропических.

Площадь естественных кормовых угодий составляет около $\frac{1}{5}$ всей территории республики. Наиболее ценны высокотравные луга в альпийском поясе (1800–2300 м над уровнем моря) и низкотравные в субальпийском (2300 м), а также луга в лесных поясах.

На равнине получили широкое развитие культурные растения: зерновые, зернобобовые, овощебахчевые, кормовые, плодово-фруктовые, виноградные и технические, так как плодородные почвы Кабардино-Балкарии дают богатые урожаи этих культур.

Леса занимают главным образом горную и предгорную зоны и составляют 18 % всей территории. Леса в основном лиственные. Хвойных лесов немного, и растут они преимущественно в Приэльбрусье и верховьях Чегемского и, частично, Малкинского ущелий.

Большое хозяйственное и почвозащитное значение имеют пойменные предгорные и горные леса. Для предгорных лесов характерны ценные дикоплодовые деревья и кустарники: груша кавказская, яблоня восточная, дикая черешня, алыча, мушмула, кизил, терн, а из орехоплодных – лещина. Основная порода среднегорных лесов – бук, столярная и бондарная древесина которого очень ценна. Отдельные экземпляры бука достигают возраста 400 лет, высоты 45 м и 1,5 м в диаметре у основания. Из других лесных пород этого пояса можно указать граб кавказский, три вида ольхи, два вида дуба, липу кавказскую, ясень обыкновенный, клен полевой, ильмовые породы и отличающийся исключительно твердой токарной древесиной хмелеграб. Выше в горах распространены остролистной и высокогорный клены, три вида березы, рябина, черемуха, сосна. Изредка попадается тис – красивое хвойное дерево очень древнего происхождения.

Из высокогорной местной флоры очень большой интерес представляют вечнозеленые кустарники: рододендрон кавказский и волчник головчатый, а также нарядные растения альпийских и субальпийских лугов – горечавки, разные виды колокольчиков, альпийская астра, гвоздики, высокогорные анемоны, первоцветы и многие другие. Высоко в горах можно встретить целые заросли когда-то перемещенных сюда ледниками типичных представителей северной арктической зоны: чернику обыкновенную, костянику, голубику, толокнянку, камнеломку и другие.

Вместе с тем в горах есть немало растений, так называемых эндемиков, свойственных только Кавказу или только Кабардино-Балкарии и нигде в диком виде пока еще неизвестных. К ним следует отнести кавказскую чернику, сохранившуюся от третичного периода, достигающую трех метров высоты (Лескенский район) и многолетний прицветниковый маяк с ярко-пурпурными цветами до 20 см в диаметре (отроги Терского хребта в Малой Кабарде). Только в Кабардино-Балкарии известны шиповник Коса; одноцветковая декоративная примула лескенская; подснежники – кабардинский, Борткевича и узколистный; васильки – Ногмова, млечноцветный, хабазский и кабардинский и такие медоносные травы, как окопник и очиток кабардинские. Большой практический интерес представляют

лекарственные и витаминные растения. Многие из них используются в местной народной медицине.

Видовой состав фауны также богат, как и флора. В Кабардино-Балкарии встречается 61 вид млекопитающих. Среди них – кавказский тур (горный козел), дикий кабан, лиса, лесная и каменная куницы, заяц-русак, бурый медведь, барсук. Есть очень ценные животные: олень кавказский, косуля, выдра, норка и серна. Имеются хищники (волк, лесной кот, рысь, редко можно встретить кавказского барса) и грызуны (полевки, полевые и лесные мыши, хомяки, водяные крысы, суслики). Распространены землеройки, кроты, ежи, летучие мыши.

В республике встречается свыше 250 видов птиц, из них гнездятся около 150. Из птиц особенно интересны обитающие на равнинной части, кавказский фазан, серая куропатка и перепел, а в высокогорных районах такие эндемичные представители кавказского животного мира, как каменная куропатка (кеклик), кавказский тетерев и горная кавказская индейка (улар). На неприступных скалах устраивают свои гнезда бородач, или иначе ягнятник (орел), сип белоголовый, беркут, стервятник, черный гриф. Нередко встречаются и другие хищники: подорлик, лунь, филин, болотная сова, неясуть и сыч домовый.

В реках Кабардино-Балкарии водятся лосось каспийский и форель, а также усач терский, амур белый и толстолобик. Богат и мир земноводных, пресмыкающихся и насекомых.

За последнее время началось обогащение местной природной фауны ценными представителями животного мира из других областей и республик, а также зарубежных стран. Выпущены в леса и горы республики зубры, олени благородный и пятнистый, белки, енотовидные собаки, яки и другие представители фауны.

Нальчик – город-сад, город-цветник, город-праздник...

Дом Правительства КБР

Нальчик... Вслушайтесь в это слово, произнесите его вслух... Какое оно мягкое, теплое, обволакивающее, ассоциирующееся с чем-то спокойным, тихим, добрым, юным. Он и есть такой, наш Нальчик – утопающий в цветах и зелени, уютный и светлый, скромный и добродушный, чистый и солнечный, молодой и задорный...

Происхождение имени города и по сей день не имеет единого толкования. Будем придерживаться того, что устоялось. «Нал» в переводе с кабардинского означает «подкова». Нальчик – значит «срывающий подкову». Из-за почвы – глинистой и вязкой – кони всадников здесь часто теряли подковы, это место и получило у горцев такое прозаическое название.

По другой версии, имя свое город получил из-за географического положения: с трех сторон столицу Кабардино-Балкарии окружают горы. С юга и юго-запада – Главный Кавказский хребет. Чуть севернее – Скалистый хребет. Перед ним лежит Меловой (другое название – Пастбищный). Эти хребты, идущие параллельно, завершает цепочка невысоких предгорий. А к северу от города – степь с редкими небольшими холмами.

Нальчик – город сравнительно молодой. До последнего времени считалось, что он основан в 1818 году (по другой версии – в 1822 году) как одна из крепостей Кавказской линии, призванной укрепить позиции России на Северном Кавказе. Но в 2004 году Нальчик торжественно отметил свое 280-летие, так как ученые выдвинули три даты его образования: как поселения – 1745-й, как административно-политического центра – 1807-й, как военной крепости царской администрации – 1822-й.

Земляное укрепление, возведенное на обрывистом берегу реки Нальчик, представляло из себя стену из плетня, перед которой был вырыт небольшой ров. Крытые камышом одноэтажные деревянные и турлучные постройки для командования Центра Кавказской линии, крепостного начальства, Кабардинского временного суда, казармы гарнизона, церквушка, землянки, пороховой погреб, – вот и вся крепость.

В 1838 году при ней было образовано военное поселение, в 1862 году здесь проживало уже боле двух тысяч человек. Но со временем крепость потеряла свое стратегическое значение и превратилась в захолустную слободку. Вот что писал в 1879 году журнал «Вестник Европы»: «До сих пор, кажется, никто еще не посвятил Нальчику и десяти строк. Да и действительно, небольшая крепостца с посадом в местности, далеко уступающей Пятигорску, Кисловодску и пр., не может произвести такого поразяющего впечатления, чтобы о ней стоило что-нибудь говорить... ..Приехавшему ...туристу Нальчик не внушит провести в нем сутки, разве только отчаянная, невообразимо дурная дорога заставит его дать отдых своим разбитым и усталым костям...»

И двадцатое столетие будущая столица Кабардино-Балкарии встретила все тем же бездорожьем, отсутствием промышленности, железной дороги, малочисленностью населения. Вот такой говорящий сам за себя факт – в слободе перед Октябрьской революцией было лишь три двухэтажных каменных дома, остальные саманные – низкие, покосившиеся.

Преобразованный в 1921 году в город, ставший столицей Кабардино-Балкарии, выстоявший в фашистскую оккупацию (за мужество и геро-

Центральный проспект в г. Нальчике

изм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Нальчик был награжден орденом Отечественной войны I степени), он превратился в один из крупных экономических центров Северного Кавказа, славящийся своим индустриальным, культурным, научным, курортным потенциалом.

Город, чьи многотысячные заводы и комбинаты были нацелены в первую очередь на нужды военно-промышленного комплекса, пережил (употребим это слово) перестроечные девяностые, наращивая в последние годы объемы промышленного производства, увеличивая отдачу строительной индустрии, малого и среднего бизнеса. Сегодня Нальчик, чья территория превышает 130 квадратных километров, а население более 300 тыс. человек, развивается стабильно, динамично, ставя во главу угла комфортность, спокойствие, налаженный быт и отдых своих граждан.

Нальчик удивляет каждого, кто впервые видит его. В немалой степени впечатление это создает центральная улица – проспект имени В. И. Ленина, начинающийся у железнодорожного вокзала и словно стрела вонзающийся в горы. Широкий, прямой, прочерченный как по линейке, проспект удивительно красив в вечернее время, освещаемый всплесками автомобильных фар, игрой светофоров, неомом фонарей. Четырех-пятиэтажные жилые дома, расположенные по обе его стороны, постепенно переходят в девяти-двенадцатиэтажные, еще больше подчеркивающие строгую красоту главной городской артерии.

Чарующе красив Нальчик весной, особенно в майские дни. Родившаяся прямо на глазах листва – нежно-зеленая, бархатисто-мягкая – шепчет о чем-то неясном, пораженная удивительной красотой и яркостью впервые увиденного ею мира. Каштаны, обрамляющие центральные улицы, зажигают чуть ли не в одноднесье белые конусы свечей с розовыми язычками. В предзакатный час, когда город погружается в сумрак, каштановые свечи, вобравшие в себя солнечные лучи, еще долго светятся белыми пятнышками ночников, а потом, когда город зажигает неоновые огни, становятся похожими на больших птиц, усевшихся передохнуть на деревья.

Весной на газонах вспыхивают, словно соревнуясь друг с дружкой кто быстрее, алые шапочки тюльпанов, скромно белеют резные нарциссы, сиреневой метелью разбегаются незабудки. Все эти цветы высажены человеческими руками. А там, куда у людей не хватило сил и времени добраться, буйствуют одуванчики. Их такое множество, что газоны кажутся залитыми ярко-желтой краской с едва заметными вкраплениями зеленого цвета.

Заслуга в том, что зеленый наряд Нальчика столь великолепен, принадлежит работникам муниципального предприятия «Горзеленхоз», денно и ночью украшающим родной город. Особая забота тружеников этого хозяйства – городской парк, один из красивейших на Северном Кавказе, признанный в 2002 году лучшим зеленым парком России. Расположен он на левом берегу реки Нальчик и занимает в общей сложности площадь более чем в 250 гектаров.

Интересна история создания парка. В 1847 году по указанию наместника Кавказа в крепости Нальчик начинают разбивать казенный фруктовый сад, преследуя при этом две цели: с одной стороны заинтересовать городское население в развитии садоводства, для которого имеются прямо-таки идеальные условия, с другой – создать место для отдыха командного состава крепости. Из Крыма и Грузии были завезены черенки абрикос, персиков, яблонь, груш, вишен, слив, липы, каштана съедобного, чубуки винограда, посадкой которых занимался специально приглашенный специалист из Никитского ботанического сада. В последующем сад перешел во владение кабардинскому князю Атажукину, чья фамилия сохранилась в его названии и поныне.

Но по-настоящему ожил парк только в двадцатые годы прошлого века, когда было осуществлено его проектирование как таковое, а с ним и благоустройство – высажены десятки тысяч саженцев кленов, сосен, елей, берез, туи, разбиты цветники, заложены новые аллеи, протянувшиеся на всю длину парка – с северо-востока на юго-запад. К липовой

Сквер на территории КБГСХА

аллее, возраст многих деревьев на которой превышает 150 лет, прибавилась Комсомольская, идущая параллельно главной.

Главная же аллея – излюбленное место прогулок для горожан и гостей Нальчика. Широкая, протяженная (почти полтора километра), прямая как стрела, она словно разрезает парк на две части и кажется, что заканчивается где-то у подножия снежных вершин Центрального Кавказа.

Подступ к ней предваряет сравнительно небольшая, но изумительная по красоте аллея голубых елей. Тех самых, что посажены в Москве на Красной площади и Поклонной горе, красоту которых сумел сохранить и приумножить известный садовод-селекционер И. П. Ковтуненко.

Нальчикский парк – это удивительное многообразие мира флоры. Чего здесь только не увидишь! Самые экзотические деревья – хмелеграб, скумпия, каркас южный, вистерия китайская, катальпа и десятки других соседствуют с привычными глазу липами, грабами, вязами, кленами, березами.

Нальчикский парк культуры и отдыха – это не только встреча с природой, древней и всегда юной. Это организованный, налаженный отдых, где к услугам туристов канатная дорога на Малую Кизилровку с возведенным на ней экзотическим рестораном «Сосуко»; городки аттракционов, зоопарк, несколько озер, плавательных бассейнов, горная речка, питающаяся водой с ледников, пивной бар «Бочка», дворец торжеств «Эльбрус», Зеленый театр, приобретший к 455-летию совершенно новый облик...

Да, Нальчик – город курортный. Но долгое время он как бы и находился в тени своих более именитых (с «дореволюционным стажем») соседей – Кисловодска, Пятигорска, Железноводска, Ессентуков, составляющих знаменитые Кавминводы. Курортом как таковым он был объявлен в 1921 году, спустя 15 лет «пошел на повышение» – стал республиканским (РСФСР) бальнеологическим курортом, а в 1964 г. – Всесоюзной здравницей.

Путь этот оказался столь затяжным по причине, скажем так, второстепенного отношения к проблеме организации отдыха, лечения, а вовсе не из-за того, что в Нальчике не было соответствующих условий. Они как раз идеальны. Расположенный на высоте примерно 555 метров над уровнем моря, курорт буквально утопает в зелени, за которой в летнее время не сразу и разглядишь корпус санаториев.

Большая часть территории курорта – это лесопарк, в котором преобладают ели, сосны, каштаны, туи. Горы, охватывающие курортную долину многоступенчатым полукружьем – низкие, покрытые лесом вблизи. Они, словно выстроившись по ранжиру, переходят в скалистые безмолвные громады, а те, в свою очередь, передают высотную эстафету белоснежным, ослепляющим вершинам Бокового Кавказского хребта – создают на курорте своеобразный микроклимат. Его отличает относительная стойкость погоды, умеренная влажность воздуха, отсутствие сильных ветров.

Границы между временами года размыты – ранняя и короткая весна уже в начале марта расправляется с зимними одедами, поднимая в апреле ртутный столбик за двадцатиградусную отметку и незаметно переходя в лето с его почти пятимесячным марафоном, для которого характерны обилие осадков, горные бризы, солнечные дни, высокая ионизация воздуха.

И осень – сухая, продолжительная – дарит немало теплых дней; зима

же – умеренно-мягкая, с частыми оттепелями, непродолжительными морозами. В общей сложности семь-восемь месяцев на курорте наиболее благоприятны для климатолечения.

Лечебные свойства минеральных источников Нальчика и его окрестностей были известны местным жителям с давних пор. Отмечали их целебную силу и многочисленные путешественники. В конце прошлого века появились на месте будущего курорта и первые частные дачи, ибо здесь, как писала владелица одной из них, известная украинская писательница Марко Вовчок «...чудесно и лечиться и жить. Воздух удивительный: ни слякоти, ни ветров».

В 1920 году в национализированных дачах были открыты первые два санатория примерно на 80 больных, а уже через полвека Нальчик по пропускной способности занимал почетное третье место (после Сочи и Кисловодска) в Союзе.

Нелегко пришлось здравнице в девяностых годах прошлого века – количество отдыхающих по причине того, что Северный Кавказ стал нестабильным регионом, упало в разы. Но курорт выстоял, выдержал, преобразился, обретая новые технологии и методы оздоровления и лечения. Сегодня в двадцати санаториях и пансионатах (среди них такие популярные, как «Голубые ели», «Грушевая роща», им. Б. Э. Калмыкова, «Ленинград», «Нальчик», «Москва», «Радуга», «Эльбрус») эффективно лечат людей, страдающих заболеваниями нервной системы, опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, печени, желчных путей...

Использование минеральных факторов – а на курорте их 18 видов, дающих более 12 миллионов литров теплых и горячих вод в сутки, – поставлено сегодня на поток: ванны, душ, орошение, прием внутрь... Все это способствует восстановлению здоровья отдыхающих, которых становится все больше и больше.

Особенно привлекателен курортный город в теплые весенне-летние вечера, когда с гор и от реки струится прохлада, когда звезды мерцают так низко, что, кажется, взберись на горку и достанешь их... Когда сквозь шелест листвы пробивается гремящая на танцплощадке музыка, а с аллей и тропинок доносится разноязыкая речь, когда не можешь надышаться густым, словно осязаемым воздухом, насыщенным ароматом трав, цветов, хвои, когда чувствуешь удивительное, не сравнимое ни с чем единение с природой, которое дарует всем гостям неповторимый и волшебный Нальчик. Город-парк, город-сад, город-праздник...

Приэльбрусье – ни с чем не сравнимый горный курорт...

Приэльбрусье – один из самых живописных уголков Кабардино-Балкарии, место притяжения туристов, альпинистов, горнолыжников. С чем ассоциируется у них эта волшебная страна, лежащая в верховьях реки Баксан? С вечнозелеными реликтовыми соснами, пронзающими небесную скатерть; с воздухом, который не дышишь, а пьешь – как нектар, божественный напиток; со снегом – кипенно-белым нежно-колким маревом, которому, кажется, нет конца; со светом, льющимся солнечными потоками;

с чистейшими, незамутненными временем и цивилизацией речками; ущельями, разорвавшими земную твердь, голубыми глазами озер...

И само собой с главным чудом этих мест – Эльбрусом. Как великолепен, как величествен и горд, как притягивает взгляд, как манит двуглавый красавец, являющий себя во всей своей божественной красе: нежно-розовый под лучами просыпающегося солнца, ослепительно-белый в полдень, иссиня-черный ночью, когда меж его столбов-вершин словно в люльке, висит полная луна.

Населявшие Кавказ народы видели в вершине воплощение величия и мощи, что и отразили в названиях этой горы: кабардинцы называют великана Ошхамахо – «гора счастья», у балкарцев их около тридцати, а самое известное – Минги-Тау – тысячная гора, черкесы – Куско мафь – «гора, приносящая счастье».

В начале ущелья Азау расположена Высокогорная гляциологическая станция МГУ, где разрабатывается общая теория снежных лавин, и изучаются ледники Эльбруса. Первая очередь канатной дороги поднимает людей на высоту 3000 м над уровнем моря до станции «Старый Кругозор». От нее вторая очередь поднимает туристов до станции «Мир» на высоту 3500 м.

* * *

У входа в Черекское ущелье лежит знаменитое Голубое озеро – природное явление, интересное не только для Кабардино-Балкарии, но и в масштабе всей страны. При небольшой площади (0,9 га) водного зеркала глубина его достигает 258 м (4-е место в России по глубине). Вода голубая от наличия в ней сероводорода и преломления световых лучей в глубоком бассейне. Животный и растительный мир озера очень беден (опять же из-за сероводорода). В Голубое озеро не впадает ни одна река, но вытекает из него ежесуточно до 70 миллионов литров воды (0,9 м³ в секунду), вливающейся в Черек-Балкарский. Уровень озера при этом неизменен, что объясняется мощными подводными источниками. Вода очень прозрачна и не замерзает зимой, т. к. имеет постоянную круглогодичную температуру +9,3 °С. Купаться в Голубом озере, а тем более плавать к его середине опасно. И низкая температура воды, и отравляющий запах сероводорода отнюдь не будут способствовать такому рискованному мероприятию.

В 2003 г. дайверы (водолазы) Игорь Галайда и Роман Прохоров, совершив здесь погружение на глубину 150 м, установили рекорд Российской Федерации. В настоящее время Агентство морских исследовательских проектов, подводный клуб «Русский дайвинг», Российское географическое общество и Правительство КБР решили вопрос о строительстве в районе Голубого озера Подводного центра. Центр будет оснащен всем необходимым оборудованием для организации и проведения подводных погружений любой сложности.

* * *

Баксанское ущелье – один из живописных, интересных и освоенных цивилизацией уголков КБР – часто называют «Жемчужиной Кавказа». Названием своим ущелье обязано реке Баксан, второй по длине (169 км), после Малки,

реке республики. Баксан берет начало от слияния трех рек: Донгуз-Орунсу, стекающей с ледников ГКХ; Азау и Терскол, начинающихся на ледниках Эльбруса. Прорезая Боковой, Скалистый, Пастбищный и Меловой хребты, Баксан несет далее свои воды по Кабардинской равнине, впадая в Малку.

Здесь расположен Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, имевший Всесоюзное значение. В настоящее время начался новый этап его развития благодаря инвестиционной политике руководства республики.

* * *

Малкинское ущелье – последнее крупное ущелье Кабардино-Балкарии, которое перспективно как для развития туризма, так и для развития курорта. Здесь находится филиал Пулковской обсерватории – горно-астрономическая станция с телескопом для наблюдений за звездным небом.

Это еще и историческое место.

Кабарда, начиная с XV в., постоянно вела упорную борьбу за свою независимость против захватнических поползновений Крымского ханства, вассала Османской империи. В 1707 г. крымский хан Каплан-гирей в очередной раз привел в Кабарду 30-тысячное войско для ее покорения и сбора дани. В том числе, по его требованию, Кабарда должна была отдать Крыму 3000 юношей и девушек. Войско остановилось на плато недалеко от Эльбруса (раньше дорога с Западного Кавказа шла именно так), и хан послал своих послов к верховному князю Кабарды Асланбеку Кайтукину для объявления своего решения. По совету молодого помощника верховного князя – общественно-политического деятеля и мыслителя Кабарды того периода – Жабаги Казаного, кабардинцы собрали 300 ослов и ночью, когда татары легли спать, привязали к хвостам ослов пучки сена, подожгли его и пустили ревущих животных на стан неприятеля. За ослами двигались кабардинские воины и напали на метавшихся в панике татар. Только самому хану со своей охраной удалось уйти от возмездия. Все остальные татарские воины были побиты. С тех пор это место татары называли Къан жол («Кровавая дорога»), что у кабардинцев ассоциируется со словом «Къэджал» (канжал) в переводе – «жесть», а у русских со словом «Кинжал», и это название попадает даже на географические карты.

* * *

Эльбрус – в прошлом вулкан, в настоящее время – «спящий», покрытый вечным льдом, толщина которого достигает 100 м. Площадь его оледенения равна 144,5 км². С Эльбруса спускаются 23 ледника. Высота его Западной вершины равна 5642,7 м над уровнем моря, а Восточной – 5621 м. Седловина между двумя вершинами – 5300 м. С вершин в ясную погоду видны побережья Черного и Каспийского морей и даже берега далекой Анатолии (нынешняя Турция). Эльбрус входит в семерку высочайших вершин мира, обязательных для покорения настоящими альпинистами. А история его покорения уходит в глубь веков и полна как радостными, так и драматическими событиями.

По одной из версий ученых, занимающихся древними рукописями и их осмыслением, легендарной Прародиной Белой расы, колыбелью индоевра-

зийцев является Кавказ, а Эльбрус – алтарь арийских богов, считающийся Центром Мира и Центром Силы Света. По их мнению, именно он даст импульс энергии, идущим по Пути... Приэльбрусье – обитель душ Великих предков – Фравашей. В период последнего оледенения (более 12 тысяч лет назад) в Приэльбрусье из-за термальных источников существовал свой микроклимат, в котором могли выжить и выжили люди.

В «Авесте», священном памятнике иранских народов, в самой древней ее части – «Бундихишне» – рассказывается о далекой северной прародине иранцев (разве это слово не произошло от арийцев?) – земле богов и предков. В ней же говорится о мировой горе Эльборце, которая держит рукой все двенадцать знаков Зодиака, давая им нужный ход. В честь этой мировой горы древние персы называли самые высокие горы своей новой родины Эльбурсом. Вывод о том, что далекие предки иранцев пришли из Приэльбрусья, напрашивается сам собой. Имя «Элбрус» пришло к нам через тысячелетия из той далекой поры, когда арийское культурное и религиозное пространство вокруг Кавказа было единым и неделимым. Совершенно не случайно гитлеровцы уделяли такое громадное значение захвату Эльбруса – арийской святыни, и воодружению на нем своего штандарта.

Северный Кавказ – прародина многих арийских народов, а не только иранцев. В скандинавской «Эдде» («Сага об Инглингах») говорится, что их прародиной был Северный Кавказ и ими правил Один, а земли восточнее Дона назывались Великая Свитьод – Великая Швеция, в отличие от нынешнего их расселения, называемого Малой Швецией. Не зря великий норвежский путешественник Тур Хейердал последние годы своей жизни посвятил раскопкам на Дону, пытаясь доказать правдивость бытующих у скандинавов саг. Ведь доказал Шлиман, что «Илиада» Гомера не вымысел.

У всех арийских народов, разбросанных чуть ли не на половине Евразии, всегда самым святым местом, святилищем, своеобразным природным храмом являлась самая высокая топографическая точка той местности, на которой они жили. Высоты связывали народы с душами предков, с их арийским эгрегором – духовной силой первопредков, давали силу и веру в их нелегкой борьбе за существование. Не зря Тамерлан, и Гитлер стремились на Эльбрус, хотя и у того, и другого на своей родине были тоже высокие горы. Гитлер должен был овладеть Храмом арийцев, который (капище), как предполагается, находится в ущелье Ирик (разве не связано со словом арий?).

За 2160 лет Солнце проходит один знак зодиака (в обратном направлении: Рыбы, Водолей, Козерог...), который и оказывает на Землю свое решающее космическое влияние. В 2003 г. наступила эпоха Водолея, поэтому «центр внимания» Высших Космических сил переместился к Северному Кавказу с эпицентром Эльбурсом, как в 157 г. до н. э., когда начиналась эпоха Рыб – «центр внимания» переместился на территорию Палестины и Аравии, и поэтому там образовались две мировые религии: христианство и ислам. Но если та местность выполняла роль кроветворного органа, желчного пузыря и очистителя организма Земли, то Северный Кавказ (Россия), согласно астрогеографическим представлениям, выполняет роль функций головного мозга Земли.

Версия о том, что Северный Кавказ – прародина ариев, красивая и не лишена основы в виде древних религиозных и мифических сочинений. Но то, что Эльбрус и в целом Кавказ фигурируют в греческой мифоло-

гии – общеизвестный факт. Прометей, укравший огонь у Зевса и принесший его людям, был прикован Зевсом к Эльбрусу, где орел выклевывал у героя печень. Освободил Прометея Геракл. Точно такая легенда, но с другими именами, имеется и в эпосе народов Кавказа – «Нарты». Кто у кого позаимствовал версию? Думается греки у кавказцев, т. к. нартский эпос существует уже 3000 лет, а греческие мифы помоложе.

Эльбрус – гора с особой энергетикой, и недаром все народы, жившие здесь или занесенные сюда ветрами истории, восторгались ею и боялись ее.

Достоверно известна история восхождения на Эльбрус в XIX в. Генерал Георгий Эмануэль, командующий Кавказской линией, «с высочайшего соизволения» формирует экспедицию для покорения высочайшей вершины на вновь присоединенных территориях. В нее включаются различные ученые для изучения края: академик Адольф Купфер, физик Эмиль Ленц, зоолог Эдуард Менетрие, ботаник Карл Мейер, венгерский путешественник и ученый, ищущий доказательств прохождения венгров через эти территории, Янош Бессе, архитектор Кавминвод Джузеппе Бернардацци (экспедиционный художник). Для обеспечения безопасности исследований (Кавказ еще воюет) и проведения намеченных работ экспедицию сопровождало 650 пехотинцев, 350 казаков и два трехфунтовых орудия. Экспедиция в таком составе (более 1000 человек) выходит из крепости Каменный Мост (ныне селение Каменноостское – КБР) и 8 июля достигает реки Харбас – левого притока Малки. Здесь экспедиция нанимает проводников из числа местных пастухов, и Эмануэль обещает им, что первому взошедшему на Эльбрус выдаст в качестве награды 400 рублей, а второму – 200.

21 июля все ученые и 20 казаков-добровольцев в сопровождении проводников с высоты 8000 футов (2600 м) начинают восхождение. Через шесть часов, достигнув границы снега, восходители заночевали, а 22 июля (10 июля по старому стилю) в три часа утра группа продолжила путь. Но члены экспедиции, в том числе и казаки, кто с высоты

4000 м, кто с высоты 5000 м, идти далее не могут и возвращаются. Только проводник экспедиции пастух и охотник кабардинец Килар Хаширов в 11 часов утра достигает вершины Восточного Эльбруса. На ней он складывает пирамиду из камней, называемую у альпинистов туром, втыкает в тур свой посох и начинает спуск. Из лагеря экспедиции сам Эмануэль наблюдает в подзорную трубу за этапами восхождения, и когда Килар достигает вершины, дается салют из ружей. После спуска Хаширова награждают обещанной премией в 400 рублей и отрезом сукна на черкеску. В дальнейшем его берут на службу в Горский полускадрон, охранявший особу императора. В честь восхождения в Луганске были отлиты две чугунные плиты с соответствующим текстом. Копия такой плиты в настоящее время установлена перед Кабардино-Балкарским НИИ гуманитарных исследований в городе Нальчике.

После первого покорения долгих 39 лет никто больше не пытался взойти на Эльбрус. В 1868 г. Дуглас Фрешфильд – президент английского альпинистского клуба – через Баксанское ущелье (Урусбиевское общество) с проводниками-балкарцами Ахией Соттаевым и Даши Датосовым повторяет восхождение.

Первое восхождение русского человека совершено на Эльбрус в 1890 г., и сразу на западную вершину, пионером русского альпинизма Андреем Васильевичем Пастуховым – капитаном русской армии, военным топографом.

Вот этим трем покорителям – кабардинцу Килару Хаширову, балкарцу Ахие Соттаеву и русскому Андрею Пастухову – благодарные потомки установили памятники при въезде в Национальный парк «Приэльбрусье».

Некоторые главы из этой рубрики взяты из книг, выпускаемых издательством М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»)

Кайсын КУЛИЕВ

КАВКАЗ

Мой отчий край, Кавказ мой старый,
Рожденному у этих скал,
Зеленой веткою чинары
В мой первый день ты мне махал.

Я лазал в глубь твоих расщелин,
Законнорожденный твой сын.
Ты мне дарил и склонов зелень,
И белизну своих вершин.

И я, Кавказ, тебя не предал
Вдали от дедовских могил,
Все радости твои и беды
В глазах и в сердце я хранил.

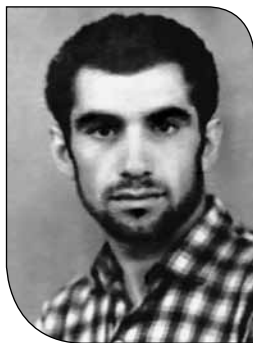
И то, что твоему величью
Не создал я достойный гимн,

Я объясню косноязычьем,
А не предательством своим.

Всегда слабей любви и веры
Слова людей; мы не вольны
Служить чему-то выше меры
Тех сил, что скупы нам даны.

Трубить я не умею в трубы,
Но знаю, что в последний час
Мои синеющие губы
Замрут, произнеся: «Кавказ!»

Родимый край, прошу я редко,
Но все же милость соверши:
В последний день своею веткой,
Как в день мой первый, помаша!

Хасан ТХАЗЕПЛОВ

ЭПОХА СВЕТА

Эпоха Света наступила,
Благой сошел на землю Дар.
Теперь и сердце отпустило,
Уставшее от тайных кар.

И взгляд блуждал за горизонтом,
Определяя свой исход.
Вот так народы, полным фронтом,
Все ж одолели тяжкий брод;

Так человечество сумело
Экзамен Высшей жизни сдать,
И потому-то чувство грело
В надежде – сможет отстрадать.

Высокой миссии поверив
Перед вселенским Бытием,
Земное все с небесным сверив,
Иду на свет и на подъем.

И не случайно, что сегодня
Все дальше видит человек,
И ближе мысль его к природе,
Вступая в звездный долгий век.

Природа, видимо, простила
Людей греховные дела,
И вновь отпущена им сила,
Чтоб жизнь по Кругу снова шла.

Привет тебе, Эпоха Света,
Спасенье всех земных племен!
Душа тобой теперь согрета –
Теплом всех будущих времен.

К 75-летию Магомета Кучинаева

Тамара БИТТИРОВА,

*доктор филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
балкарской литературы
Кабардино-Балкарского Института
гуманитарных исследований*

Магомет Юсупович Кучинаев родился в 1937 году в семье репрессированного горца. Детство и юность будущего писателя прошли в Казахстане. Десятилетку закончил на Курилах при прохождении срочной службы в рядах Советской Армии. После окончания срока службы в 1960 году вернулся на Родину, поступил в КБГУ, закончил историческое отделение ИФФ. Работал шахтером, строителем, электромонтажником. С 1965 года работает как профессиональный журналист на республиканском радио (1965-1983), в редакции журнала «Минги-Тау» (1983-1991), с 1992-го – редактор республиканского общественно-политического и литературно-художественного журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

М. Ю. Кучинаев – автор шести прозаических книг: «Ючюнчю батальон» – «Третий батальон» (1987), «Уллу Малкъар» – «Большая Балкария» (1991), «Кюйсюз заман» – «Жестокое время» (1999), «Кюн балаларь» – «Дети солнца» (1997), «Горькая дорога в рай» (2004) и научно-популярных исследований: «Карачаевцы и балкарцы – потомки скифов и алан» (2001), «История Балкарии. Кн. 2» (2004).

Первые свои литературные произведения М. Ю. Кучинаев стал печатать в зрелом возрасте, пройдя жизненную школу и имея большой опыт журналистской работы. Ему было около пятидесяти лет, когда в журнале «Минги-Тау» стали появляться отрывки из первой повести писателя – «Балкарский батальон», впоследствии названного «Третий батальон».

80-90-е годы прошлого столетия – годы активной журналистской работы Магомета Кучинаева. В своей публицистике он отдает предпочтение художественному очерку. Произведения этого жанра звучали по радио, печатались в газетах. Художественные очерки писателя – о современниках, которые своим трудом, знаниями, талантом приумножали славу республики.

Первые рассказы и художественные миниатюры будущего романиста увидели свет на страницах газеты «Коммунизмге жол» и журнала «Минги-Тау».

Чистая любовь, человечность, взаимопомощь – вот основные темы рассказов и миниатюр писателя. Они в своей художественной структуре тяготеют к жанру лирического раздумья и надолго остаются в памяти читателя необычностью сюжета, точностью прорисовки характеров, затаенной грустью.

Одно из интересных произведений писателя – «Кое-что для рассказа о любви». Здесь чувствуется влияние американского мастера рассказа О’Генри. В нем, как и у О’Генри, тоже неожиданная концовка, но вполне оправданная логикой развития событий. Сюжет рассказа прост и одновременно необычен. Но это не помешало писателю создать колоритный образ человека, потерявшего свое достоинство и выбравшего легкий путь существования.

В этом аспекте представляют интерес и другие рассказы писателя, опубликованные в разных периодических изданиях в 70-80-е годы. Однако заметным вкладом в балкарскую прозу становится его повесть «Третий батальон».

Она была написана в 1984 году и печаталась в двух номерах журнала «Минги-Тау» на балкарском языке под названием «Балкарский батальон». В 1987 году она вышла отдельной книгой в издательстве «Эльбрус». На русском языке в переводе автора повесть опубликована в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» в 1988 году.

М. Кучинаев написал свою повесть в начале 80-х годов, когда в советской литературе по-новому осмысливался исторический опыт Второй мировой войны, когда в литературу пришло новое поколение, отцы которых были участниками трагических событий.

Главный его герой – капитан Ахмат Мисиров, командир третьего батальона, сражается в составе легендарной 16-й армии, прикрывавшей подступы к Москве под Смоленском. Как известно, Смоленское сражение в июльские дни 41-го года явились прелюдией грандиозной битвы за Москву, а также школой мужества и доблести советских воинов. Попав в окружение, бойцы батальона Мисирова, как и тысячи других солдат 16-й армии, не падают духом, а продолжают борьбу и выходят победителями – прорывают окружение и соединяются с основными силами Советской Армии. При этом комбат Мисиров выносит из окружения и знамя полка, тем самым спасая свой полк от расформирования.

Конечно же, ничего нового в советскую литературу о войне «Третий батальон» Кучинаева не привнес, так как эта тема как в русской литературе, так и в литературе многих народов СССР, была глубоко и масштабно разработана такими известными на весь мир писателями, как Михаил Шолохов, Виктор Некрасов, Виктор Астафьев, Василь Быков, Константин Симонов, Юрий Бондарев. Однако для балкарской литературы повесть явилась по-своему оригинальным произведением, хотя бы тем, что действия в ней разворачиваются непосредственно на фронте, вдали от родного очага главного героя. Следует заметить, что почти во всех балкарских повестях и романах тема войны, как правило, связана с родными краями главных героев – это или партизанское движение, или иное сопротивление оккупантам на занятых ими территориях.

Первоначальное название повести было не случайным: писатель хотел рассказать о героизме сынов своего народа. Конечно, во время Великой Отечественной войны никакого балкарского батальона как отдельного воинского подразделения не было. М. Кучинаев видит всех сражающихся на разных фронтах балкарцев в этом героическом батальоне. Эта стержневая мысль – мысль о том, что балкарцы боролись с врагом, в том числе и на самых тяжелых участках фронта, вместе с русскими и казахами, украинцами и татарами,

грузинами и белорусами, – красной нитью проходит через всю повесть. Начиная с названия, повесть имеет многоуровневый символический ряд. Судьба одного человека и целого народа, их взаимосвязь и взаимозависимость – комплекс морально-этических представлений передается опосредованно, через аналогии и семантические параллели.

В этом смысле интересен и оригинален зачин повести. Муравей в который раз пробирается через придорожные заросли травы с зернышком к муравейнику, расположенному на другой стороне дороги. Вот он уже почти одолел свой путь, но в самую последнюю секунду что-то тяжелое и грохочущее обрушилось на него и вдавило в дорожную пыль. Муравей потерял сознание. А когда он очнулся, то все вокруг было пропитано густым запахом гари. Муравей отыскал-таки свое зернышко и, хоть и с трудом, но все-таки принес его к муравейнику. Но муравейника на месте не оказалось. Там, где был его родной муравейник, зияла дымящаяся черная воронка. И повсюду видны снующие муравьи, на черной земле белеют личинки...

Так начинается повесть «Третий батальон». Читатель с самого начала окунается в страшный мир войны с беспощадными бомбежками, танковыми атаками, рукопашными схватками. Кажется, что в этом аду, когда люди с таким ожесточением убивают друг друга, у них уже ничего человеческого не должно сохраниться в душе. Но человек даже в этих условиях не теряет способности шутить и смеяться, а значит, и жить. Об этом свидетельствует эпизод обеда в перерыве между бомбежками, когда в центре внимания оказывается боец Каракозов. Автор сумел на иронической ноте построить весь эпизод, используя совпадение фамилии бойца с фамилией известного в истории террориста. Уже в этой первой повести Магомета Кучинаева проявилась характерная для него черта – за художественным вымыслом видно стремление к правде жизни. А потому все, о чем рассказывает автор, максимально приближено к реальным событиям.

В период работы над повестью автору, несомненно, пригодились те знания о войне, которые он получил во время многочисленных встреч и бесед с участниками Великой Отечественной войны, когда он готовил о них очерки и передачи. Эпизод битвы в центре Смоленска у Днепра – один из ключевых в повести. Для воссоздания точной картины сражений и изображения батальных сцен автор специально ездил в Смоленск, чтобы посмотреть и на город, и на Днепр. В повести все: и городские улицы, и стены Смоленского Кремля, и собор на высоком холме за Кремлем – изображено достоверно. И потому кажутся реальными и герои, и события, в которых они участвуют.

Эпизоду развязки автор придает большую эмоциональную нагрузку. В батальоне Мисирова среди солдат, прибывших как пополнение, оказывается его земляк Назир, сын Хутая Кадырова, убийцы отца Ахмата – Исмаила. Хутай убил его, комиссара села, в надежде занять эту должность. Однако он был разоблачен, арестован и осужден. И вот спустя два десятка лет сын кровного врага оказался в одном с ним батальоне. Но в какой-то момент неожиданно комбат попадает в трудную ситуацию. Во время прорыва, отложив в сторону автомат, Ахмат снимал с тела убитого комиссара Арбатова знамя полка (полотнище знамени было обмотано вокруг тела под гимнастеркой), и в это время с автоматом в руках на него наскочил Назир. Кровь застыла в жилах Ахмата – он живо представил себе, что и Назир, как некогда его отец Хутай,

сейчас пристрелит его, отберет у него знамя и будет ходить в героях. Но тот, наоборот, стал ему помогать, потом был ранен в ногу, и некоторое время Ахмату пришлось нести его на себе. Однако Назир настоял на том, чтобы Ахмат ушел, спасая знамя полка, а сам остался, чтобы хоть на несколько минут задержать уже настигавших их немцев. Так, вдали от родных гор кровная вражда перерастает в дружбу двух земляков, ибо защита Отечества превыше всего...

В 1980 году Магомет Кучинаев начал работу над первым своим романом «Большая Балкария». Как известно, в народе с незапамятных времен долина реки Черек, где до революции насчитывалось более 20 селений, называлась Большой Балкарией. Роман посвящен жизни и повседневному делам жителей Большой Балкарии конца XIX века, когда они совершили настоящий подвиг: прорубили вниз по ущелью колесную дорогу. Автор показывает, как капитан Исмаил Аланбиев вместе с другими князьями ущелья поднимает народ на строительство колесной дороги в горах горной Балкарии. Писатель с особой обстоятельностью выписывает образ главного героя. Когда сход Большой Балкарии начинает определять размеры взносов жителей ущелья на строительство дороги, Исмаил Аланбиев, используя свое положение старшины, делает все, чтобы полностью освободить беднейшую часть населения от взносов, а с остальных брать соразмерно их имущественному положению. Ему на помощь приходят умные и многоопытные мужи-уздени Мисиров Ахмат-хаджи и Мамаев Ануар, которые нашли более надежный и легкий способ сбора средств на строительство дороги, чем князь Исмаил. Их принцип – считающий себя не бедняком пусть сам увеличивает свой взнос, насколько считает возможным – оказался действенным.

По замыслу автора, князь Крым Карабиев и уздень Ахмат Мусуков должны были быть типичными представителями «князей-кровопийц» и «кулаков-узденей», однако жизненная правда оказалась сильнее авторской задумки, и стремление Ахмата Мусукова любой ценой приумножить свое состояние не вызывает неприятия. Также вполне понятно стремление Крыма сохранить землю, а значит, и власть, и авторитет в обществе.

Следует отметить, что у М. Кучинаева наиболее убедительными, полнокровными являются образы не положительных героев, а тех, которых никак не отнести к таковым. Это все тот же Ахмат Мусуков и его семья, и Крым Карабиев, Гитче Кадыров и другие. Здесь сказалось то, что главные герои слишком уж «правильные», они не совершают «неоправданных» поступков, а потому и не проявляется в полную меру их индивидуальность. Из этого не следует, что образы положительных героев схематичны и однообразны. Полнокровным и убедительным получился характер главного героя романа, князя Исмаила Аланбиева. Читатель без особого труда догадается, что прототипом Исмаила Аланбиева стал историк и публицист XIX века Мисост Абаев. В стремлении служить своему народу герой романа идентичен своему реальному прототипу.

Автор придает Исмаилу Аланбиеву черты прирожденного предводителя: он чист в помыслах и честен в поступках, грамотен, имеет авторитет среди народа и среди своего окружения. И вполне естественно, мечту многих поколений горцев – строительство колесной дороги с гор в долину, а по существу, дороги в новую жизнь – начинает осуществлять именно он. В преодолении

множества трудностей, встающих на пути решения этой нелегкой проблемы, и раскрывается его образ как организатора и предводителя. Его духовные качества, взгляды на жизнь наиболее ярко проявляются во время беседы с сыном Алимом, когда тот уезжал в Москву на учебу. Исмаил случайно узнал, что сын имеет какие-то связи с революционерами, и убеждает его в том, что всякие потрясения опасны для человеческого сообщества.

Автор романа «Большая Балкария» стремился создать широкое полотно народной жизни конца XIX века с множеством действующих лиц. Однако некоторые герои, несущие заданные социальные функции, остались схематичными. Но заслуга автора в том, что он стремится показать жизнь во всех ее гранях. И здесь немаловажную роль играет хорошее владение материалом, глубокие познания в истории, в фольклоре, а также в этнопсихологии. Надо признать, что художественной состоятельности романа способствовали эрудиция писателя и проникновение в глубины народной жизни. В романе все подчинено логике исторических обстоятельств, описаны повседневные заботы всех слоев горского общества. Автору удалось бытовые сцены, хотя некоторые из них натуралистичны. Это, к примеру, глава, где рассказывается о взаимоотношениях Калганова Токлу и девушки Берегет. Нетипичный вроде бы случай для горского национального характера, когда парень и девушка были увлечены друг другом настолько, что забывают горские обычаи.

По-другому начинается и трагично заканчивается любовь между Алимом и Нюржан. Алим – студент юридического факультета Московского университета, Нюржан – слушательница Тифлисского училища для благородных девиц. Оба образованные и целеустремленные натуры, умеющие определять главный смысл жизни, у них высокие и благородные помыслы. Но жизнь часто бывает благосклонна к невеждам и подлецам и лишает радости, здоровья, а порою и самой жизни многих честных, порядочных людей. Не даровала она счастья и Алим с Нюржан, хотя они были достойны его. Судьба распорядилась жестоко. С молчаливого одобрения ее отца Крыма, ненавидевшего Исмаила Аланбиева, девушку похищают. Ее светлая, чистая, целеустремленная натура не могла смириться с насилием, с тем, что в нужный момент жизни никто не пришел ей на помощь – ни отец, ни брат, и даже любимый. Оказавшись в безвыходном положении и не дождавшись помощи, она покончила с собой. Алим остался один в этом жестоком мире – без любви, без мечты, без надежды...

Главной темой романа является жизнь и быт народа в конце XIX века, его трудовой героизм, в результате которого по скалам была прорублена в долину колесная дорога. Все это автор романа показывает убедительно. Нехватка земли – пахотной и пастбищной – вынуждает жителей Большой Балкарии пользоваться арендованными пастбищами у сванов и кабардинцев. В итоге балкарский народ в дореволюционной России имел самое большое количество скота (на 1000 жителей больше любого другого народа России!). Наиболее яркими эпизодами, где отчетливо показывается героизм повседневного труда балкарцев, являются главы, где рассказывается о стрижке овец осенью, после возвращения из Закавказья, и посвященные работе молодежи на строительстве дороги. Для сегодняшнего читателя представляет определенный интерес и эпизод, где речь идет о косарях в Суканском ущелье, куда после приезда с русско-турецкой войны едет Исмаил Аланбиев...

М. Кучинаев – один из авторов, который отличается творческой активностью и стремлением совершенствовать свое мастерство. В этом отношении заслуживает внимания новое произведение «Кюйсюз заман» – «Беспощадное время». Оно было опубликовано и на русском языке в 1991 году под названием «Горькая дорога в рай» в переводе автора. Начинается повесть с описания теплого весеннего мартовского дня. «Кажется, весь свет заполнен теплом, тишиной и благостью... Но на самом деле... беспокойно на сердце у Халимат. А если присмотреться внимательнее, то кажется, что и природа сама в такой же непонятной тревоге, что и сердце Халимат. Как будто все это благополучие – не настоящее, а показное, зыбкое... Как бы ни пригревало солнышко, а почки на яблонях все еще не спешат раскрываться. Кажется – тишь да благость, но вот налетел ветерок, что-то нащептал деревьям, кустам и тотчас куда-то исчез. Но деревья и кусты уже не так безмятежны, как раньше, они тревожно качают голыми ветвями, словно в предчувствии беды. И петух, словно пораженный новостью, которую сообщил ветер деревьям и кустам, вытянув шею, долго-долго смотрит вдаль. Даже Бойнак ни с того ни с сего встрепенулся и тревожно огляделся вокруг...»

Так в самом начале в душе Халимат, главной героини повести, поселяется тревога, предчувствие беды. Жители Большой Балкарии, которые и являются персонажами повести, знают, что беды обрушиваются на их головы с неожиданной стороны. Они уже пережили трагедию Сауту, когда советские солдаты расстреливали всех подряд. И вот пришла новая беда. И Халимат, как и тысячи балкарок – жен солдат и офицеров, сражавшихся на фронтах, стала собирать детей и старика-свекра в дорогу изгнания.

В новом своем произведении М. Кучинаев следует особой технике сюжетостроения. Действия разворачиваются динамично и неотвратимо, хотя эпически спокойно. Но за этой кажущейся беспристрастностью скрывается глубина трагедии происходящего, и читатель неизменно приходит к мысли о том, что это беззаконие властей – не что иное, как сущность «родной Советской власти», ради установления которой в братоубийственной войне были погублены лучшие сыны народа. «Я проливал кровь, устанавливая Советскую власть...», – говорит один из выселяемых и требует справедливого к себе отношения. «А кровь ты чью проливал, а?» – цинично прерывает его полковник. «Четверо моих сыновей на войне...», – все еще пытается доказать свою невиновность человек, но полковник вновь грубо прерывает его: «А с кем они воюют?» Полковник с угрозами прогоняет просителя и кричит вслед: «Бедная Советская власть – да разве она победила бы без тебя!»

«Я парторг колхоза, но не в этом дело...» – начинает разговор с полковником другой житель аула, тоже никак не желающий повиноваться неслыханной несправедливости. «Извините, а в чем дело?» – театрально вежливо спрашивает полковник. «Я потерял одну ногу под Сталинградом...», – снова заговаривает тот, но полковник тут же прерывает его. «Но что же это ты, голубчик, так драпал, что даже и ногу потерял, а?» – всерьез спрашивает полковник бедного горца, растерявшегося от столь откровенного хамства.

Художественно убедителен эпизод, где полковник сыграл роль

исполнительного и глуповатого служаки, обещающего исправить несправедливость по отношению к Шамарьгу Таулановне Калгановой, первой комсомолке Балкарии, беседовавшей с самим Сталиным, которую теперь собираются вместе с бандитами, как она говорит, выслать куда-то. Полковник преобразился. Он «возмущен» и обещает девушке написать самому Сталину, и все будет исправлено. «А сейчас, – говорит он, – как и положено комсомолке, выполняй приказ – иди к своему вагону». – «А потом?» – наивно спрашивает Шамарьгу. «А что потом? – отвечает полковник. – От товарища Сталина придет ответ, а там, конечно, будет приказано освободить тебя, а виновных арестовать и отдать под трибунал, мы найдем тебя, вернем назад... Самолетом вернем». – «А дом, что будет с домом, пока я вернусь?» – вновь спрашивает Шамарьгу. «А туда я сейчас же пошло караульных. Будь спокойна – и иголка не потеряется!» – отвечает полковник. Шамарьгу уходит к своему вагону, а на перроне, где высилась фигура полковника, раздаются взрывы смеха...

На русском языке повесть названа автором «Горькая дорога в рай». Действительно, согласно убеждению верующих людей, безвинные жертвы диктатуры, тысячи и тысячи людей, представителей репрессированных народов, погибших от голода и болезней в песках Средней Азии, в лагерях Сибири, попадут в рай. И эта горькая дорога в рай началась 8 марта 1944-го с железнодорожного вокзала в Нальчике и длилась долгих 13 лет, разветвляясь на тысячи тропинок, по которым бродили голодные и изможденные спецпереселенцы, бродили до тех пор, пока их души не попали в рай. Эту горькую дорогу прошли отец, жена и дочь капитана Мисирова, мать майора Калганова, Шамарьгу, которую полковник НКВД «собирался» вернуть самолетом с полдороги.

В повести поднимается и тема судьбы победителей – сынов репрессированных народов. Каково было им, несмотря на суровый приказ снять их с фронта, сумевшим остаться в действующих частях и дошедшим до Берлина, Эльбы, груди которых украшали ордена и медали?

В «Горькой дороге в рай» есть эпизод, где на вечере с союзниками на Эльбе встречаются гвардии майор Кадыр Калганов и капитан Баллиев, прославленный комбат. Между ними идет откровенный разговор о родном народе, которого так неожиданно настигла беда, о собственной судьбе.

«Раз судьба такая...» – сетует Баллиев, но его прерывает Калганов: «А по какому праву она такая?.. Да пусть собака... и на судьбу твою такую, и на Отечество твое такое!» – «Не надо, Кадыр, прошу! Ты сейчас немного пьян. Не надо – возьми себя в руки!» – просит Баллиев. «Хорошо, возьму я себя в руки, – отвечает Калганов. – Только ты скажи: что потом мне с собой делать, куда броситься? Ха! Посмотрите на этого героя, Германию на лопатки положил, – и радуется! Ты за фашистами гонялся, а в это время энкэвдэшники за твоими детьми гонялись! Ты лезешь в огонь, идешь на смерть за свободу Отчизны – а Отчизны-то у тебя нет! Нет у тебя Отчизны, ты – баштак. Слышишь, мы все теперь баштаки. Кончилась война, и наша дорога – тоже в Сибирь... А там, иди спроси, на какой обочине дороги или в каком овраге ты околеешь!». И неожиданно Кадыр предлагает Батыру уйти к американцам. «Ты что – всерьез или шутишь?» – спрашивает Батыр. «Очень даже всерьез, – отвечает Кадыр. – Интересно, почему же

не всерьез? Весь твой народ в Сибири, вернешься – и сам в Сибирь, и никому дела не будет до того, что ты воевал, что каждый день шел на смерть. Родины нет, родного очага нет, ничего нет... Так что же для нас есть святого в этой стране? Скажи?..»

Батыр повторяет общеизвестные высокие слова о народе, о долге перед Родиной и т.д. Здесь более убедителен Кадыр, который горячо говорит: «Пойми же – нет теперь у нас Отечества! И мы для него теперь не родные дети, а пасынки! А кто любит чужих детей, оказавшихся на руках у отчима или у мачехи?» И Кадыр, герой-фронтовик, майор Советской Армии, выбирает чужбину, уходит, чтобы день за днем, год за годом хлебать соленую похлебку обид и оскорблений под чужим небом.

Повесть М. Кучинаева по своему содержанию может быть приравнена к трагедии: она исполнена картин, раскрывающих жизнь спецпереселенцев в открытых степях Казахстана и Средней Азии, когда их косили холод и голод, тиф и холера...

Заметным явлением в балкарской литературе стало и появление романа М. Кучинаева «Дети Солнца». Он посвящен далекому историческому прошлому балкарского народа. Действие романа происходит во времена скифов, когда знаменитый царь могущественной Персидской империи Дарий I в 512 году до нашей эры совершил поход в Скифию.

С первых же глав романа читатель попадает в мир, где идет ожесточенная борьба за жизнь, за власть, за богатство, где столкнулись коварство и измена, жестокость и обман с позитивными человеческими ценностями.

В столкновении с соседним враждебным племенем гибнет Великий хан союза пяти асских (скифских) племен. Его младший брат Акылбай хочет стать ханом, но так как при живых племянниках законным путем этого достичь невозможно, он идет даже на убийство. Находясь у него на воспитании, неожиданно гибнет старший из сыновей покойного хана. Балкыз, которая царствует до совершеннолетия сыновей, не сомневается в том, что ее сына погубил Акылбай, и приказывает начальнику ханской дружины схватить его. Но Акылбая успели предупредить, и он сумел уйти от погони.

Читатель с интересом следит за разворачивающейся смертельной схваткой царицы Балкыз с Акылбаем. На первых порах кажется, что Акылбай одержит победу, так как совет старейшин племени до совершеннолетия хана возлагает на него, как на дядю, исполнение обязанностей хана. Вот он, собрав несколько тысяч воинов, подступает к ханскому журту и требует у Балкыз прилюдного согласия с решением старейшин племени. Но Балкыз такого согласия не дает. И тогда с новой силой и ожесточением начинается междоусобица. Ей, а также процессу ее преодоления, сплочению алано-асских племен в Причерноморье и посвящена первая книга романа. В ней много батальных сцен, но в то же время, стремясь более реально отразить жизнь наших далеких предков, автор уделяет внимание и хозяйственной деятельности людей, устройству их общественной и общинной жизни.

Первая книга романа названа «Эмина». Эмина – это эпидемия чумы, которой уподобляет автор междоусобицу, заканчивающуюся войной.

А война всеильна, слепа и ненасытна: губит все на своем пути. Яркий пример тому – жестокая битва между войсками великого хана Алан-Ас-Уи и дружиной хана мятежной Тулфар-тайфы Кара Заш-хана. В этой битве безжалостно избивают и убивают друг друга сыновья алан-асского народа, многие из которых к тому же близкие родственники. Так, к примеру, сталкиваются лицом к лицу как неприятели Батыр-Заш-бий и его племянник Кюн-Бала. В бою Батыр-Заш-бий сначала и не узнал племянника. «Подняв меч, Батыр-Заш-бий бросился на молодого батыра. Скрестившись в воздухе, мечи зазвенели, разбрызгивая искры. Батыр-Заш-бий понял, что у молодого есть сила, но не хватает мастерства. «Ничего, – подумал Батыр-Заш-бий, – потерпит немного, поймает миг, когда молодая самонадеянность совершит ошибку, взмахнет тогда Батыр-Заш-бий своим мечом, и полетит голова храброго батыра на землю».

Взмахни, Батыр-Заш-бий, меч молодого батыра вниз, а твой играет в небе! Взмахни же!

– Кюн-Бала! – закричал Батыр-Заш-бий вместо того, чтобы взмахнуть мечом.

Молодой батыр взглянул в лицо соперника.

– Татай! – крикнул он.

Все племянники звали Батыр-Заш-бия так – Татаем. Своего отца звали Тата, а его Татаем. Это было ласковое имя его, данное племянниками, и значило оно примерно так: и ты нам дорог, как отец родной.

И в этот миг увидел Кюн-Бала, как из груди Батыр-Заш-бия показалось острое копье – кто-то ударил его со спины.

– Татай! – закричал Кюн-Бала, крепко обхватив Батыр-Заш-бия.

В небе сверкнул меч, и оба батыра, крепко обняв друг друга, вместе упали на землю.

Татай!.. – тихо сказал гаснущим голосом Кюн-Бала, стараясь покрепче обнять Батыр-Заш-бия...».

Этот эпизод романа призывает к миру, подводит к мысли, что все люди на земле друг другу – братья, и война никогда не может быть справедливой по отношению к отдельной личности.

Батальные сцены прерываются авторскими отступлениями, где проклинается война, содержится упрек Творцу за его безразличие к жестокости людей. Так, например, заканчивается последняя батальная сцена первой книги: «Большой Небесный Отец, видно, почувствовал, что его сумасшедшие дети перестали убивать друг друга и захотел сам увидеть то, до чего же их довела глупость – раздвинул в разные стороны черные тучи и взглянул на землю. Взглянул и, увидев степь, почерневшую от мертвых джигитов, не выдержал, заплакал – его слезы падали на землю большими теплыми каплями. Не мог Небесный Отец долго смотреть на жестокое дело своих сыновей: он вновь закрыл свой лик черными тучами. Но, видно, отцовское сердце никак не хотело верить в то, что случилось: Небесный Отец краешком глаза глянул еще раз на землю из-за туч – золотые лучи осветили лица павших асских джигитов, рубиновым отблеском засветилась их пролитая кровь».

В первой книге романа наиболее удачным, на наш взгляд, стал образ одного из биев из Абай-тайфы – Озгана Тангберди. Этот

бесшабашный рыцарь на первых порах случайно оказался в стане Акылбая, стремившегося любой ценой занять ханский трон. Но потом, во время открытого мятежа Акылбая, разочарованный его жестокостью, он отошел от него и со своей дружиной вступил с ним в схватку. Это был его осознанный переход в сторону Великого хана. Но Озган, как настоящий бий, не хочет слыть перебежчиком, а потому он не идет на соединение с войсками Великого хана, а укрепившись в своем журте, принимает бой с многократно превосходящими силами Акылбая и погибает как народный герой.

Проходит 25 лет после преодоления междоусобицы народом алано-асов, хан Темир-Зан, в первой книге романа юноша, теперь уже многоопытный и непререкаемый народный предводитель, действительно Великий хан Алан-Ас-Уя, где преодолены не только распри, но укрощена преступность в лице разбойничьих шаек качаков (изгнанников из родов и беглых преступников), почти нет набегов родов и племен друг на друга.

Вторая книга называется «Война» и посвящена она борьбе алано-асского (скифского) народа против вторгшихся на его земли войск знаменитого царя древности – персидского царя Дариявуша, известного в истории как царь Дарий I.

Первые главы второй книги романа посвящены мирной жизни алано-асского народа. Здесь и незначительный конфликт между двумя соседними племенами, и трудовые будни, и любовь, и свадьбы – все, как и должно быть в обычной мирной жизни. С интересом читается, например, описание свадьбы и в ханском журте: женится старший сын Великого хана Огурлу. Он женится на дочери сарматского хана Толган-Ай. Этот династический брак должен был закрепить мир, достигнутый между ханами двух родственных народов. Однако соперничество царей и ханов, полководцев и предводителей не прекращается. В частности, Занган-Кёз – хан крупного сарматского племени, расположившегося по соседству с аланами, хотел быть Великим ханом Сарматии, но его, несправедливого и жестокого, не избрало Большое Собрание ханов и биев. Теперь он всячески вредит дружбе Бозбатыр-хана с Темир-Зан-ханом, совершает набег на соседнюю тайфу Алании у берегов Танг-сая в то время, когда идет свадьба дочери Бозбатыр-хана и сына хана Алании.

Так, в обычном для того жестокого времени русле течет жизнь Алан-Ас-Уя, когда становится известно, что на земли асских народов (скифов) готовится идти войной царь Персидской империи Дариявуш.

Игры-состязания молодых воинов, торжественная и величественная церемония принятия ими клятвы верности родине перед выступлением в поход – это, в сущности, всенародный праздник силы и молодости, способствующий мобилизации всех духовных и физических сил народа на борьбу с иноземным врагом. Главы романа, посвященные этим событиям, – наиболее интересные для читателя, в них дается живая картина борьбы и труда народа в далеком прошлом, рассказывается о вере и обычаях народа, об общественном устройстве.

Автор стремится как можно точнее следовать общеизвестным историческим фактам, относящимся к далекой эпохе. Известно, к примеру, что знаменитый царь Персии Дарий I слыл справедливым царем. Но

ведь справедливыми правителями считаются и Чингиз-хан, и Бату-хан, и Джанибек-хан, однако ни в одном из известных произведений мировой литературы никто из них не показан справедливым. Но образ Дария I М. Кучинаевым осмыслен по-иному, то есть Дариявуш, как и в исторических легендах, показан справедливым и храбрым царем. Дариявуш уверен, что именно ему, царю могущественной Персии, повелевает владыка Неба начать созидание Золотого Века на Земле. Царь справедлив: когда один из его сатрапов, Мегабаз, клеветает на другого сатрапа, к которому царь, по его мнению, чрезмерно благоволит, Дариявуш казнит интригана. Словом, Дариявуш – молод, красив, щедр, и у читателя к нему возникает чувство симпатии. В то же время читатель понимает, что Дариявуш хочет «осчастливить весь мир» непременно под пятой Персии и не иначе. Миром должны управлять смелые, умные сыновья Персии под его, Дариявуша, началом. Так что образ царя Дариявуша – сложный, многоликий.

Тем не менее, автору не удалось избежать обычных схематических линий в создании героев-предводителей народа, хотя образ Великого хана вполне удался. Нелегко даются ему героические поступки: приходится проявлять настойчивость и мужество, чтобы не совершить роковую ошибку.

Один из полнокровных эпизодов романа – это противостояние персов и алано-асов. Остатки потерпевшей полное поражение персидской армии подошли, наконец, к Долай-саю и стали спешно переходить по наведенному мосту. У моста вспыхивают стычки за право раньше других перейти на другой (спасительный) берег. А в стороне стоит и молча наблюдает за всем этим алано-асская конница. Но в разгар переправы мост вдруг загорается. Многие воины гибнут в огне, оставшиеся тонут в реке. Тысячи отчаявшихся, усталых и изможденных персов остались на этом берегу, беспомощные перед неумолимыми алано-асами.

История безжалостно наказывает завоевателей – такова философская линия романа. Писатель далек от прямых авторских сентенций. Умелое соединение в единый узел множества сюжетных линий, соответствие изображаемого реальным историческим фактам и историческим личностям, противостояние добра и зла – все это дало автору возможность создать эпическое полотно большой эмоциональной силы и художественной убедительности.

Роман М. Ю. Кучинаева «Дети Солнца» адресован подготовленному читателю: описываемые исторические события более чем двухтысячелетней давности известны узкому кругу историков и любителей древности. С другой стороны, роман понятен и широкому читателю, поскольку колорит эпохи приближен к традиционному национальному быту балкарского народа.

Творчество М. Ю. Кучинаева, автора целого ряда очерков и рассказов, повестей и двух романов, отличается национальным колоритом, достоверностью изображаемых характеров и событий, стремлением осветить сложные периоды истории народа и развенчать идеологические ориентиры советской эпохи. В то же время в его произведениях отчетливо присутствует и другая идеология – любовь к своему народу, уважение к его историческому прошлому и раздумья о будущем.

МАГОМЕТ КУЧИНАЕВ: *Сильные, мужественные, честные люди, и, разумеется, писатели в том числе, никогда не становились на колени ни перед тиранами, ни перед временем.*

Недавно главный редактор литературного журнала «Минги-Тау» Аскер Додуев встретился с Магомедом Кучинаевым. Во время беседы разговор шел в основном о жизни, о литературе, об истории, так как писатель эти темы чаще всего касается в своих произведениях.

Аскер Додуев. Но, сначала, в связи с тем что русскоязычные читатели, возможно, не так хорошо знают писателя Кучинаева, как балкарские, мне следует, наверное, хоть немного рассказать о твоих произведениях. Это, в первую очередь, конечно, исторические романы «Большая Балкария» и «Дети Солнца», «Стоит ли с медведем груши есть?», эпическая поэма – тоже на историческую тему – «Сказание об аланах», а также повести «Третий батальон» и «Горькая дорога в рай». Значительная часть твоих произведений была опубликована в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» на русском языке. Так что, наверное, многие из наших читателей все-таки знакомы с творчеством писателя Магомета Кучинаева. Сегодня мы будем говорить не только о литературе, но и об истории. Потому что, оказывается, последние несколько лет писатель Магомед Кучинаев писал не только очередной роман, а историю Балкарии.

Магомед, в чем дело, почему история, разве это не скучное занятие? А, может быть, это уход от действительности, ты не хочешь писать честно и откровенно о сегодняшнем дне? Между прочим, читатели нашей республики, выступая постоянно во время встреч с писателями, упрекали нас как раз по этому поводу – что мы слишком уж часто оглядываемся в прошлое, мало пишем о нашей сегодняшней жизни.

Магомед Кучинаев. Конечно, читатели высказывали совершенно справедливое пожелание, чтобы творческие работники обращали гораздо большее внимание на создание ярких произведений о наших современниках, на правдивый показ жизненных коллизий, и на то, чтобы в наших произведениях хотя бы было видно, что наши народы живут рядом, по-соседству и т.д. Все это совершенно верно и справедливо. Но в это же время следует сказать, что большинство произведений наших писателей все-таки о нашем времени и о наших современниках. Кстати, мой последний роман «Стоит ли с медведем груши есть?» как раз о нашей сегодняшней жизни. Короче, книг на темы сегодняшней жизни немало, другое дело – каково их содержание. Когда нет ярких, правдивых образов, реальных полотен сегодняшней жизни, тогда и кажется, что и книг и произведений на эту тему нет.

А что касается лично меня, то я по образованию историк и меня история привлекает больше, чем что-либо другое, хотя и у меня большая часть произведений – это на темы сегодняшней жизни. К тому же, если для кого-то издавать свои романы, повести и пухлые сборники стихов

особых проблем не составляет, то для других издать свои произведения – это очень трудная проблема. Я, к примеру, уже лет десять не могу издать ни одну книгу на русском языке, хотя к печати фактически готовы и три романа, две повести, а еще поэма «Сказание об аланах».

Как и многое в нашей стране, издание книги тоже зависит от воли чиновника.

Теперь по существу твоего вопроса.

Нет, для меня занятие историей – это не скучное дело, а наоборот – очень даже интересное. Надо учесть, что история – самая что ни на есть политическая наука из всех наук. Ее пытались и пытаются исказить все власти всех времен, а потому историку очень даже интересно, если он, конечно, настоящий историк, а не конъюнктурщик и карьерист, нащупывать самому, прокладывая самому тропу к исторической истине. Это очень интересно. Но в то же время очень трудное дело, так как ничего на свете так просто изменить невозможно. И в особенности – убеждения и догмы, если они даже и ложны. К примеру, если я скажу, что на Руси не было татаро-монгольского ига, по крайней мере, в такой форме, какую изображают слишком идеологические авторы, а был союз Руси с Монгольским ханством, и этот союз для Руси был благотворным во всех отношениях – оградил Русь от покорения католической Европой, а попроще – от завоевания немецкими рыцарями, – раз, предотвратил страшную междоусобную войну между русскими княжествами, что спасло народ от истребления, – два, а выдача ярлыка на великое княжение способствовала объединению русского народа – никто ведь не смел спорить с ханом Золотой орды! – три. А все это было благом, благодаря чему Русь стала Россией, великой империей!

А. Д. Я не знаю, что и сказать... Ведь мы со школьных лет и до сих пор слышим только одно и то же: татаро-монгольское завоевание затормозило развитие Руси на века, потому-то мы и отстали от Европы. Россия стала щитом Европы, истекая кровью, заслонила собой весь цивилизованный мир от варваров, несущих смерть, пепелища и разрушение...

М. К. Во-во-во! А на самом деле никакого татаро-монгольского ига на Руси не было. А был Союз Руси с Монголией, а более верно – с Золотой Ордой, с Джучиевым Улусом, конечно, с верховенством хана Золотой орды. А так называемая дань – это небольшой налог на военные расходы. И все. Русь, как и раньше, управлялась своими князьями, никто на веру русских не покушался. Было лишь одно отличие от прошлых лет. Великий хан, Золотая Орда просто не разрешали русским князьям воевать друг с другом, а если же они все-таки, вопреки воле хана, начинали воевать, хан их просто разнимал силой. Разве это было так плохо для Руси? Или оборона от немцев. Разве это плохо?

А. Д. Если это было действительно так, то, конечно, это хорошо. Но ведь большинство академиков, профессоров и вообще ученых говорят совсем иное, чем говоришь ты...

М. К. Как раз об этом я и говорю, что нелегко переубеждать людей, если даже их убеждения ложны. А, во-вторых, когда я говорю о благе для Руси союза с Ордой – это я просто вкратце излагаю суть того, что

достиг в исторической науке самый, наверное, выдающийся русский историк XX века Лев Николаевич Гумилев. И если в масштабе России перед Гумилевым стояла грандиозная проблема – повернуть людей лицом к исторической истине в оценке связей Руси с Ордой и вообще со Степью, то у нас, в Кабардино-Балкарии, тоже есть свои проблемы в истории, которые требуют новых решений, новых взглядов.

А. Д. К примеру?

М. К. К примеру – наши историки как бы игнорируют одну из самых ярких и героических страниц как в истории Кавказа так, следовательно, и в нашей истории. Это эпоха Великой Хазарии. Считается, что Хазарское ханство – это какой-то осколок Великого тюркского каганата, то есть что это какое-то эфемерное государственное образование, созданное чужаками-завоевателями, и что кавказские народы якобы находились под игом этих самых пришлых завоевателей-хазар.

На мой взгляд, это ошибочное мнение, укрепившееся в науке. На самом деле нам, кавказцам, не стыдиться надо того, что мы, мол, находились под пятою хазар, а гордиться тем, что наши предки-кавказцы сумели создать одну из великих империй своего времени. Не следует забывать, что Хазарской империи, Хазарскому ханству в свое время платил дань и тот самый Олег, великий Олег, который якобы чуть не взял Константинополь. Но на самом деле этот самый Олег вовсе не был великим. Он потерпел тяжкое поражение и от Византии, и от Хазарии, в результате чего Русь оказалась в значительной зависимости от Хазарии. Лишь в 965 году внуку Рюрика, Святославу Игоревичу удалось полностью освободить Русь из-под власти хазар.

Хазары – коренной кавказский народ дагестанского типа – люди невысокие, худощавые. Сперва они жили в степях между Сулаком и Тереком. Потом освоили дельту Волги. Находясь в составе Великого Тюркского ханства, хазары в усобице тюркских племен примкнули к одной ханской ветви, эта ветвь потерпела поражение. Тогда хазары приняли убежавшего к ним ханского отпрыска и сделали своим ханом. Это случилось в 650 году. Этот тюркский хан пришел в Хазарию со своим племенем. И тюркские батыры, умелые воины, сумели сплотить тюрков, хазар, аланов и другие племена. И создать сильное государство, известное в исторической науке как Хазарский каганат.

Так что Хазарская империя – это неотъемлемая героическая эпоха в многовековой истории Кавказа. Героическая – потому что сумела сдержать напор победоносных войск Великого Халифата, созданного Мухаммедом и его последователями. Арабы дошли до Тибета и Гибралтара, а вот одолеть Хазарию не смогли. Вот здесь действительно можно сказать, что Хазария, народы Кавказа предводительствуемые тюркскими батырами, стали неодолимой стеной на пути арабских завоевателей.

Да и для хозяйственного развития региона, то есть Северного Кавказа – а ведь Хазария простиралась от Уральских гор до Крыма включительно, – время хазарского каганата было временем бурного развития и экономики, и торговли, и строительства. Именно в хазарское время появились многие известные в истории города Северного Кавказа – и Семендер, и Итиль, и

Маджары, и Джулат, и другие города на Кубани и на Тереке.

У нас на Кавказе много народов, и будет, по-моему, неправильно, если любое государственное образование, колы его не создал мой народ, считать государством чужаков. Если так считать, если считать хазарскую империю страной чужаков, то «Золотая Орда» и Россия тем более должны быть для нас государствами чужаков, но ведь это не так. Наши предки считали Золотую Орду своей страной и проливали за нее кровь, защищая ее от могущественного Тимура. Наши отцы и старшие братья не сомневались в том, что Россия – СССР – наша страна, и тоже проливали кровь, защищая ее от немецко-фашистских войск. Так что Хазария – это великая империя, созданная нашими предками, и мы должны с уважением относиться ко всей истории, не надо считать, что народы Северного Кавказа находились под ярмом хазар, платили дань, а потом, после похода Святослава, якобы стали обретать долгожданную свободу. Ни под каким ярмом народы не находились, а просто жили в составе Хазарского ханства, и не были ни в чем ущемлены. Потом жили в составе Золотой Орды. Сегодня живем в составе России. Вот и все. И сегодня платим дань – налоги. И даже больше, чем платили наши предки. Но все равно Россия – наша страна, наша Отчизна, мы любим ее, мы хотим, чтобы она была сильной и процветающей страной. Потому что она, Россия – наша страна, хотя ее создали и не народы Кавказа. Мы же не живем сейчас под игом русских, а живем в России, имеем те же права и обязанности, что и русские.

А. Д. Эта мысль, между прочим, прослеживается и в первом историческом романе в балкарской литературе – в твоём романе «Большая Балкария». К тому же в этом романе впервые у нас в литературе советского времени главными героями являются князья. Как ты на это решился тогда? Не боялся, что роман останется неопубликованным?

М. К. Ты правильно подметил. Мой роман «Большая Балкария» начинается с такого эпизода, где описывается возвращение с Русско-турецкой войны капитана Исмаила Аланбиева, балкарского князя. Отец Исмаила Науруз сожалеет, что Турция потерпела поражение, считая это унижением ислама. На что Исмаил говорит отцу, что теперь наша Отчизна – это Россия, наше будущее связано с ней, а потому только ей одной мы должны желать победы и успехов. Став старшиной селения, Исмаил поднимает народ на грандиозное дело – на строительство колесной дороги из ущелья Большой Балкарии в низину, которая свяжет его родную землю с Россией навсегда. Нет, я не думал о том, что в то время роман останется неопубликованным.

Во-первых, как и все нормальные писатели, я никогда об этом особо не задумывался, потому что я пишу так и об этом, потому что хочу написать об этом именно так. И если я нормальный человек, если я люблю свою страну, свою Родину, свой народ, то я, естественно, не могу ничего писать такого, что принесет вред моей стране, моей Родине, моему народу, а потому почему я должен кого-то бояться и на кого-то оглядываться? Я напишу так, как хочу, а там чиновники издадут или нет – это совсем другое дело.

А. Д. Сейчас многие говорят, что в то время иначе и писать было невозможно, не могли всячески не восхвалять Советскую власть,

большевиков, не могли писать правду.

М. К. Я лично в эти рассказы не очень верю. Кто-нибудь принес в издательство, в журналы свое произведение, которое отвергнуто в то время цензурой или каким-нибудь чиновником от власти? Я об этом ничего не слышал. Слышал только о том, что долгие годы не публиковали поэму Кайсына Кулиева «Завещание», так как там говорилось о выселении, что было почти под запретом. И все. Единственный такой случай. Честный, искренний, настоящий писатель при любом режиме может написать и даже опубликовать свою вещь, если, конечно, она не «в лоб» на запретную тему. Все зависит от честности, мужества и «хотения» самого писателя.

Бабаевский из кожи лез вон, чтобы понравиться власти, вот он и написал своего «Кавалера Золотой Звезды», где до небес превозносит красоту и справедливость этой самой власти. А Шолохову, по-моему, совсем даже не хотелось быть любимчиком власти, он лишь искал способы обмануть эту власть и рассказать народу о жестокости и ненужности всех этих революций и войн, о том, что надо стремиться жить мирно, избегать всю эту грязь и ненависть.

И он сумел это сделать. Но ведь Шолохов сильно рисковал – всем известно, что его могли запросто расстрелять. Ведь сутью его и знаменитых донских рассказов, где каждый рассказ по содержанию и драме событий равен хорошему роману, и всемирно известного романа «Тихий Дон» является яростное неприятие любых революций и войн, если даже они и именуется «Великая Октябрьская социалистическая» или даже «Священная война народа против угнетателей и кровопийц». В войнах, в революциях отец убивает сына, сын убивает отца, брат – брата, сосед – соседа. А это – противоестественно. Вот что хотел сказать Шолохов, и он это сказал. Шолохов – не только гениальный писатель, но и очень мужественный человек, честный сын своего народа. А Бабаевский очень хотел нравиться власти, он и нравился. Тоже достиг того, что хотел, просто жаль, что у нас мало было своих Шолоховых, а было много Бабаевских.

Что толку с того, что они, эти наши Бабаевские, сегодня стараются убедить нас в том, что иными тогда и быть не могли. Это неправда. Перед человеком всегда множество путей. Сильные, мужественные, честные люди, и, разумеется, писатели в том числе, никогда не становились на колени перед тиранами, ни перед временем. Они побеждают и тиранов, и время. Просто – таких людей не так уж много на свете. Потому что это нелегко. Очень это трудно. Гораздо легче и выгоднее подпевать и Власти, и Времени, пусть даже они и жестоки, и несправедливы. Это очень легко, и очень выгодно. А потому и идут большинство по этому пути. И, разумеется, судить их мы не вправе. Это – личное дело каждого.

А. Д. У тебя в романе «Большая Балкария» есть такой эпизод: сын главного героя Исмаила – Алим собирается после каникул в Петербург, где он учится не юрфаке. Исмаил находит в его чемодане запрещенную книжку. И тогда между отцом и сыном происходит серьезный разговор...

М. К. И этот разговор, между прочим, тоже шел бы совсем в ином русле, чем в романе, если бы я писал по «велению времени». Согласно

велению времени – восьмидесятые годы прошлого века, время торжества Советской власти, никаких признаков ее слабости, – Алим, сын, увлекающийся революционными идеями, должен был убедить отца в том, что он не может не быть в передовых рядах сознательной части народа, дабы бороться за его счастье и так далее. А на самом деле в романе отец убеждает сына в том, что революционные идеи – это для него, Алима, вещи совершенно неприемлемые, и даже вредные. Они могут сбить его с правильного жизненного пути, могут принести только вред и не только ему самому. Но и народу. Короче говоря, убеждает, побеждает тот, кто против революции.

А. Д. Значит, главные положительные герои романа – князья да зажиточные, «уважаемые» уздени, которые в обычных романах советского периода всегда были только отрицательными героями, среди отрицательных героев есть люди из бедняцких слоев населения. Которые, наоборот, непременно должны были быть выдающимися предводителями народа, революционные идеи трактуются как ненужные и вредные. Управляющий Нальчикским округом царский генерал чуть ли ни ангел-хранитель народа Большой Балкарии, то есть Черекского ущелья. Таков роман «Большая Балкария». И тем не менее роман был опубликован во времена, когда СССР и Советская власть были в здравии и силе. Как это могло случиться? И почему Кучинаева не разодрали на куски, не затоптали?

М. К. Отвечаю на первый твой вопрос: это случилось, потому что я так написал, так хотел написать, потому что то более соответствовало жизненной правде того времени – это конец XIX века. Это случилось еще и потому, что я не писал «по велению времени», а писал по велению своей совести. Теперь отвечаю на второй вопрос. Никто Кучинаева не тронул по одной простой причине – роман был опубликован на балкарском языке. Ни один человек из компетентных органов его не читал. Роман до сих пор не опубликован на русском языке. Теперь-то, конечно, можно все. Лишь бы были деньги.

А. Д. А в издательстве что говорят?

М. К. В издательстве я уже давно по существу «персона нон грата» – так случилось, что на ключевых должностях там работают люди, для которых я личность нежелательная. Вот и все. И это тоже вполне нормальная вещь. Люди есть люди. Любят, не любят, ненавидят – всякое бывает...

А. Д. Говорят, что писатель – сын своего времени, своего народа. Как ты это понимаешь? И что ты делаешь, как сын своего времени, своего народа?

М. К. Во-первых, каждый человек, писатель он или нет, сын своего времени, сын своего народа. Но в конкретном случае, когда речь идет о писателе, видимо, разговор должен вестись о том, как время влияет на творчество писателя, – сюда относится и та самая пресловутая тема о сегодняшней жизни, – и как писатель участвует в решении проблем своего народа и т.п.

Я думаю, что писатель, который не кривит душой, честно пишет о том, о чем он и хочет написать – это и есть сын своего времени и своего

народа. Ведь в глобальном масштабе любой писатель хочет воспеть красоту жизни, яркость света и любви, мужество и чистоту. Хочет пригвоздить к столбу позора подлость и ложь, зло и коварство. А кто об всем этом ведет рассказ – Михаил Шолохов с берегов Дона или Вильям Сидней Портер, которого все мы, читатели, знаем как О’Генри из Нового Света, Кязим Мечиев с Кавказа или же Рабиндранат Тагор из сказочной Индии – не имеет особого значения.

Что я делаю как сын своего времени, своего народа? Ничего особого. Главное, что стараюсь делать – это жить честно, не лгать, противодействовать подлости, ханжеству, чтобы помочь торжеству света и справедливости на земле. Хотя бы на том клочке земли, где я живу, где я хожу. А раз я держу еще и ручку в руках, то и писать стараюсь так, как хочу, а не так, скажем аллегорично, как требует время.

И еще, сейчас многие радуются тому, что буквально и стар и млад увлеклись религией, считают религию основой моральных устоев народа. А я этому не очень-то рад. Люди в первую очередь должны найти себе достойное место в этой жизни, а для этого надо много знать, многое делать. Значит, надо учиться овладевать знаниями, мастерством. Это очень нелегко. И надо работать. Единственное, что отличает людей от зверей – это то, что люди имеют разум, а значит, более осознанно приобретают знания, учатся и работают. И все это – чтобы нормально, хорошо жить на этом свете. А о том, как нам жить на том свете – наверное, более благоразумно было бы подумать тогда, когда там и окажемся. А не тратить силы зря на этом свете – жизнь и так коротка, и надо делать то, что и следует делать на этом свете. К тому же все религии утверждают, что люди честные, живущие за счет своего труда, помогающие другим, короче – хорошие люди непременно попадут в рай. Так в чем же дело – будьте хорошими людьми, не обманывайте, не воруйте, не пьянствуйте, не совершайте плохих поступков – и на том свете к вам отнесутся с уважением.

А. Д. Значит, ты хочешь сказать, что не обязательно выпрашивать место в раю молитвами, а следует на этом свете жить честно, поступать справедливо, не делать людям ничего плохого – и тогда на том свете наверняка тебя пропустят в рай? Так?

М. К. Конечно. Если и в самом деле есть и тот свет. Ведь главное, чего требуют все религии – это чтобы люди жили честно, добросовестно работали. Не воровали, не лгали. Не делали подлости. А раз так, и те люди, которые действительно верят в то, что есть жизнь и после смерти, пусть в первую очередь исполняют главные требования всех религий к человеку – пусть на этом свете будут хорошими людьми.

И вот именно тогда все будет хорошо!

Чего и хотим мы все – жители Земли.

АХМЕД, ДРУГ МОЙ!..

У меня есть друг. Он старше меня. Я появился на свет, когда ему было больше десяти. Сейчас мне тридцать с лишним, а моему старшему другу нет и двадцати. Каждое утро я принимаюсь за бритве, а моему другу бриться ещё нет нужды: над верхней губой у него стелется мягкий пушок. И все же в нашей дружбе он старший: трудно мне – он подставляет свое плечо, случится какое горе – он вместе со мной, а придет радость – он первый выходит плясать в круг.

Он мой лучший советчик. Да и что значит «лучший»?

Только к нему я пойду с открытой душой за советом – и всегда встречу доброе слово. Это он держал меня за руку, когда я едва научился ходить; это он водил меня на речку, в лес; это он защищал меня от обидчика и учил давать сдачи; это он подарил мне первое в моей жизни игрушечное ружье.

Вот какой у меня друг. И во всех делах я всегда стараюсь быть похожим на него. Часто вспоминаю, как по утрам я спешил на улицу, чтобы посмотреть, как он умывается. Маленькая речушка – в те времена она мне представлялась настоящей рекой, – протекала прямо по нашей улице; и, когда Ахмед умывался, он, словно сказочный великан, левую ногу ставил на левый берег, а правую – на правый; и мне казалось, что он оседлал реку. Сколько раз я тогда старался сделать то же самое, но у меня ничего не получалось, и я шлепался в воду.

Как-то раз пришел я к Ахмеду и вижу, он выкатывает тачку из сарая. Наверное, собирается в лес за дровами, а может, на мельницу.

– Юра, – сказал он, – иди-ка возьми что-нибудь на дорогу, а то проголодаемся.

– А куда мы поедем?

– В лес, за колючкой. Сад огородить надо.

Спотыкаясь и падая, я побежал к его матери. Она сидела у очага и готовила сыр.

– Нана, дай нам что-нибудь... чурек или сыр, – выпалил я ей, ещё не успев отдышаться.

Мать Ахмеда выпрямилась и, не говоря мне ни слова, вышла во двор.

– Сынок, ты что это? Не брал бы ты его в лес, ведь умаешься! – крикнула она Ахмеду.

Увидев, что дело оборачивается неладно, я подбежал к тачке и с трудом влез в нее. Ахмед стоял рядом.

– Нет, мама, я без него в лес не пойду. Я боюсь!

Чего не сделаешь ради друга! Скажите, мог ли я отпустить Ахмеда

одного? Ведь без меня ему одному в лесу страшно!

Мать вынесла нам чурек, сыр, бутылку кислого молока. Ахмед впрягся в тачку, и мы – то есть я – поехали.

Скоро я заметил, что Ахмед запыхался. Но я все равно громко по-пугал его, словно коня, чтобы он вез меня быстрее. Мне было все равно – подъем не подъем, главное – быстрее! И мой конь примчал меня в лес очень скоро. Меня ждало одно только дело – сесть на старую шинель, которую мне подстелил Ахмед, да смотреть, как он рубит колочку. Но скоро мне надоело это занятие, и я решил помочь своему другу. Я вскочил, но не успел сделать и пяти шагов, как колочка больно впилась мне в ногу, и я заревел во все горло. Я плакал долго и никак не мог успокоиться. Пришлось Ахмеду бросить топор и насобирать для меня горсть земляники.

Тележку мы нагрузили к самому вечеру. И тут-то я призадумался: «Как же я поеду домой? Ведь на колочке-то не усидишь...» И только я об этом подумал, Ахмед возьми да и скажи мне:

– Ты или пойдешь пешком, или останешься здесь, пока я не вернусь.

Я притворился больным, хромым, да вдобавок ещё и голодным, но все мои жалобы и всхлипы мой друг пропускал мимо ушей. Однако он следил за мной краешком глаза, а когда увидел, что я вот-вот разревусь по-настоящему, улыбнулся:

– Ну-ка давай сюда. – Он нагнулся и подставил мне спину.

Я сидел верхом на Ахмеду и был наверху блаженства. Только вот зрителей мне не хватало, и я то и дело торопил друга, чтобы меня поскорее увидели ребята с нашей улицы. Но Ахмед не очень-то спешил, он как будто нарочно шел медленно. Когда мы одолели первый подъем, я почувствовал, что шея у него покрылась потом. Вот тебе на! А ещё говорит, что я слабак!

– Сам ты слабак! – сказал я.

Ахмед засмеялся.

И вот показалось наше селение. Шляпки подсолнухов кивают нам, я уже вижу дома, чувствую запах дыма, слышу, как в каком-то дворе протяжно мычит теленок. Мне так и не терпится на свою улицу, я крепко «пришпориваю» Ахмеда пятками.

Мы входим в селение. Все показывают на меня пальцем, цокают языком и весело покачивают головой. Сзади нас пристраивается целая ватага мальчишек – я торжествую и показываю язык.

– А Юра поймал в лесу зайчонка, – говорит Ахмед, стараясь ещё больше поддразнить ребят. – Но потом он его пожалел и отпустил.

Я и сам начинаю верить в это и важно киваю головой...

После этого я не видел Ахмеда несколько дней. Я подолгу сидел у ворот его дома, но мой друг все куда-то спешил, а домой возвращался очень поздно, когда я уже спал. Я приставал с вопросами к его матери, но она молчала, и только плакала, и обнимала меня, и ни разу не сказала, что Ахмед пошел в лес или на мельницу...

Но однажды утром чьи-то легкие ладони коснулись меня. Я ещё не проснулся и не мог поднять веки. Потом чувствую, меня кто-то поцеловал. Я открыл глаза и увидел – Ахмед! Он взял меня, ещё полусонного,

на руки, вынес на улицу, подошел к речке, зачерпнул холодной воды и, брызнув мне в лицо, поставил на ноги. Я кинулся к нему. Ведь он обещал взять меня на базар!..

– Нет, сегодня не могу, – сказал он. – Я сейчас ненадолго уезжаю, а когда приеду, то нас повезут в город... Ну, будь здоров!

Он сжал мои руки своими огромными ручищами, подбросил меня несколько раз, обнял, потом посмотрел на меня странным каким-то, незнакомым мне взглядом и, ничего не сказав, ушел. Я остался один посреди двора.

В тот день все куда-то уходило...

Много времени утекло с той поры. Я каждый день хожу к нане, но Ахмеда все нет, все нет... Увидев меня, нана начинает плакать, достает пожелтевшие, сложенные треугольником письма и долго читает мне, не утирая слез... Есть в этих письмах строчки и обо мне: «Как там Юра? Наверное, совсем богатырь стал?..».

Мой друг что-то припозднил. Но мне кажется, он вернется. Часто я вижу его во сне. Я рассказываю ему о своих делах, потом мы идем в лес за орехами или на речку ловить рыбу. И золотые подсолнухи кивают нам...

Вот какой у меня друг. Мой старший друг. Ему нет и двадцати, а мне... Но нам это не мешает. Над нашей дружбой время не властно.

Перевод с кабардинского Б. Пчелинцева

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

В комнате душно, как в наглухо закупоренном ящике. Хотя все окна распахнуты настежь, кажется, сюда не проникает ни капли свежего воздуха.

– Ты спишь, Бина? – спрашивает муж.

– Никак не могу уснуть. Дышать нечем.

– Да, задохнуться можно.

Мухадин встает и начинает искать сигареты и спички.

– Знаешь что? – обращается он к жене. – Постели в саду.

Бина поднимается. Быстро набрасывает на себя халат, берет постель, и они идут в сад.

Во дворе прохладнее, дышится легче. Тишину прерывает лишь кваканье лягушек и шелест кукурузных стеблей на ветру.

Бина спускается к речке. Не спеша умывается и возвращается к мужу.

– Зачем отпустила дочку на свадьбу? – не то всерьез, не то шутя спрашивает Мухадин. – Украдут, смотри...

– А-а нет, – лукаво возражает Бина, – кому она нужна? Некрасивая да невидная, в мать пошла...

– Да? Тогда готовься к свадьбе. Если в тебя, то в девках не засидится.

Бина вздохнула. С тех пор как почувствовала, что стареет, она стала чаще думать о семье, о детях, о муже, который так нежно любит ее. И

сейчас она с благодарностью прижимается к нему. Чувствует спокойное мужское дыхание, слышит, как бьется его сердце. Бина с удовольствием вдыхает в себя неповторимый запах его тела. Через минуту она приподнимается на локтях и долго-долго смотрит на давно знакомые черты лица и вдруг начинает порывисто целовать мужа, как когда-то в молодости. Потом ложится навзничь, раскинув руки в стороны.

Бина смотрит в небо, взгляд ее останавливается на созвездии Семи Братьев. Звезды улыбались и лукаво подмигивали ей, но вдруг в одно мгновение разбежались, и на середину выступила до боли знакомая фигура. Кто он? Где она его видела? И почему он так нежно улыбается ей?

Да это же Мухарби! Как давно она не думала о нем! «Ты же умер? – обращается она к нему. – А если ты не умер, почему твоя мать плачет при каждой встрече?»

Бина закрывает глаза.

К ней подходит Мухарби. Его белая рубаха подпоясана узким кавказским ремешком, блестящими кавалерийскими сапогами он сбивает пыль с трав, протягивает руку к ней. Бина вздрагивает и открывает глаза: окруженный звездами, Мухарби продолжает смотреть на нее и улыбаться. Она слышит очень знакомую и давно забытую песню:

*Шелковая плеть
У тебя в руках.
Скачешь ты полями
На лихом коне.
Ну а если завтра
Вдруг нагрянет враг,
Будешь ты сражаться
Лихо на войне.*

Песня звучит все громче и громче.

– Ты что, поешь? – Муж поворачивается к ней, и только тогда она понимает, что поет она, Бина. И поет песню, которую сочинила когда-то про любимого.

Встревоженная воспоминаниями, она закрыла глаза и снова очутилась рядом с Мухарби. Он так улыбается, будто завтра и не идет на войну, на схватку со смертельным врагом, а собирается в увеселительное путешествие в Приэльбрусье. Но и в улыбке Мухарби чувствуется какая-то тревога. Он смотрит на нее так, как будто видит последний раз, как будто хочет запомнить все: глаза, брови, улыбку...

Мухарби внимательно разглядывает шелковый носовой платок, только что подаренный Биной. Он то кладет его в карман, то достает снова, любуется узорами, особенно тем уголком, где красуются их инициалы, соединенные знаком плюс.

А ночь удивительно лунная. Из ветвей акаций выглядывает полный месяц, потом, смущенный, скрывается за черными облаками, чтоб не мешать молодым.

– Я буду хранить платок, Бина. А когда приеду, обязательно верну, –

говорит он. – Но что же я тебе подарю?

Как он не догадался, уезжает-то не на день-два... И вдруг, что-то сообразив, он выводит Бину из-под акации.

– Смотри, Бина, видишь во-о-о-он те звезды.

– Вижу, Мухарби.

Вот их я и дарю тебе – это Семь Братьев-звезд. Если не вернусь, вспомнишь, когда посмотришь.

– Не говори так, Мухарби! – выкрикивает она слова, сказанные давным-давно. Муж удивленно смотрит на Бину, но она лежит с закрытыми глазами, и ему кажется, что она бредит.

– Почему же, Бина? Война ведь, могут убить. Кто знает, что будет.

С этими словами Мухарби подходит к ней все ближе и ближе, он хочет обнять ее, но она ускользает от его рук и начинает плакать.

– Зачем ты так плохо подумал обо мне?

– Бина, на войну ведь уезжаю...

– Когда вернешься, Мухарби, тогда... – Бина плачет... Мухарби достает тот самый платок и вытирает ее слезы, будто хочет собрать их и увезти с собой.

– Не плачь, Бина.

– Я уже не плачу. – Она пытается улыбнуться. Откуда ему понять, что она плачет не оттого, что он пытался ее целовать, а потому, что боится больше не увидеть его.

– Уже рассветает, Мухарби. Давай простимся. Счастливого пути и скорого возвращения!

– Бина, будешь ждать?

– Буду, Мухарби, буду, если не вернешься даже и через двадцать лет. Уничтожьте фашистских гадов и поскорее возвращайтесь. Будь осторожен...

Они долго стояли, держась за руки, и смотрели друг на друга, как голодный смотрит на хлеб, и казалось, чувствовали, что больше не встретятся. Внезапно Бина неумело схватила голову Мухарби, обняла и порывисто поцеловала в губы, а потом убежала.

– ...Ты спишь? – Муж положил теплую руку на обнаженное плечо Бины. Она вздрогнула, подняла глаза к небу. Мухарби уже не улыбался, он грустно смотрел на нее. А голос звучал тихо.

– Ничего, Бина. Я же говорил, что, может, и не встретимся. Будь счастлива. Да ты и так счастлива. У тебя уже седые волосы, а я еще молодой, к тому же ровесник твоей дочери. Хорошо, что иногда вспоминаешь обо мне...

Бина долго сдерживала себя, потом не вытерпела и громко зарыдала. Муж не на шутку забеспокоился:

– Что с тобой? Ты заболела?

– Я не могу больше здесь оставаться. Пойдем в комнату.

Муж, который ничего так и не понял, собрал постель, и они вернулись в дом. Он позвал было ее к себе, но Бина легла одна. Она закрыла глаза в надежде снова увидеть Мухарби, но тот больше не появлялся. А муж уже начинал храпеть. Она встала и на цыпочках вышла во двор.

Семь Братьев-звезд опустились близко к горизонту. Среди них уже не было Мухарби. Как она ни старалась, как она ни хотела, она его больше не увидела. Близился рассвет.

– ...Ты что, звезды считаешь? – услышала она вдруг голос мужа.

Бина ничего не ответила. Она молча вернулась в комнату, остро чувствуя, что потеряла что-то очень дорогое, и потеряла навсегда.

СОЛДАТСКИЕ ПОГОНЫ

Эту ночь Хамид почти не спал. Последняя новость беспокоила, словно старая фронтовая рана, которая ноет в непогоду. Его единственному сыну – будущей опоре престарелых родителей – прислали повестку из военкомата. Буха вчера весь день украдкой плакала и приставала к мужу – поговори да поговори с Хангериевым, ведь он друг тебе...

Расставаться с сыном Хамиду хочется не больше, чем Бухе. Он и сам ждет не дождется, когда парень женится, станет солидным человеком, а там...

...Хамид вышел из автобуса и направился к райвоенкомату. Во дворе толпилось много народу, в основном призывники, но были и их отцы, старшие братья. «Вот и мой Тыквоголовый здесь. – Он так называл сына, когда рядом не было посторонних. – Тоже радуется чему-то, разбить бы ему башку! Думает, что в армии ему приготовили вареную баранью голову».

Хамид незаметно (чтоб не увидел сын) проскользнул в коридор, где толпилась шумная веселая молодежь, еще не прошедшая медкомиссию. Кто-то из врачей отворил дверь в коридор и сердито крикнул:

– Тише, товарищи! Мешаете работать!

«Нет, Нургали не должен мне отказать, – размышлял Хамид. – Он меня поймет. Наверное, еще не поздно что-то сделать. Хотя бы отсрочку на годик-другой, а там, может быть, и вовсе не призовут...»

Он вспомнил себя в таком же возрасте, как эта горластая ребятня. Тогда, три десятка лет назад, в сорок первом, он тоже ждал своей очереди на медкомиссию. А через несколько дней, обняв рыдающую мать, которую больше уже потом не увидел, сел в поезд и поехал навстречу грозным превратностям тяжелой и долгой войны.

А теперь на земле мир. И разве не могут военные власти мирного времени пойти теперь навстречу старому фронтовику? Что случится, если в армии одним человеком будет меньше?

Хамиду очень хотелось убедить себя в правоте своего намерения, но это оказалось не так легко. Какой-то другой Хамид, внутри него самого, упорно ему возражал: «Сегодня у нас мир. А что будет завтра? Разве оружие, которое ты сложил, не должно перейти в новые руки? У нашей страны еще есть враги... И потому армия – это как шашка, которую мы ставим у изголовья, когда ложимся спать...»

«Хорошо, – отвечал Хамид, отец сегодняшнего призывника, – однако пролитая мною кровь разве не может быть достаточным выкупом за мое-

го единственного сына? Ведь я инвалид...»

«А как насчет сыновей тех, кто отдал не только часть своей крови, но и жизнь?..»

Кабинет военкома был закрыт, и Хамиду даже стало от этого чуточку легче: трудный разговор на время откладывается. Он узнал, что Хангериев на комиссии, и решил подождать в приемной, сел на стул у стенки. Ему сказали, что подполковник будет не скоро, да и вообще неизвестно, сможет ли он его принять.

Хамид нерешительно приподнялся со стула и вдруг услышал позади себя знакомый бас:

– Вы ко мне, уважаемый?

Хамид обернулся. Нургали сгреб его в свои медвежьи объятия:

– Как давно я тебя не видел! Что нового? Ты ко мне? Не обижайся, но можешь часок погулять поблизости? Я освобожусь, и тогда – я твой!

Хамид поправил на голове шапку:

– Хорошо, Нургали. Я подожду. Есть у меня один небольшой разговор...

– Да, знаешь, Хамид, я видел твоего сына! Сразу узнал, хотя помнил совсем еще пацаном. Точная твоя копия – совсем такой же, как ты был во время нашей первой встречи на Днепре!

Хамид улыбнулся чуть застенчиво – ему показалось, что Нургали прочитал его мысли, – кивнул головой и пошел хромая к двери.

«Хорошее у него настроение, – думал Хамид. – Мне, кажется, повезло».

Толпа людей во дворе поредела, Тыквоголового не было видно.

Облегченно вздохнув, Хамид вышел на улицу. Не зная, как провести время, он долго курил у ворот, а потом решил сходить на стационарный базарчик. Ничего покупать он не собирался, но все-таки бродил между рядами, спрашивая цены на фрукты и овощи. Сам же все время размышлял о том, как начать разговор с Хангериевым. Как понять, что у Нургали на уме, удастся ли тронуть его душу.

Он вернулся к военкомату, когда комиссия уже закончила работу. Нургали встретил его у входа в здание:

– Давай, Хамид, заходи! – Он посмотрел вслед последней группе призывников, покидавших двор военкомата. – Завидую им! Молодые, здоровые, будут учиться управлять совершеннейшей техникой... А мне через два-три года... Слова-то какие – «запас», «пенсия»! Как жить буду, не представляю...

Хамиду стало отчетливо ясно, что хотя ветеран обращается сейчас к нему, но слова его больше похожи на давние затаенные мысли, только сейчас высказанные вслух.

В кабинете, по-военному строгом и аккуратном, ничего лишнего. Стол, над ним – портрет Ленина, на боковой стене – большая географическая карта. На приставном столике – несколько телефонных аппаратов.

Усадив Хамида в кресло, Нургали сел рядом и, как обычно при встрече, спросил:

– Ну, как твоя нога? Не сильно беспокоит?

– В дождливые дни...

– Э, Хамид, Хамид! Нам бы надо чаще навещать друг друга. Слишком многое связывает боевых друзей... Вот я, например, до самой смерти не смогу отплатить тебе за то, что ты для меня сделал. А ты упрямисься, не хочешь, чтобы я свозил тебя на операцию к лучшим хирургам!

Хамид кивал головой, а думал совсем о другом: «Сделал бы ты «операцию» с моим Тыквоголовым, и больше мне ничего не надо».

– Что молчишь, Хамид? Давай-ка мы переменим обстановку. Уже конец дня, а мы еще не пообедали. Пошли, а? Или у тебя важный разговор?

– Нет, клянусь, Нургали, ничего такого важного, но есть не хочется...

– Рядовой Корнеев! Приказываю пойти со мной поесть!

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! – Хамид встал и вытянул руки по швам. – Да... ты теперь подполковник...

В ресторане они сидели в маленьком отдаленном кабинете, перебирали в памяти многих фронтовых товарищей, помянули и тех, кто не дождался Победы.

– Соню помнишь, Хамид? Какая девушка! Столько лет прошло, а вот здесь... – Нургали дотронулся до своей груди и горестно махнул рукой.

– Это санитарка? Да... В Польше мы ее похоронили. Да, красавица была, и такая бесстрашная! Мы тогда все знали, что ты к ней неравнодушен.

Хангериев помолчал немного, затем сдвинул густые брови и тихо сказал:

– Выпьем еще раз в память о тех, кто не вернулся домой...

Они выпили, потом оба задумались, и каждый знал, что думают сейчас об одном и том же. Они избегали говорить о том эпизоде. Хамид – из скромности, а Нургали – из чувства вины, хотя он, конечно, не был виноват.

Перед ними вставала сейчас картина боя на окраине маленького немецкого городишка. Они бегут вперед по усыпанной битым стеклом узкой улочке. Хамид первым увидел фашистского офицера, который, высунувшись в окно, целился в них из автомата. Он успел бросить гранату, сбить с ног своего командира и упасть ему на спину. Граната взорвалась в проеме окна, и несколько осколков впились в Хамида. Один из них раздробил ему бедренную кость...

Когда вышли из ресторана, Хангериев спросил:

– У тебя ко мне какое-то дело, Хамид? А я своими разговорами все время отвлекал тебя?

– Нет, нет. Нургали. Это даже не дело, а так, знаешь...

Хамид снова умолк, а Нургали, будто не замечая затруднений друга, снова вспомнил о призывниках:

– А я и в самом деле завидую тем, кто сегодня идет в армию. Ребята сейчас образованные, почти все спортсмены и на воинской службе пройдут отличную закалку, получат хорошие специальности.

Только теперь Хамид понял, что его друг догадывается, о чем должен был состояться между ними разговор. И Хамиду стало как-то не по себе.

Возле военкомовской машины Хамид сказал:

– Ну, пора мне домой. Хорошо, что мы повидались.

– Прощаться пока не будем, – ответил Нургали. – Зайдем ко мне. Пусть моя хозяйка побеспокоится. Она будет рада тебя видеть.

– Нет, нет, я очень тороплюсь. На автобус бы не опоздать. Будь здоров, дорогой!

– Поедешь на моей машине. И не возражать!

Они так крепко пожали друг другу руки, что, будь у них между ладонями камень, он бы, вероятно, раскрошился.

Хамид вернулся в селение поздним вечером. В его дворе горел электрический свет, из летней кухни распространялись аппетитные ароматы. Играла гармошка. Под деревьями на длинных скамьях сидело десятка полтора приятелей сына, соседи, девчонки – бывшие одноклассницы.

Хамид стоял у калитки и смотрел. «Шайтан меня понес в район! Тут моему сыну проводы устраивают, а...»

Первой его заметила Буха и поспешила навстречу.

– Ну что, какие новости? – шепотом спросила она.

– Какие новости? – Он хитро улыбнулся. – Хорошие.

– Встретился с Нургали?

– Конечно!

Он прошел туда, где сидела молодежь. «Как хорошо, что я встретился с Нургали, – думал он. – Старый товарищ помог мне понять, что нельзя позволять слезам затуманивать глаза, когда надо кое-какие вещи видеть особенно ясно».

Сидящие за столом встали, поднесли Хамиду бокал. Он пригубил напиток, затем сходил в дом и вернулся с небольшим свертком в руках.

– Мы бы не упрекнули его, если б он показал подарок сыну при всей компании, – прошептал один из молодых людей.

– Видно, достал вещь редкую и необычную. Он такой, этот Хамид! – добавил кто-то из соседей.

Но Буха, увидевшая, что принес Хамид, крепко зажала рот рукой, боясь расплакаться.

– Завтра мы провожаем своих парней, – начал Хамид. – Говорить можно много. Но я одно скажу. Ты, Хасанш (сын Хамида расплылся в улыбке – родитель впервые назвал его по имени), служи так, чтобы быть достойным, – и он развернул сверток и вручил сыну пару серых, выцветших от солнца погон, которые вместе с ветераном Великой Отечественной проделали путь от Волги до Одера.

Все сидевшие за столом встали. Большинство из присутствующих знали о войне только по книгам и кинофильмам, но сейчас они с благоговением передавали из рук в руки солдатские погоны как бесценную реликвию.

Шихархан НАГУЧЕВА

Имя Шихархан Яхьяновны Нагучевой – известно далеко за пределами земли шапсугской и маленького аула Большой Кичмай, что располагается в Лазаревском районе города Сочи. Здесь она родилась, воспитывалась, училась в Большекичмайской семилетней школе. Студенткой Майкопского педучилища стала в 1959 году. Получила диплом в 1962 году и сразу поступила на заочное отделение факультета журналистики Ростовского госу-

дарственного университета.

В том же году выехала на работу в редакцию газеты «Вперед», что находилась в рабочем поселке Елань Волгоградской области. Здесь обрела первые практические навыки на журналистской стезе и понимание того, что журналистика – это ее профессия, и она дана ей навсегда.

В 1964 году в Волгоградском издательстве была выпущена ее первая книжка «Моя любовь – моя земля».

В 1965 году приняла участи в областном конкурсе, посвященном двадцатилетию Великой Победы. За очерк «Горсть земли» Ш. Нагучевой было присвоено первое место и звание «Лауреата журналистского мастерства».

На ее счету множество различных публикаций, которые всегда привлекали внимание широкой читательской аудитории. Ее высокий профессионализм многократно поощрялся: награды, присвоение звания лауреата, благодарности, грамоты, премии. Но самой высокой из всех наград, по ее оценке, является звание «Лауреата премии Кабардино-Балкарии» за цикл очерков, направленных на укрепление гражданского мира и согласия, развитие интернациональных связей между народами».

Имя Шихархан Яхьяновны Нагучевой широко известно в адыгской журналистике. Оно связано с рождением газеты «Шапсугия» в переломное для истории российского государства время – в 1991 году.

Став первым редактором общественно-политического издания, она приложила массу усилий к тому, чтобы черкесы-адыги не только Северо-Западного Кавказа, но и всего мира узнали как можно больше о ее земляках-шапсугах, их насущных проблемах, об их истории, традициях, культуре.

Когда же встал вопрос о создании газеты Международной Черкесской ассоциации (МЧА), сам президент МЧА Юрий Хамзатович Калмыков, вместе со своим первым заместителем Юрием Шанибовым, поехали в Шапсугию и обратились с просьбой к руководству Шапсугского Хасэ (общественного парламента) дать согласие на переезд Ши-

хархан Яхьяновны в Кабардино-Балкарию. И, получив «добро» от ее руководства, обратились к ней с просьбой – возглавить общественно-политический печатный орган Международной Черкесской Ассоциации. Кстати, идея дать газете МЧА название «Нарт» принадлежала именно ее первому редактору Ш. Я. Нагучевой.

Время выхода первого тиража издания МЧА совпало с началом грузинской агрессии против Абхазии. Оказавшиеся в августе 1992 года в зоне наступления грузинских войск, редактор газеты «Нарт» Ш. Я. Нагучева и ее заместитель Алий Охтов, находившиеся в это время в братской республике, убедились воочию, что официальные газеты, радио, телевидение распространяют только лживую информацию о происходящих событиях в Абхазии. Они в один голос распространяли «байку» о том, что в Абхазии разыскиваются бандиты, похитившие нескольких министров. И нигде, ни в одной газете России и других стран мира ни слова о начавшейся войне Грузии с Абхазией, с применением авиации, танков, регулярных воинских частей со стороны Грузии.

Правдивую информацию о реальных событиях в маленькой республике, пользуясь свободой печати, редактор со своим заместителем А. Охтовым передавали с места боевых действий во все доступные информационные компании: газеты, телевидение, радио.

Первый выпуск газеты «Нарт» был посвящен событиям в братской республике. И в течение года, пока шла война в Абхазии, еженедельник на 16 страницах своевременно поступал к жителям республики и добровольцам, защищавшим Абхазию. Газету на линии огня ждали, ей верили, ее передавали из рук в руки. Активисты республики старались переправить газету и на оккупированные территории, чтобы и там люди знали: республику не оставили в беде, о ней думают, ей помогают, к ней на помощь идут добровольцы.

В 1997 году после тяжелой аварии Ш. Я. Нагучева отошла от систематической работы по изданию газеты. Но, несмотря на болезнь, к очередному отчетно-выборному конгрессу Международной Черкесской ассоциации, проходившему в Нальчике, по личной просьбе президента МЧА Б. Акбаш, она выпустила специальный номер, посвященный большому форуму, в котором принимали участие представители адыго-черкесского сообщества почти из сорока стран мира.

В 2002 году Шихархан Яхьяновна переехала из Нальчика на свою родину – в аул Большой Кичмай. Но по-прежнему сердце ее тянется к печатному слову. И она еще немало интересного и совершенно неожиданного поведает своему читателю в своих новых произведениях.

Ее самые близкие люди: сын Андрей, невестка Александра, дочь Ольга, зять Руслан, внуки Алексей, Владимир, Альмир и Диана – главное составляющее ее большой и счастливой семьи. Они вдохновители ее творчества, ее опора и гордость.

В угоду женщине своей...

Мир светотени воссоздай
И нежностью опутай небосвод.
Ты чарам выплеснуться дай,
Чтоб чувств менялся хоровод.

В угоду женщине своей
Мечты свои не прерывай,
В тени бесцветных серых дней
Ты светлый образ сохраняй.

И в лабиринте долгих лет
Ты потеряться не спеши...
А только лишь вперед иди.
Тропы своей терять не смей
В угоду женщине своей...
Пусть растрепались облака,
А день холодный и молочный,
Направь стопы свои туда,
Где солнца блики, как нарочно,
Журчат и пенятся слегка.

В пути из желтого песка
И среди джунглей непролазных,
Среди оползней, лавин опасных
Преграды трудно сосчитать...
Но ты не забывай шагать...

Ты случаям не смей сдаваться,
Унынию не смей поддаться.
Не уставай, вперед иди.
Ищи очаг своей любви,
Где так живуч огонь страстей...
В угоду женщине своей...

Как краток миг...

Как краток миг
Ухода человека
Из света в тень,
Из зелени садов
В земную твердь,
Из солнечного дня
В ночную тьму...

Из яростных тревог:
Любви, рождения детей,
Мечтаний,
Встреч и ожиданий,
В все поглощающую
Тишину.

Как долог путь
Надежды человека,
Его сомнений
И безрадостных
Падений,
Высоких гордых
Восхождений...
Его никем не понятых
Мучений,
Его любви,

Не созданных творений...
Не завершенных разговоров.
Предательство одних
И преданность
Безмерная других...

Как краток миг
Ухода человека,
И с этим ничего
Нам не поделать...

Заказные стихи

Трудно писать
заказные стихи.
Это совсем
ни на что
не похоже.
В рифму запрячь
чужие грехи
и вырезать
грязь татушек
на коже.
Выстраивать
друг за другом
слова,
как безмолвных
солдат
на плацу,
и заставлять
себя
с ними в ногу
шагать,
в едином строю...

Не зазвенеть
Под ударами
розог.
Не станцевать
босиком
на пороше.
Нет, не согреет
в объятьях мороз...
Скобли, не скобли их,
не станут хорошими

заказчики
заказных стихов,
с кровью,
запекшейся на руках,
не замолить
мне ваших грехов
в самых высоких
и громких строках.

Трудно сердцем
вести отчет,
что было
«горше»,
а что станет
проще.
Словно
на площади
колесуют
под счет,
душу мою,
раздавая
проходим.
А те
превращают
в казарму ее,
разрывая
сосуды сердца...
Каждый поет
здесь лишь
про свое –
музыку сам
для себя требуя...

Не прицениться в торгашьих рядах, стараясь продать себя подороже... Рай на земле рублем не создать. Да и зачем? – себе будет дороже.	пороков. Где мораль и чувства не сравнить никогда, оба проигрывают с нулевым счетом... ...Заказные песни брезгливо писать. Заказные рифмы не строятся в ряд. Заказные мысли не лепятся клеем. Заказные слова не хотят оживать...
Мечется сердце в капкане силка, Застит свет от людских	

Не сейте в землю нелюбовь...

Не сейте в землю нелюбовь...
Судьба над вами посмеется
И горечь пройденных дорог
Необратимо к вам вернется...

Не сейте в землю нелюбовь.
Не ради помыслов заветных
Ни ради идеалов светлых
Не сейте зло вокруг себя.

Хотите стать богатым? – будьте
Известным? Что же держит вас?
Помочь родным и близким людям?
Так если позволяет власть...

Вы помогайте. Кто мешает?
Кто руки вяжет вам узлом?
Кто вам дорогу преграждает?
Но только не творите зло.

Зло злом, поверьте, обернется.
За зло вам счет предъявит жизнь.
Все на круги своя вернется:
Коварство, ложь и ваш цинизм.

...Не сейте в землю нелюбовь.
Вам всходы болью отзовутся...

Любовь не склонна к оправданиям

<p>О, как сильна, страшна И как опасна Та боль, которую Любовью мы назвали. Теряем на пути к ней Разум не напрасно, Не ведая, становимся причастны Не только к восхитительным Порывам страсти, Но и к безумству Всех последующих дней. ...Я не берусь судить, Он долог или краток, Сей миг, который</p>	<p>Так страшит и манит. Ты только лишь держи, Не ослабляй объятий, Хотя в их неге Искупления не будет. Как только пелена Спадет с сердец безумных, Мы, может быть, Очнемся от страданий. Надежды к очищению Искать не будем. Взаимная любовь Не склонна к оправданиям.</p>
---	--

Признание

Прости за непонятливость мою
И за грехи, которых не свершала,
За миражи в воображении твоём.
Которых, мне поверь, не создавала.

Земная я, и с тысячью причуд,
Мирилась с тем, что мне судьба давала
Я не искала юности порыв,
В тиши ночей тебя не ожидала.

Нет, не ловила звезды я в пруду,
Из них я ожерелья не свивала,
И в скользких мыслях, где-то на ходу,
Я на ромашках вовсе не гадала.

С обрывов не пыталась взлететь
Я к маленькому принцу на планету
И одиночество его теплом согреть
Не пробовала ни зимой, ни летом.

«Бескрылой птицей» можешь ты назвать
Далекое от грез мое признание,
Но я такая, уж какая есть,
И в этом все мое очарование.

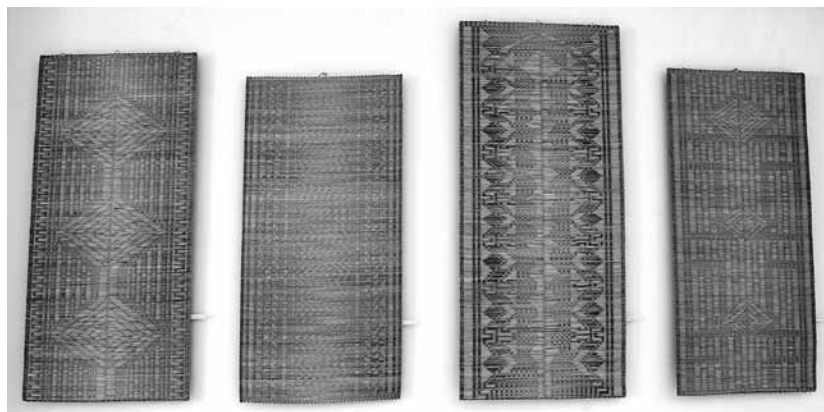
ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСТВА

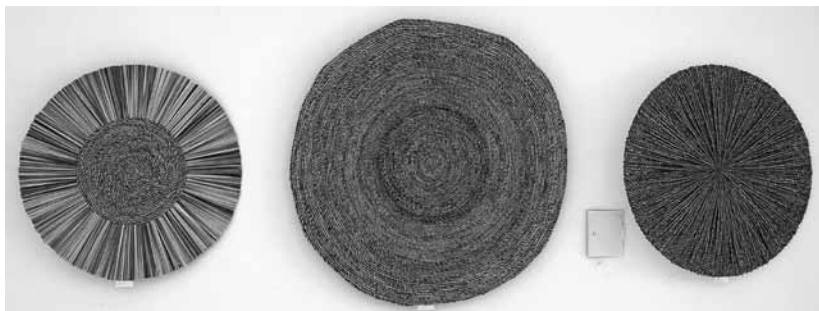
В марте 2012 года в филиале Государственного музея искусства народов Востока в городе Майкопе прошла персональная выставка Руслана Мазлоева «Пространство».

Есть творцы, разительно отличающиеся от своих произведений. Внешне циничные и черствые, оказываются авторами наполненных поэзией холстов, а легкие и возвышенные создают «жесткие и шумные» работы. Но иногда создание и создатель несут в себе одно мироощущение. Так бывает с людьми, находящимися в гармонии со своим внутренним миром, черпающими вдохновение в своих корнях и истоках. Именно таким является творчество молодого мастера, дизайнера, художника, занимающегося плетением арджэнов, Руслана Мазлоева. Как старинные арджэны, которые были лаконичны и не перегружены прикрасами, Руслан производит впечатление целостного и целеустремленного человека.

Узорные циновки из рогоза (арджэн) издревле сопровождали быт кабардинцев. Оставаясь теплыми в холод и прохладными в жару, они утепляли пол, по которому делали первые шаги дети, украшали стены, использовались в качестве коврика для намаза. На таком арджэне невеста стояла во время обряда знакомства со свекровью, ими отмечали самое почетное место в доме. И как верный спутник, оберегавший человека всю жизнь, циновка служила ему, провожая в последний путь.

Свое мастерство и любовь, а иначе нельзя сказать, Руслан получил от мамы, для которой с раннего детства вместе с отцом собирал рогоз. Заготовка материала требует немалых навыков: собирать надо определенный вид камыша, уловив момент до цветения, и непременно

«женские» растения, которые нежнее и не режут рук во время работы. Свои хитрости есть и в способе и времени сушки, варьируя которые можно добиваться различных оттенков, качество будущего арджэна зависит и от того, как ровно будут разрезаны стебли. «Я занимаюсь этим 15 лет и могу сказать, что только в последние лет пять достиг того уровня, когда имеющийся опыт позволяет добиваться желаемого результата, как в качестве плетения, так и в его «содержании», и дает возможность выходить за рамки, диктуемые особенностями материала. К моменту поступления на учебу я уже повторил все традиционные узоры и способы плетения. Изучение живописи, рисунка, композиции дало мне понимание того, что потенциал этой техники очень велик, и я стал экспериментировать: искал новые способы плетения, придумывал орнаменты, пробовал менять форму», – говорит Мазлоев.

Результаты этих исканий Руслан представил на своей персональной выставке «Пространство», прошедшей в 2011 году в Кабардино-Балкарском национальном музее в городе Нальчик. В экспозиции были представлены как арджэны традиционной прямоугольной формы, так и очень интересные круглые. Выставка нашла отклик не только у людей искусства, но и у самого широкого круга зрителей. «Мне показалось интересным, что работы не вызвали у людей непонимания, хотя они абстрактны. Обычно абстракцию в произведениях искусства неподготовленные люди с трудом воспринимают», – говорит автор. Вызвано это тем национальным духом, который излучает золотистые арджэны и, вероятно, «генетической памятью». Его работы выставлялись также в Майкопе, Каспийске. Принял он участие и в выставке декоративно-прикладного искусства во Флоренции.

В 2010 году его работы экспонировались на Всероссийской художественной выставке «Молодые художники России» и были отмечены дипломом. В марте 2012 года персональная выставка «Пространство» Руслана Мазлоева состоялась в филиале Государственного музея искусства народов Востока в городе Майкопе.

Мастерство этого молодого человека вывело арджэны из чисто утилитарной сферы. Он ищет и находит новое применение традиционному ремеслу, поднимая его на уровень искусства. Весной 2012 года состоялся концерт «Гъатхъэпежэ», что можно перевести как «Предчувствие весны», где в новой для себя роли сценографа выступил Мазлоев. Звучание национальной музыки и игра светотени в узорном переплетении арджэнов, которыми была оформлена сцена, произвела на зрителей неизгладимое впечатление.

Руслан Мазлоев передает свое мастерство детям. Он преподает в Нальчикском колледже дизайна и в республиканском центре эстетического воспитания имени Жабаги Казаного. «На данный момент есть несколько человек, которые уже постигли азы и вдохновлены этим делом. Летом поведу пап своих учеников на заготовку рогоза, чтобы они могли помогать детям и готовить для них материал», – рассказывает Руслан. Он растет сам и щедро делится своими знаниями, стремясь сохранить старинное ремесло, стараясь вывести его на новый этап развития.

Круг интересов Руслана не ограничивается только арджэнами. Он увлеченно занимается созданием войлочных панно, живописью. В 2012 году Руслан Мазлоев по рекомендации правления Кабардино-Балкарского отделения был принят в Союз художников России. Рассказывая о творческих планах, он говорит, что очень многое из задуманного не вошло в экспозицию персональной выставки, а это значит – творческий поиск продолжается...

Умар Б. АЛИЕВ

Разрывается сердце мое пополам.
Лишь припомню Кавказ, как страдаю вдвойне:
Половина мгновенно окажется там,
А другая пока остается во мне.
И уже я не знаю, как быть мне сейчас,
Кровь кипит, разжигается в жилах моих
От неистовой жажды увидеть Кавказ,
От желанья в горах оказаться родных.
Словно снежные горы вдали встают,
С них сбегают потоки, спеша на простор.
Половина души там находит приют,
Утолив свою жажду прохладой гор.
Это реки – что кровь моя! Лью ее, лью...
Половина всей крови моей в том краю,
Где равнины, лощины, луга и жнивье,
Птицы певчие в рощах, сменивших листву...
Вот все это – душа моя, сердце мое,
И в надежде увидеть их я и живу.

г. Фрунзе, 1948 г.

ТОРГОЙ

Ой, торгой, торгой, птица летних дней!
Ты мне нового не споешь,
Но услышанный на заре моей
Твой напев и сейчас хорош.
Не в одном я слышал тебя краю,
Словно следуешь ты за мной...
Снова в песенку вслушиваюсь твою,
Чтоб узнать тебя, о торгой!
Но по голосу распознать не готов –
Ты ли жаворонок, или нет?

И на ветке, гнущейся от плодов,
Я не вижу тебя, мой свет!
Так, но песенка нежит сердце мое,
Дарит столько добра, тепла,
И зимою и летом в звуках ее
Память детства жива, светла.
Длятся годы, в каждом – своя весна,
Ну, а песня – та же, точь-в-точь.
Возвращает лучшее мне она,
Все дурное уходит прочь.
Эта песенка, как всегда, нова,
Словно жизнь и небес лазурь.
То возник, то исчез – синева густа,
В небе ты среди грядущих зорь.
Если ты остаешься без отца,
За него ты все так же пой!
И несет эта песня, пронзив сердца,
Лик грядущей весны, торгой!

г. Фрунзе, 1955 г.

Перевод Михаила Синельникова

Юрий МАТВЕЕВ

Юрий Алексеевич Матвеев живёт и работает в городе Нальчике с 1980 г. По профессии музыкант, преподаёт в Колледже культуры и искусств СКГИИ.

Руководит отделением оркестровых инструментов.

Серебром нежнейшего напева
Голос милой в сердце прозвучал.
Ты моя любовь! Ты королева!
В сонме лет тебя я отыскал!
Отдаю перо своё и сердце.
На ладони бережно кладу.
И тебя, как царскую невесту,
К алтарю, любимую, веду!

Помнишь, милая, рощи зелёные?
Светом солнца пронизана даль.
Мы с тобою бродили влюблённые,
И нам времени было не жаль.
Расстигались поляны крапивные,
Улыбалась с ветвей алыча,
И любовь наша, в общем, недлинная,
Как полуденный зной горяча!
Я тебя осторожно и ласково
Целовал у деревьев на виду,
И мелодию сердца прекрасную
Милый друг, навсегда поведу!

Стояла осень у дверей,
По ветру жёлтый лист кружится,
А мы под клёкот журавлей
Сумели счастливо влюбиться!
Ты мой заветный стебелёк,
В лесу знакомая тропинка,

Ты мой журчащий ручеёк,
Моя вторая половинка!
Ты солнца лучик золотой,
Моя ты ягодка лесная,
Мне хорошо идти с тобой,
Забот и горести не зная!
Прижмись, любимая, ко мне,
Своим сердечком согревая,
Как хорошо наедине –
Объятья грёзы навевают!
Под колыбельную твою
Усну в покое безмятежном,
Ведь я тебя, как ты, люблю
Так упоительно и нежно!

Счастьем нежности сердце открылось
И взметнулось в небесную высь,
Это всё мне, наверно, приснилось,
Как и вся промелькнувшая жизнь...
Захлебнувшись восторгом желаний,
Я отдал тебе все, чем владел,
Мне не надо уже оправданий,
Стал я более молод и смел!
И перо своё нежно, желанно
Отдаю навсегда и навек.
Сберегал я его долгожданно
Для тебя, мой родной человек!
И стихи мои светом прольются,
Воспоёт и воспрянет душа.
И от сердца слова понесутся:
«Как, любимая, ты хороша!»

Азамат ГЫЛЛЫЕВ

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ИЗДЕРЖЕК НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

В настоящее время происходит формирование новой модели развития мировой экономики. Катализатором этого процесса стал финансово-экономический кризис. Необходимость повышения энергоэффективности экономики, снижения потребления ископаемого топлива и выбросов углекислого газа стимулировала кардинальный пересмотр государственных стратегий, принятие новых и пересмотр имеющихся законов.

Проблема трансграничности приобретает исключительное значение, и необходимо осмысление современных подходов и поиска адекватного механизма регулирования проблем. Становится очевидным, что интернализация внешних издержек выступает необходимым условием экономического роста и устойчивого развития современной экономики. В связи с этим представляется необходимым уточнить содержание данного понятия. **В основе стратегии интернализации лежит ряд экономических теорий:** теорема Коуза, налог Пигу, теория И. Баккли и Кассона. Понятие интернализации, в свою очередь, широко используется в экономических теориях, занимающихся проблемами транснационализации, мультинационализации, конкурентных преимуществ, прямых иностранных инвестиций.

В частности, в большинстве работ экономической проблематики интернализация – (от англ. internal – внутренний) рассматривается как стратегия крупных, как правило, транснациональных корпораций (ТНК), направленная на сокращение или устранение отрицательных внешних эффектов путем превращения их во внутренние. Стратегия интернализации может осуществляться несколькими путями:

- Сосредоточение в руках одной ТНК и ее филиалов необходимых технологий и производств и переход на внутренние (трансфертные) цены. Тем самым сокращается влияние отрицательного внешнего эффекта на уровень прибыльности.

- Компания может снизить объем производства или продаж определенного товара на данном рынке (а, значит, и внешних эффектов) до оптимального уровня, на котором установится приемлемая эффективность.

- Компания, страдающая от отрицательного внешнего эффекта, при определенных условиях может договориться с производителем этого эффекта с тем, чтобы разделить издержки (т.н. теорема Коуза – Coase's theorem).

- Возможно вмешательство государства, которое обладывает производителя отрицательного эффекта (напр. загрязнителя окружающей среды) налогом, равным по стоимости внешнему эффекту (т.н. налог Пигу – Pigovian tax), заставляя его уменьшить или ликвидировать сам эффект.

Интернализация – существенная часть международной стратегии ТНК, активно применяется для преодоления таможенных барьеров, обхода налогового законодательства и т.п. Особенно большой и сложной проблемой стали трансфертные цены, поскольку страны базирования ТНК теряют огромные средства в связи с недополучением налогов с этих компаний.

В контексте экологии, интернализация рассматривается как включение оценки внешних для компании положительных и отрицательных экологических эффектов, обусловленных деятельностью других компаний, организаций, лиц, в затраты или доход производителей этих эффектов в целях возможности осуществления их рыночного регулирования. Например, предъявление штрафных санкций за внешнее загрязнение территории компании, предприятия.

Однако международное сотрудничество в реализации данных программ по-прежнему находится на начальных этапах разработки, и они еще не опробованы в широких масштабах. То есть эта тема является совершенно актуальной для исследований и обсуждений, проводимых на межправительственном уровне, и представляет одновременно и возможность, и проблему в развитии межгосударственных отношений. В настоящее время все более активно предпринимаются попытки представить связанные с этим вопросы и предлагаются возможные ориентиры для их рассмотрения в будущем в рамках исследования тем экономической дипломатии.

Для национальной экономики основная цель заключается в предупреждении возникновения внешних издержек, тогда как интернализация выступает лишь средством ее достижения. Один из важных доводов в пользу интернализации внешних издержек как раз и заключается в том, чтобы субъект, несущий ответственность за возникновение подобных издержек, был заинтересован в их снижении или устранении. В то же время в некоторых случаях удается избежать подобных издержек без интернализации, например, путем принятия предупредительных мер или запрещения опасных видов деятельности.

В современной экономической литературе довольно детально разработаны основные положения экономического роста. И в то же время, соотношение экономического роста и устойчивого развития, на наш взгляд, недостаточно исследовано в современной экономической литературе.

Для того чтобы экономические инструменты выступали в качестве эффективного фактора, способствующего устойчивому развитию, они должны оказывать воздействие на поведение, создавая достаточно существенные стимулы, заставляющие производителей и потребителей пересмотреть свои решения относительно используемых производственных процессов и покупаемых товаров.

Выбор правильной комплекса инструментов политики для интернализации внешних издержек предполагает принятие тщательно сбалансированных решений.

В номере:

В. М. Коков. <i>Краткий очерк</i>	2
А. Б. Каноков. <i>Краткий очерк</i>	3
Колонка редактора	5

455 лет с Россией

Историческая справка	9
Истоки дружбы	15
Дороги к Москве. <i>Исторический очерк</i>	21
При дворе Ивана Грозного. <i>Исторический очерк</i>	28
Царская дорога. <i>Исторический очерк</i>	53
Адыги в Истории	63
Магомет Кучинаев. «Считать присоединенными к России эти народы...» <i>Статья</i>	83
Казбулат Дзамихов. Исторический опыт политико-правовой регламентации русско-кабардинских отношений: анализ документов второй половины XVI века. <i>Статья</i>	89
Братство народов – братство литератур	93
Саладин Жилетежев. Мухаджирство. <i>Отрывок из поэмы</i>	138
Герои Советского Союза – сыны Кабардино-Балкарии, полные кавалеры ордена Славы, герои Социалистического Труда ...	139
Россия и КБР сегодня	140
Литературные связи сегодня. Русские писатели и поэты – частые гости Кабардино-Балкарии	141
Лауреаты госпремии России и многих государственных наград ..	147
Али Мусуков. Социально-экономическое положение КБР. <i>Статья</i>	148
Руководители сферы образования и науки	158
Алеко Гварамия, ректор Абхазского Государственного университета, вице-президент АМАН	159
Хажбекир Хавпачев. Воспоминания. <i>Отрывок из книги</i>	160
Культура высокого полета	164
Жиялби Калмыков. Ислам и традиционная культура кабардинцев и балкарцев на современном этапе. <i>Статья</i>	166
КБР сегодня	170
Хасан Тхазеплов. Эпоха света. <i>Стихи</i>	188
К 75-летию Магомета Кучинаева	189
Борис Мазихов. Рассказы	207
Шихархан Нагучева. <i>Стихи</i>	216
Жанна Канукова. Пространство творчества.	222
Умар Алиев. <i>Стихи</i>	225
Юрий Матвеев. <i>Стихи</i>	227
Азамат Гылыев. Влияние интернализации издержек на экономический рост и устойчивое развитие. <i>Статья</i>	229

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка *Л. М. Батитова*

Подписано в печать 25.07.12. Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,5.
Уч.-изд. л. 15,15 Тираж 2100 экз. Заказ № 170 .
36000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.
Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются на электронных носителях.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
